

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ



МИФЫ
И
РЕАЛЬНОСТЬ

ПАВЕЛ СОБОЛЕВ

Павел Соболев
Бессознательное:
мифы и реальность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39470270

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-11337-4

Аннотация

О бессознательном (или подсознании) слышали все. Для большинства людей этот феномен плотно связан с работами Фрейда и других психоаналитиков. Но в силу неоднозначного статуса психоанализа в современном мире возникает и столь же неоднозначное отношение к самому бессознательному, то порождая фантастические его интерпретации в духе невиданных сил Вселенной, то вовсе отрицая его существование. Мало кому известно, что бессознательное активно изучалось и средствами академической науки и полученных данных достаточно, чтобы развеять или подтвердить многие бытующие мифы.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
1. Сознание и бессознательное	7
2. Неосознаваемые мотивы и память	42
3. Разумное бессознательное	89
4. Бессознательное и правое полушарие	139
5. Сновидения и язык бессознательного	196
6. Теория бессознательного	260
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	318
ЛИТЕРАТУРА	331

Павел Соболев

Бессознательное: мифы и реальность

ВВЕДЕНИЕ

Явление бессознательного, под влиянием революционных работ Зигмунда Фрейда эффектно ворвавшееся в философские диспуты начала XX века, со временем из сферы сугубо научной перекочевало и в сферу обывательского сознания. Постепенно вся культура оказалась буквально пронизана идеей бессознательного, и в итоге об этом явлении не слышал, пожалуй, только слепоглухонемой, не владеющий азбукой Лорма. Следствием этого ухода концепции "в массы" непременно стала **мифологизация** бессознательного – поскольку никто изучением явления утруждать себя не хотел, а вот посудачить желал каждый. Так бессознательному суждено было превратиться и в "мост с памятью предков", и в "кладовую инстинктивных образов", и в "проводник к источнику Космического Разума", и во много что ещё, чего без доли юмора точно никак придумаешь. Кочуя из одной обывательской фантазии в другую, феномен бессознательного об-

растал всё более непробиваемой толщей мифов. Мифологизация бессознательного даже породила целые квазирелигиозные культы сродни пресловутому фильму "Секрет" по одноимённой книге Ронды Берн и отлично продаваемые книги Джо Диспензы, и многих других авторов, утверждающих, что "Подсознание может всё", и усиленно призывающих людей практиковать визуализацию и многие другие методы с целью "программирования" бессознательного для достижения необходимых целей. А параллельно этому явление бессознательного достаточно активно исследовалось в научных лабораториях, где с каждым десятилетием устанавливались реальные механизмы его функционирования. Но поскольку именно наука представляет для обывателя реальное эзотерическое знание (так как сокрыто от него в скучных текстах толстых книг и, как правило, без картинок), то две эти сферы представлений (обывательского и научного) продолжили нигде не пересекающееся существование: учёный продолжал ставить удивительные эксперименты, а обыватель продолжал создавать удивительные фантазии.

На данный момент явление бессознательного изучено если не вдоль и поперёк, то очень и очень добротнo и под самыми разными углами. Целью данной работы и является донести всё, что известно современной науке о бессознательном, до обывателя, чтобы избавить его от мучительного неведения и от сладкого фантазирования одновременно.

Из этой книги вы узнаете:

- 1) Правда ли, что в глубинах психики сохраняется почти всё однажды увиденное и услышанное?
- 2) Правда ли, что мыслительные процессы (включая счёт и понимание слов) происходят в глубинах психики без нашего ведома?
- 3) Правда ли, что на поведение человека можно влиять с помощью скрытых воздействий (пресловутый 25-й кадр)?
- 4) Правда ли, что наша личность проста и однозначна, как часто видится нам?
- 5) Правда ли, в нашей психике существуют некие врождённые архетипы, как об этом писал Юнг?
- 6) Правда ли, что сновидения могут нам о чём-то сообщать?
- 7) Есть ли смысл читать сонники?
- 8) Видят ли сны слепые от рождения люди?
- 9) Существует ли вытеснение нежелательной информации, как об этом писал Фрейд?
- 10) Что такое интуиция, если сдуть с неё налёт мистики?
- 11) Правда ли, что мы взрослеем окончательно и бесповоротно?
- 12) У всех ли людей бессознательное одинаково?
- 13) Что из себя представляет бессознательное в принципе?

1. Сознание и бессознательное

"...я думаю, что ненамеренное проявление моей собственной душевной деятельности вполне может разоблачить что-либо скрытое, опять-таки относящееся лишь к моей душевной жизни; если я и верю во внешний (реальный) случай, то не верю во внутреннюю (психическую) случайность".
Зигмунд Фрейд, "Психопатология обыденной жизни".

Кто-то считает, что человек рождается с интеллектом.

Кто-то считает, что человек рождается и с сознанием уже в готовом виде – а по ходу взросления лишь происходит накопление опыта, расширение багажа знаний.

Если даже в ограниченной научной среде до сих пор присутствуют сторонники точки зрения, что интеллект передаётся по наследству, то что уж говорить в таком случае о сугубо бытовом уровне понимания данного вопроса.

Но на деле психика человека – сложнейшее явление, которое только можно придумать. И ещё лет сто пятьдесят назад, на самой заре научной психологии, взгляды на человеческую психику были неопишимо просты – словно это нечто, свойственное человеку изначально, до всякого опыта.

Да что ссылаться на взгляды вековой давности: и по сей день много наивных сторонников той позиции, что и заро-

дыш в утробе матери уже обладает сознанием и оперирует категориями "мама", "папа", "Я" и "биржевой опцион".

Несмотря на тот факт, что ещё около сто лет назад была высказана и доказана точка зрения, что ребёнок человека от рождения не обладает высшими психическими функциями (Пиаже, Выготский), и что они сами по себе не развиваются, но только в контакте со средой и другими людьми, сейчас этот немаловажный факт известен лишь тем, кто этим глубоко интересуется.

Первые годы жизни ребёнок проживает совершенно бес-сознательно. Он не понимает, что происходит вокруг, как происходит, почему, он даже не понимает, что именно он сам делает и как.

Мышление ребёнка в самую раннюю пору освоения речи представляет собой попытки совмещать несовместимое, увязывать неувязываемое, придавать значение случайному.

В своих суждениях ребёнок никогда не замечает противоречий – всё потому, что ему пока что напрочь неизвестна какая бы то ни было логика.

Если спросить ребёнка, почему деревянная лодка не тонет, он ответит, потому что она лёгкая. Если же его спросить, почему и корабль не тонет, он ответит, потому что он тяжёлый.

И для ребёнка это нормально. Противоречий для него не существует. Он ещё слишком мал, чтобы оценивать всю полноту взаимосвязей между явлениями. Его психический ап-

парат ещё слишком незрел.

Если же спросить ребёнка о некоторых причинных связях, то его ответы также не будут содержать никакой логики – обычно ребёнок только лишь ограничивается перечислением признаков объекта, как будто бы это что-то объясняет. К примеру, когда ребёнка спрашивают, почему солнце не падает, он отвечает "Потому что жарко" или "Потому что оно жёлтое".

Самый маститый исследователь формирования человеческой психики прошлого века Жан Пиаже не просто создал обширную теорию происхождения и развития интеллекта у ребёнка, но буквально по кирпичикам фактов и экспериментов собрал гигантский теоретический замок, которого не существовало прежде.

Теория возникновения и развития интеллекта Пиаже сложна и многогранна (кто замахнётся только прочесть его 52 книги и 458 статей, написанные единолично и в соавторстве, тому уже памятник ставить можно). Даже его основной оппонент – гений отечественной психологии Выготский – признавал, что теория Пиаже это шаг вперёд по сравнению с традиционной детской психологией, и восхищался колоссальным потоком приводимых фактов самой разной степени значимости.

Не будет преувеличением сказать, что с момента смерти Пиаже в 1980-ом не нашлось ещё в научном мире исследователя или даже группы исследователей, которые бы внес-

ли в понимание развития мыслительных процессов человека столь же значительный вклад, что и Пиаже.

Пиаже установил, что хотя определённые умственные способности и появляются у детей примерно в одинаковом возрасте, у некоторых они могут выявиться раньше или позже. Но, как бы там ни было, а порядок появления тех или иных мыслительных способностей у каждого ребёнка строго неизменен, поскольку развитие интеллекта – это формирование нового качества на основе уже существующего.

Развитие мышления – процесс непрерывный. Согласно Пиаже, этот процесс всегда разворачивается в строгой последовательности – от стадии к стадии.

На первой из них ребёнок даже не имеет представления о том, что предметы существуют и вне его поля зрения. Если ребёнку до 2 лет показать какой-либо предмет, а потом закрыть его ширмой, то в его понимании этот предмет попросту перестаёт существовать. Если предмет исчез из поля зрения, значит, он исчез совсем. Другими словами, в представлениях ребёнка ещё нет концепции постоянства предметов.

Пиаже прямо говорил, что самые первые месяцы жизни ребёнка – это чистый солипсизм (то есть убеждение, что в мире нет ничего, что может находиться за пределами восприятия в данный момент). В представлении ребёнка весь окружающий мир слит с ним самим воедино, поскольку ещё нет никакого осознания, что вот это – **мои** руки и **мои** ноги. Нет вообще никакого понимания, что вот это **я**. У ребёнка

ещё отсутствует какое-либо самосознание и понимание того, что он – это **он**

Но ребёнок с первых минут рождения начинает активно взаимодействовать с окружающей действительностью. Он наблюдает и вступает в контакт с миром предметов.

Это самые зачатки понимания мироустройства. Открытие мира для себя. И начинает ребёнок это понимание с первых ощупываний руками, захватов ртом и слабых поползновений. Такими черепашьими методами он познаёт мир вокруг себя. Открывает его с самого нуля. И всего за несколько лет совершает самый настоящий прорыв, вознося свою психику на совершенно новый уровень развития.

Изначально у ребёнка не имеется даже никаких представлений о причинности. Ребёнок не понимает, что одно явление происходит в силу того, что сначала происходит какое-то иное явление, не только предшествующее первому во времени, но и делающее возможным его возникновение. То есть и причинность – феномен, который ребёнок **сам** открывает для себя на своём собственном опыте в ходе многочисленных манипуляций с предметами и наблюдений за окружающей действительностью.

В своей операциональной концепции развития интеллекта Пиаже настаивал, что мыслительные операции, которые со временем осваивает ребёнок, первоначально осваиваются им в предметно-действенной сфере – сначала ребёнок контактирует с предметами, вставляет один в другой, перевора-

чивает их, преобразует во взаимодействии друг с другом, пересыпает, переливает, надламывает. И только потом он научается проделывать с ними все те же операции, но уже в уме.

Так, операции, совершаемые в предметно-действенной сфере, переходят в операции, совершаемые в уме. Не было бы активного контакта с действительностью, то не было бы и мышления как такового.

Процесс, который обозначает переход операций, первоначально осуществлённых во внешнем плане, в план внутренних (мыслительный), называется **интериоризацией**

В научной психологии интериоризация – одно из ключевых понятий, которое лежит в основе развития всей психики человека.

Говоря житейским языком, интериоризация – это впитывание.

Или вращивание, как любил говорить А.Н. Леонтьев.

Вращивание структур некоторых внешних событий в психический аппарат человека, которые дальше образуют там определённую схему для взаимодействия с окружающей действительностью – это и есть интериоризация. То есть общие схемы внешних событий вращиваются в психику, внедряются в неё и формируют там схемы внутренних событий – то есть мыслительные операции.

"Для того, чтобы познавать объекты, субъект должен

действовать с ними и поэтому трансформировать их: он должен перемещать их, связывать, комбинировать, удалять и вновь возвращать. Начиная с наиболее элементарных сенсомоторных действий (таких, как толкать, тянуть) и кончая наиболее изощрёнными интеллектуальными операциями, которые суть интериоризированные действия, осуществляемые в уме (например, объединение, упорядочивание, установление взаимно-однозначных соответствий), познание постоянно связано с действиями или операциями, т.е. с трансформациями" (Пиаже, 2001. С. 107).

Обозначая суть теории Пиаже в самых общих чертах, можно сказать, что развитие мышления человека – это непрерывный процесс интериоризации внешних операций с предметной действительностью во внутренний, психический план. Так возникают зачатки мышления, самые общие его контуры. Иными словами, свою логику человек развивает не как некий абстрактный, независимый от реального мира конструкт, а исключительно как результат активного взаимодействия с этим миром.

Ребёнок черпает свою логику из самих предметов, из тех операций, которые он самостоятельно с ними проделывает в ходе многих и многих повторений – изначально логика заключена именно здесь, во взаимодействии с предметами и между предметами.

"... практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом" (Ленин В.И.).

Образно говоря, изначально психика человека – снаружи. Она "рассыпана" по разным аспектам культуры и материального мира, и только в процессе контакта со средой, в ходе деятельности человек "потребляет" свою психику в виде общих схем из внешних событий.

Думается, здесь не надо даже говорить о несуразности того, слава богу, редкого в научных кругах взгляда, но довольно распространённого в кругах обывательских, согласно которому интеллект может наследоваться, передаваться от родителя ребёнку генетическим путём.

Между 4 и 7 годами ребёнок уже многое знает и немало понимает, но до сих пор колоссальная часть явлений и взаимоотношений всё ещё сокрыта от его несформированного мышления. Так, если ребёнку показать два куска пластилина, скатанные в два одинаковых шара, и спросить, в каком из комков пластилина больше, ребёнок ответить, что одинаково. Затем, если один из комков раскатать в длинную колбаску и снова спросить, где теперь пластилина больше – в комке или колбаске, он ответит, в колбаске.

Или если выложить перед ребёнком две нити с одинаковым числом бусин и спросить, равное ли число бусин в обо-

их рядах, ребёнок ответит "да". Но если затем взять бусы одного из рядов и растянуть, разложив на большем расстоянии друг от друга, то ребёнок скажет, что в этом ряду бусин стало больше, потому что увеличилась длина всего ряда.

Пиаже окрестил такие суждения неспособностью к сохранению, что означает неумение ребёнка понимать, что количественные характеристики предмета (вес, объём, длина, количество вещества) не меняются вне зависимости от того, каким образом они представлены.

Подобных интересных нюансов в формирующемся мышлении ребёнка очень много.

Но в ходе опыта, совершая всё больше и больше разнообразных операций в предметно-действенной сфере, ребёнок путём интериоризации постоянно усложняет схемы отображения действительности в своей собственной психике. Мышление ребёнка в своём развитии непрерывно перешагивает с одной стадии на другую.

И если у кого-то на сугубо бытовом уровне когда-то и существовало мнение, будто человеку какая бы то ни было логика присуща от рождения, то Пиаже со всей обстоятельностью доказал, что интеллект человека – величина динамическая, формирующаяся в отношениях со средой и в этих же отношениях развивающаяся.

Но важно также и другое, что и сознание тоже не дано ребёнку от рождения.

Первые годы своей жизни ребёнок живёт исключительно

бессознательно. Он может совершать невероятное множество движений, большая часть его действий будет иметь очевидную целесообразность для достижения какого-либо конкретного результата, но осознания этого у него всё равно ещё нет.

Даже совершая сложные действия, требующие невероятной координации и расчёта, ребёнок всё равно не понимает, как он это делает. Они получаются у него как бы спонтанно, сами по себе, без участия сознания.

Пиаже и Выготский показали, что даже и потом, когда ребёнок постепенно научается говорить, он употребляет часть слов пусть и совершенно правильно, с кажущимся осознанием смысла этих слов, но на самом деле это не совсем так. Когда ребёнка просят объяснить, что означает слово, которое он только что употребил, причём употребил в совершенно верном контексте (к примеру, союзы "потому что", "так как" или "хотя"), ребёнок не может объяснить, что оно значит. Этот факт указывает на то, что понимание слова произошло, что и демонстрируется верным употреблением этого слова в нужном контексте, но понимание это произошло не на сознательном уровне, а где-то глубже – на уровне бессознательном.

Тут мы можем задаться естественным вопросом – а что же тогда такое сознание? Если даже неосознаваемые действия могут обладать намеренностью, целенаправленностью и даже расчётом?

Что такое сознание тогда?

Вообще, интересен тот факт, что дать наиболее точное определение сознанию гораздо сложнее, чем бессознательному. Большинство из нас как бы на интуитивном уровне понимают, что такое сознание, исходя из своего собственного опыта, но вот точно описать феномен сознания в словах – это задача не из лёгких. И уже одно это, кстати, указывает на то, что мы на самом деле не осознаём, что такое сознание, как бы это забавно ни звучало.

В то время как на основе анализа некоторых косвенных признаков у нас имеется вполне сознательно понимание того, что такое бессознательное, у нас нет сознательного понимания самого сознания. У нас есть лишь смутное представление о нём, глубинное интуитивное знание, которое мы не можем выразить в словах. Что такое бессознательное – мы можем сказать относительно легко, а что такое сознание – мы точно сказать не можем. Таким образом, у нас имеется сознательное понимание феномена бессознательного и бессознательное понимание феномена сознания.

Парадокс, но так и есть.

Но, наверное, было бы в какой-то степени забавно начинать речь о бессознательном, не объяснив перед этим, что же всё-таки такое сознание.

Наиболее основательный подход к проблеме сознания продемонстрировал в своих исследованиях гений отечественной психологии Лев Семёнович Выготский. Он вели-

колепно показал и обосновал, как развитие сознания напрямую, даже самым непосредственным образом зависит от овладения речью ребёнком. Именно сам факт овладения речью вызывает развитие сознания как такового.

Но если говорить точнее, то развитие сознания вызвано освоением не только одной лишь вербальной речи, но и вообще всякой знаковой системой (то есть даже языком жестов, используемого глухонемыми).

Каждый из нас, кому доводилось наблюдать маленьких детей, замечал, как склонны они зачастую бормотать что-то себе под нос – совершенно независимо от того, слушает их кто-то или нет. Ребёнок занимается какой-то вознёй с пластилином и говорит об этом вслух – "Сейчас сделаю так, а потом вот так... Вылеплю человечка, пусть маленький будет... Так, сейчас нужно ногу ему сделать" и всё в таком духе... Пиаже считал подобный речевой акт своеобразным эпифеноменом, который не играет сколь-нибудь значимой роли в развитии ребёнка – он назвал это явление **эгоцентрической речью**, то есть речью для себя. Ребёнок делает что-то и параллельно говорит о том, что именно он делает. С позиций Пиаже, эгоцентрическая речь не имеет никакой функции и с возрастом (примерно к 7 годам) просто отмирает.

Но Выготский имел совершенно иной взгляд на это говорение детей.

В своих экспериментах с детьми гений отечественной психологии умело доказал, что на ранней стадии развития ре-

бёнка его речь способствует лучшему решению поставленных задач. Ребёнок начинает проговаривать возникшую проблему вслух (как бы для себя самого), и в этом месте происходит перелом в решении.

Когда всё идёт гладко, и деятельность ребёнка ничем не нарушается, он разговаривает сам с собой не так много. Но стоит только внести в его деятельность некоторые затруднения, так речевая активность **для себя** существенно возрастает. Ребёнок вдруг начинает проговаривать возникшую трудность, оглашать её вслух для себя самого, тем самым чётко очерчивая диапазон возникшей проблемы.

"Где карандаш, теперь мне нужен синий карандаш; ничего, я вместо этого нарисую красным и смочу водой, это потемнеет и будет, как синее" – так ребёнок обозначает для себя возникшую проблему и тут же вербально её и разрешает в умственном плане, а затем уже следует сказанному на практике. Здесь можно видеть, как эгоцентрическая речь ребёнка (речь для себя) является не чем иным, как речью планирующей, то есть как бы словесной инструкцией, которую ребёнок даёт сам себе и тут же сам и выполняет. Выготский прямо пишет: "Эгоцентрическая речь [...] легко становится средством мышления в собственном смысле".

Так гений отечественной психологии показал, что первые речевые акты ребёнка, которые он совершает для себя, то самое говорение себе под нос, являются его первейшими актами по осознанию действительности.

Это он просто **мыслит** вслух.

То, что ребёнок называет вслух, им и осознаётся.

Именно вслух ребёнок производит первые свои **сознательные** мысли.

В другом эксперименте перед ребёнком ставили задачу – на шкаф кладут конфету, и он должен её достать. По изначальному замыслу он должен сообразить и воспользоваться для этого палкой, которая тоже имеется в комнате. Пока опыт разворачивается без вмешательства экспериментатора, дети справляются с задачей с переменным успехом. Потом в неудачные попытки детей достать конфету вмешивается взрослый и просит: расскажи, как достанешь? Тогда ребёнок начинает комментировать свои действия вслух, но что особенно интересно, это тот факт, что в таких случаях число успешных решений задачи существенно возрастает.

Девочке Любе 4 с половиной года. Ей нужно достать конфету со шкафа. У шкафа стоит стул. Также в комнате имеется палка, лежащая на полу.

Сначала девочка становится на стул и молча тянется к конфете. Не дотягивается.

Вслух говорит "На стуле". Меняет руку и пытается тянуться уже ей. Тоже не выходит.

Говорит: её можно уронить вот на тот стул, встать и уронить...

Приносит второй стул, ставит рядом с первым, снова взбирается на первый стул и снова тянется. Вслух говорит

"Нет, не достать". Молчит, затем видит на полу палку и добавляет "Палкой можно".

Девочка поднимает с пола палку и теперь ей удаётся дотянуться до конфеты.

Говорит "Сдвину сейчас". Сдвигает, роняет на пол.

"Если б на стуле, не достала бы, а палкой достала".

Вот в этом и состоит секрет сознания. Выделить с помощью слов нечто главное, из всей совокупности информации, имеющейся в поле восприятия.

Пока человек не обладает никакой речью, он не способен выделить для себя самое существенное, что необходимо для решения какой-либо задачи. Потому что в этот момент его внимание как бы рассеивается на все предметы, которые попадают в поле его зрения-слуха-осознания. В голове содержится будто облако разных мыслей, но никакую из них нельзя вычленивать конкретно и обособить от всех остальных. Это облако мыслей так и остаётся всего лишь облаком. Но именно речь делает возможной конденсацию той или иной имеющейся мысли, делает возможным сосредоточение внимания на каком-либо одном конкретном предмете.

Как отмечает ученица Выготского Р. Е. Левина, "что молча воспринимается как нечто единое, целое, сразу же аналитически разбивается на составные элементы при попытке словесно формулировать воспринятое. Легко убедиться каждому, как часто в ещё неосознанное впечатление вносит ясность попытка его охарактеризовать словами" (Левина

на, 1968).

В своей фундаментальной работе "Мышление и речь" Выготский писал: "Оратор часто в течение нескольких минут развивает одну и ту же мысль. Эта мысль содержится в его уме как целое, а отнюдь не возникает постепенно, отдельными единицами, как развивается его речь. То, что в мысли содержится *симультанно (одномоментно, в единой целостности – С.П.)*, то в речи разворачивается *сукцессивно (последовательно, поочерёдно – С.П.)*.

И затем Выготский говорит: "Мысль можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов".

Таким образом, именно овладение речью (не только вербальной речью, но и любым знаковым отображением реальности вообще, включая язык жестов) приводит к возникновению такого обыденного для нас явления, как сознание. Не овладей каждый из нас речью в раннем возрасте, наша жизнь так и оставалась бы совершенно бессознательной, как у всех прочих животных.

Вы задумывались когда-нибудь над тем, на каком языке вы мыслите? Да, это совершенно правильная постановка вопроса – те мысли, которые человек осознаёт, непременно производятся на его родном языке.

Как показал Выготский, в дальнейшем эгоцентрическая (планирующая) речь ребёнка переходит в так называемую **внутреннюю речь** – это то самое, что каждый из нас на-

зывает своими сознательными мыслями. Это наш разговор внутри себя, "про себя".

На ранних этапах нашего развития все мы сначала выражаем свои мысли исключительно вслух – именно эти мысли нами и осознаются. Затем мы научаемся проделывать всё то же, но уже в уме. Мы интериоризируем нашу речь, и именно в ней отныне находят своё выражение мысли.

Только облачённая в речь мысль становится **осознанной**. Именно этот аспект и имел в виду Выготский, когда говорил, что речь становится **средством** мышления. Без речи (без какой-либо знаковой системы) мысль так и останется невыраженной – даже для самого субъекта. Человек не сможет мыслить даже "про себя", если он не обучен языку. В голове будет иметься лишь то самое "облако мыслей", но никакая конкретная мысль не будет выделена, она попросту не сможет быть выделена, поскольку её не во что облачить. И именно речь, язык становится средством этого выражения мысли. Иными словами, язык становится **орудием** мысли (подробнее об этом см. Соболев, 2018).

Таким образом, изначально ребёнок во взаимодействии с взрослыми потихоньку начинает осваивать и усваивать речь. Он применяет речь в ситуациях, которые требуют некоторого разрешения, и поначалу проделывает это исключительно вслух. На данном этапе его речь развёрнута и похожа на настоящий монолог. Затем, со временем, эта его внешняя речь становится всё более сжатой, более сокращённой (*предика-*

тивной – то есть в такой речи остаются только существительные как те узловые, ключевые моменты, которые требуют концентрации внимания). И на самом последнем этапе эта речь вовсе "сворачивается" и уходит вовнутрь, вращивается в психику ребёнка и формирует непосредственно его сознание.

Помню, как давно, когда мне было лет 13, у нас дома остался мой двоюродный брат – ему было что-то около 5 лет. Я лежу и смотрю передачу по телевизору, а он сидит рядом и пытается читать комикс, который я ему дал, чтобы хоть чем-то занять.

Сначала он смотрит картинки, а затем проводит пальцем по тексту и читает его. Читает вслух. Медленно так, по слогам.

Меня это немного отвлекает от просмотра, и я начинаю на него шикать : Вовка, читай про себя...

Он замолкает на время, но затем снова начинает читать. И снова вслух.

Я опять шикаю на него : читай молча, Вовка. Читай про себя...

Он снова замолкает, но через некоторое время снова начинает.

Я смотрю на него и думаю, блин, какой же он дурной... Тогда я ещё не понимал, что ребёнок изначально не умеет читать про себя, но только вслух.

Все первоклашки, записывая диктуемое слово, проговаривают его вслух. Если мешать ребёнку проговаривать услышанное слово (к примеру, попросив его держать рот открытым или зажать язык зубами), то письмо будет сильно нарушено (число ошибок возрастает в 6 раз) (Лурия, Цветкова, 2008).

Даже потом, у взрослых, при чтении текста "про себя" регистрируется увеличение электромиографической активности мышц нижней губы, и чем сложнее или бессмысленнее текст, тем эта активность выше (Соколов, 1967).

Так возникает наше сознание – способность с помощью слова избегать рассеивания внимания по всей совокупности воспринимаемых явлений и сосредоточивать его на одном конкретном аспекте действительности. То есть сосредоточение на какой-либо ситуации осуществляется благодаря неуловимому проговариванию её аспектов про себя, которое благодаря существенному сокращению характеристик внутренней речи становится почти мгновенной и неосознаваемой.

В этом и состоит суть сознания – обособлять и упорядочивать воспринимаемые явления.

Если в обыденном представлении человека сознание – это скорее просто само восприятие действительности, то данный взгляд является категорически неверным, поскольку мы знаем и можем наблюдать, что и прочие животные тоже вос-

принимают действительность и реагируют на неё. Но в чём же разница между восприятием действительности человека и прочих животных? А разница именно в последовательном, упорядоченном восприятии действительности. У животных такая способность отсутствует. Человеку же она становится доступной только в результате освоения знаковой системой отображения действительности – в результате освоения языка. Именно язык упорядочивает поступающую информацию. Именно он делает возможным "высвечивать" из общей картины восприятия нужные фрагменты. Как замечательно говорит психолингвист Черниговская Т. В., язык – это "средство противостояния сенсорному хаосу" (Черниговская, 2013. С. 67).

Таким образом, сознание (*в узком, психофизиологическом смысле*) – это не восприятие вообще, но лишь один из его способов, высший из них, позволяющий производить восприятие не в целом, но фрагментировать его, выделяя наиболее значимые его аспекты, про которые мы и можем сказать, что вот именно они и осознаются.

В итоге можно сформулировать определение сознания следующим образом: сознание – это такой способ восприятия действительности, в котором происходит последовательное (дискретное) отображение явлений, осуществляемое благодаря направленному вниманию и которое, следовательно, может быть выражено вербально.

И развитие направленного внимания происходит именно

под воздействием освоения речи. Тогда название, присваиваемое каждой вещи, заставляет активизироваться мыслительную деятельность и воссоздавать в мозгу образ той самой вещи, о которой только что было упомянуто. Именно под воздействием слова развивается направленное внимание.

Если какое-либо переживание не может быть выражено вербально, в виде слова, то оно не является осознанным.

Обратите внимание : Пиаже показал, как мышление формируется путём интериоризации своих внешних операций

Выготский показал, как сознание формируется путём интериоризации своей внешней речи, в ходе социального контакта со взрослыми.

Именно поэтому интериоризацию совершенно справедливо можно считать основным средством формирования человеческой психики. В принципе, Выготский так и утверждал : любая функция психического аппарата человека сначала происходит в виде некоего внешнего события и только потом переходит во внутренний план, образуя новую психическую структуру.

Джулиан (Jaunes, 1976) разумно обосновывал тот факт, что вся наша мыслительная и сознательная деятельность являются результатом отображения лишь неких внешних

событий, приводя в пример термины, которыми мы описываем работу своей психики. Мы говорим, что мы "нашли" решение проблемы, мы "видим" проблему, мы "разбираемся" в ситуации, мы "подошли" к вопросу"; решения же могут быть "ясными" или "блестящими", а ум бывает "острым" или "тупым", "глубоким" или "ограниченным".

Джейнс говорил прямо: "не существует ни одной операции в сознании, которая бы не происходила прежде в поведении. Все перечисленные признаки узнаются в своих аналогах во внешнем поведении" (Jaynes, 1986). Таким образом, он вторил идеям Выготского о формировании высших психических функций путём интериоризации (вращивания) своей внешней деятельности.

Исходя из справедливых посылок своей культурно-исторической теории развития высших психических функций, гений отечественной психологии говорил, что сознание может быть сформировано **только** в ходе социального взаимодействия.

Не зря же люди потом смогли обучать шимпанзе языку жестов, в результате чего одна из них – эпохальная обезьянка Мойя (хотя все обезьянки там были эпохальными) – смогла подойти к зеркалу, посмотреть на своё отражение и сказать: **это я...** (Зорина З. А., Смирнова, 2006).

В этом коротком " **Это я** " заключается колоссальнейшее для животного достижение вселенских масштабов.

*Осознать себя. Осознать себя обособленным от всего прочего предметного мира, не его частью, а **самим собой**. Это грандиозное достижение для психики существа.*

И заметьте, только в контакте с людьми животное смогло это сделать...

Но сознание – это не то же самое, что и мышление. Разумеется, не стоит их путать.

Мышление может происходить и без участия сознания (и это мы увидим в главе 3 "Разумное бессознательное"). Сознание лишь помогает вычленять из всех мыслей нужную, наиболее подходящую в данный момент.

Этот факт на примере многих своих действий доказывают сами малые дети, совершающие сложные действия, но не понимающие, как они это делают, а в случае объяснения дающие совершенно неверные истолкования.

Пиаже показал, что мышление начинает развиваться с первых контактов ребёнка с окружающей его действительностью, мышление формируется посредством манипуляций с предметами. Сознание же, как показал Выготский, развивается только с периода освоения речи в результате контакта с социальным окружением. Следовательно, в онтогенетическом плане мышление совершенно чётко и однозначно предшествует сознанию (но только в сотрудничестве с сознанием мышление впоследствии может перейти на совершенно иной уровень развития, но эта тема – за рамками данной работы).

Таким образом, первые годы жизни ребёнка – абсолютно

бессознательны. Для него все события окружающего мира слиты воедино, представлены в виде одного целостного образа, в котором почти невозможно вычленить какое-либо одно явление и долго удерживать его в поле своего внимания. На данном этапе только происходят первые попытки осмысления реальности – но попытки эти неказисты и неумелы. Мышление развивается, но достичь уровня формальной логики ему будет невозможно без параллельного возникновения и развития сознания – поскольку именно сознание способствует упорядоченному восприятию действительности в виде раздробленных образов, а не одним скопом сразу, откуда трудно что-либо вычленить.

Всё это говорит о том, что сознание совершенно не обязательно для функционирования мышления. Оно обязательно только для развития высших способов мышления, но самые примитивные весьма успешно справляются и без него.

Выготский и сам неоднократно подчёркивал, что не стоит путать мышление и сознание, поскольку сознание возникает лишь с освоением речи, а мышление (пусть и в значительно более слабом виде) присутствует уже и до речевой стадии.

Различные психические акты в голове человека легко могут происходить бессознательно. Человек может даже об этом и не догадываться, не осознавать их.

Я только что умылся. Пока бреюсь, включаю утренний выпуск новостей по "НТВ".

Диктор сообщает что-то про Муамара Каддафи. Не очень интересно.

Я собираюсь ехать в Центр – надо пройтись по книжным магазинам да купить билеты на Алана Парсонса, который вдруг решил навеститься со своим грандиозным музыкальным шоу в нашу глухомань.

Диктор сообщает что-то про Барака Обаму.

Я смываю с лица гель для бритья и начинаю одеваться. Сначала белые носки (серые, конечно же, ужасе, но изначально именно белые).

Диктор сообщает что-то о Ватикане, о холокосте, об инквизиторе Игнатии Лойоле.

Вдруг в связи с последним именем у меня в ассоциативном ряду всплывает другое имя – Дэнни Айелло.

Лойола – Айелло...

Я на мгновение замираю с носком в руке...

Кто такой Дэнни Айелло?

Что-то очень знакомое... Но откуда именно? Кажется, это то ли певец, то ли артист... Или писатель?

Носок продолжает висеть в моей руке.

Чёрт, кто такой Дэнни Айелло?!

Вопрос не жизненно важный, но всё же...

Диктор сообщает что-то о пенсионере из Рязани, который переделал велосипед в тёрку для капусты – крутишь педали, а капуста измельчается.

Ладно, надо собираться. Надеваю джинсы, иду на кухню,

наклеиваю пластырь с гиоксизоном на лоб поверх прыща – уж лучше пусть будет похоже на заклеенную рану.

Диктор сообщает что-то о пингвинах-гомосексуалистах из Маньчжурского зоопарка, которые повадились воровать яйца у гетеросексуальных пар, а вместо них подкидывать округлые камни.

Вот бывает же в мире, улыбаюсь я. Достаяю из тумбы зажим с деньгами и сую его в задний карман джинсов. Затем убираю мобильник в магнитную сумочку и креплю её на пояс.

Так, а может, позвонить Игнату? Вдруг ему сейчас тоже в Центр надо?

Вместе всяко веселее будет.

Пока диктор в новостях вещает о чём-то ещё, набираю Игната. Вызов идёт. Раз гудок, два, три... Проходит секунд сорок.

Ну да ладно, чёрт с ним, думаю я и снова убираю мобильник на пояс.

Начинается прогноз погоды. Выключаю телевизор и иду к шкафу за свитером.

Сам же на ходу думаю, вот хорошо было бы в книжном обнаружить Малкину-Пых и её "Психологию поведения жертвы". Тысячестраничный труд по всем вопросам виктимологии. Серьёзная работа, которую сейчас вообще нигде не достать, даже во всех интернет-магазинах её нет в наличии.

Ну или что-нибудь из того же Выготского. Тоже мало

где продают. Лурию легко можно найти, а Выготского нет, странно.

Начинаю напяливать через голову свитер, как вдруг проскакивает невесть откуда вынырнувшая мысль – "Гудзонский ястреб".

Останавливаюсь.

"Гудзонский ястреб?" – задумываюсь я. – Причём здесь это?

Почему вдруг вспомнил об этом фильме?

Забавную комедию с Брюсом Уиллисом я впервые посмотрел ещё в 92-ом, она мне нравилась, но почему вдруг ни с того, ни с сего вспомнилась?

Медленно продолжаю натягивать на себя свитер, а сам же думаю, почему вдруг вспомнился этот фильм?

Пока думаю, на ум тут же приходит сцена из самого начала, где герой Уиллиса с другом грабят музей. Как вырезают стеклорезом с присоской дырку в окне, как шутя, игриво насвистывают какую-то мелодию... Такие весёлые, непринуждённые – юморист Уиллис и этот... Как его... Крупнолицый такой... Как же его? Как этого второго актёра...

Тут я ещё раз замираю. Но на этот раз от удивления... Дэнни Айелло! Точно!

Этот самый крупнолицый друг Уиллиса из "Гудзонского ястреба"! Это и есть Дэнни Айелло!

Напялил свитер, стою в коридоре, смотрю на себя в зеркало и думаю...

Это что получается? Пока я тут собирался и думал о своём, что-то внутри меня продолжало усердно вспоминать, кто такой Дэнни Айелло?

Пока моё сознание было занято своими делами, в подсознании происходили свои процессы, которые я запустил некоторое время назад?

Когда бессознательное нашло ответ (идентифицировало искомого Дэнни Айелло как актёра из "Гудзонского ястреба"), оно тут же предоставило этот ответ в распоряжение сознания. Вытолкнуло на поверхность. Потому-то я и не сразу сообразил, к чему вспомнился этот фильм – потому что его отношение к Дэнни Айелло было прослежено бессознательно, вне контроля моего внимания.

Я давно понимал, что все озарения в нашей жизни, внезапные догадки, интуиция – это всё работа нашего бессознательного. И никаких чудес.

Хотя, с другой стороны, разве сам факт того, что в нашей психике сосуществуют сразу несколько уровней одновременного мышления, не является чудом?

Именно так. Иначе не скажешь.

В свете этого подхода к пониманию сознания, психоаналитик Фил Моллон (Моллон, 2002) справедливо отмечает, что сознание имеет много общего с понятием внимания (хотя далеко им не исчерпывается). Мы осознаём только то, на что направлено наше внимание и не осознаём того, на что

внимание не направлено. Это касается не только восприятия действительности, но и осознания собственных внутренних психических процессов (самосознание).

Сознание как внимание похоже на свет ручного фонарика, которым мы освещаем тёмную комнату. Мы не освещаем всю комнату сразу, мы технически не можем этого сделать, а потому вынуждены освещать лишь определённый участок стены, пола, потолка...

То, что выхватывает луч фонаря из темноты, нами и осознаётся. И наша собственная мысль подобна бегущему таракану – пока мы её освещаем, мы её хорошо осознаём, но стоит нам отвести луч света в сторону, как таракан пропадает из поля нашего зрения.

Но что самое интересно, этот "таракан" никуда не исчезает. Он остаётся. И продолжает бежать туда, куда собирался.

К своему Дэнни Айелло.

Просто свой бег он совершает уже вне поля нашего внимания.

Именно подобная аналогия, со светом ручного фонарика, позволяет наглядно показать, что в психике человека одновременно происходит несколько большее число процессов, чем мы обычно предполагаем.

Если выразиться в витиеватой манере восточных мудрецов, то мы думаем не только о том, о чём мы думаем, что мы думаем в данный момент. Но мы так же думаем о том, о чём бы мы ни за что не подумали, что мы можем об этом

думать вообще.

Та часть нашей психической деятельности, что не является объектом нашего внимания в данный момент, и является бессознательной. Но это бессознательное не представляет собой некий статичный склад отпечатанных в гипсе воспоминаний. Нет, как мы увидим дальше, наше бессознательное активно. Динамично.

В нём происходят свои процессы, свои способы осмысления действительности, кодирования информации и её же расшифровки. И одно из самых интересных свойств бессознательного – его мотивирующее свойство, которое исподволь влияет на поведение индивида. Именно по этой причине неосознаваемые психические процессы Фрейд предпочитал называть не просто бессознательным, но динамическим бессознательным.

Феномен бессознательного в истории человечества навеки сплетён с именем Зигмунда Фрейда. Но не потому, что Фрейд был первооткрывателем бессознательного, и даже не потому, что он одним из первых принялся его изучать, а просто потому, что сделал он это чрезвычайно искусно.

О существовании некой движущей мотивационной силы, которая есть в каждом из нас, но при этом не всегда осознаётся, мог догадываться любой человек. Даже на бытовом уровне мы можем порой наблюдать в поведении других людей (и своём тоже) наличие некоторой скрытой мотивации – для этого достаточно лишь самой малой наблюдательности.

Но Фрейд не просто констатировал этот факт, а предпринял беспрецедентную попытку исследовать деятельность той части психики, которая не осознаётся самим человеком.

Проявление бессознательной психической деятельности Фрейд усмотрел во многих действиях человека, которые можно охарактеризовать невинным словом "случайность" или "ошибка". Оговорки, опечатки, забывания некоторых фактов или определённые ошибочные действия – всё это было демонстрацией бессознательной мотивации. Фрейд был первым в том, что усмотрел за всяческим ворохом "случайностей" логическую связь со скрытыми желаниями индивида (Фрейд, 2008а).

В жизни и поведении человека постоянно присутствует огромный ком косвенных признаков, по пути движения которого всегда можно проследить, откуда он "прикатился", из какого неосознаваемого мотива, из какого отрицаемого желания.

Именно косвенные признаки – своеобразный указатель на дороге к лесу бессознательного.

"Бессознательное влияет на наши поступки, обнаруживается в нашем поведении, и по этим следам и проявлениям мы научаемся распознавать бессознательное и законы, управляющие им" (Выготский, 1986).

Фрейд стал наглядным историческим примером, как кон-

кретный человек совершает открытие, имея на руках все те же данные, что были доступны всем, начиная с финансового воротилы в Нью-Йорке и заканчивая крановщиком из Воркуты. С этим может сравниться лишь Ньютон, которому первому пришло в голову задуматься, а почему это мы, собственно, ходим по полу, а не по потолку?

Воистину прав был нелепый персонаж Джина Хэкмена из первого "Супермена", когда говорил, что есть люди, которые, глядя на состав жевательной резинки на упаковке, видят лишь состав жевательной резинки, и есть люди, которые, видя всё то же самое, вдруг понимают секрет мироздания.

Фрейд был именно таким.

Но описки, оговорки и прочие жизненные мелочи из нашего личного опыта своей порой удивительной целесообразностью говорят лишь о самом факте существования неких бессознательных мыслительных процессов, но, к сожалению, мало что говорят о самой сути этих процессов, не раскрывают всех принципов их действия. Вот тут-то на помощь Фрейду и приходят сновидения – этот таинственный феномен, издревле беспокоящий умы людей и у некоторых народов имеющий даже сакральный статус. Фрейд обратил внимание, что любой сон несёт в себе сведения о психическом мире конкретного индивида, если уметь правильно на это посмотреть. Взгляд на сновидения как на замаскированное субъективное исполнение скрытых желаний оказался революционным для начала XX-го века.

Можно скептически относиться ко многим последующим работам Фрейда, можно не принимать его теорию инстинктов и либидо, но его труд "Толкование сновидений" – это памятник психоаналитической мысли, значительная часть идей которой актуальна и в наши дни. В середине прошлого века психоаналитическое движение претерпело дробление на многочисленные школы и направления, у каждой из которых был свой собственный взгляд на причины неврозов и психозов, но взгляд на сновидения и участвующие в них механизмы работы бессознательного был признан всеми.

Единственным уточнением, отклоняющимся от теории сновидений, предложенной Фрейдом, можно считать тот пункт, что сейчас далеко не все аналитики смотрят на сновидения исключительно как на закодированную реализацию скрытого желания (это был один из важнейших постулатов фрейдизма). Часть нынешних психоаналитиков больше склонна смотреть на сновидения как на бессознательную проработку тех сфер нашей психики, которые участвуют в некотором эмоциональном соприкосновении с окружающей действительностью. Другими словами, в сновидении мы можем наблюдать работу бессознательного над рядом жизненных ситуаций, которые пока что не решены и вызывают в нас определённое психическое напряжение – либо отрицательное, либо положительное.

Тот факт, что даже в бессознательном состоянии мышление человека всё равно осуществляется, мало для кого уже

будет большим откровением. К примеру, когда мы спим, наше сознание отключено. Но стоит только возникнуть неподалёку какому-нибудь шуму, так мы пробуждаемся. А почему? Именно потому, что психика даже у спящего человека воспринимает поступающую информацию и обрабатывает её. В тех случаях, когда в бессознательном принимается решение, что возникший шум требует разъяснения, включается сознание. Если же на бессознательном уровне к шуму не возникает никаких "претензий", то сознание так и не активизируется, и человек не пробуждается.

Если в обыденной жизни человека всё протекает успешно и без хлопот, то и сон его крепок и безмятежен. Но если же вдруг в жизнь вторгается опасность, и требуется быть начеку, то и сон становится чутким к малейшим звукам, человек просыпается буквально от собственного дыхания. Всё именно потому, что психика его мобилизуется и пропускает к осознанию уже гораздо больше поступающей извне информации. То есть даже без сознания, но мы всё равно продолжаем осмысливать входящие ощущения и принимать решения, что с ними делать, куда направлять. Мыслительная (когнитивная) деятельность так или иначе всё равно присутствует в нашей психике, даже если мы этого и не осознаём.

Наверное, в силу того, что жизнь Фрейда пришлась на Викторианскую эпоху с буйным цветом её пуританской атмосферы, его основное внимание оказалось прикованным именно к тем "проступкам" психики человека, которые

непосредственно соприкасались с многочисленными социальными табу. Именно данное стечение условий позволило наблюдать чёткое противостояние между социальными требованиями и "случайными" огрехами в поведении людей. Все эти "огрехи" были чрезвычайно и даже удивительно целесообразны, если принимать во внимание существование у человека скрытых даже от него самого желаний, которые никак не согласуются с общественными запретами.

По всей видимости, если бы не пуританская атмосфера того времени, благословенный австриец так никогда бы и не принялся за изучение бессознательного, а продолжил бы свои эксперименты с кокаином...

Но Фрейд, по сути, только положил превосходное начало исследованиям бессознательного. Он совершил мощный рывок в этом деле, но на этом процесс познания не остановился – в XX веке было совершено немало открытий, которые пролили на феномен бессознательного яркий свет, делающий это явление много понятнее и определённое.

Мы же начнём рассмотрение этого, на первый взгляд, мистического явления с теоретизирований самого основателя психоанализа и уже дальше перейдём к более поздним изысканиям на данную тему, которые срывают пелену малейшей таинственности и всё расставляют по своим местам.

Приступим.

2. Неосознаваемые МОТИВЫ И ПАМЯТЬ

"Очень часто мотив скрыт. Это не значит, что он не действует, он действует, он побуждает, он смыслообразует, и вместе с тем скрыт".

Леонтьев А.Н.

"Лекции по общей психологии".

С точки зрения фрейдизма, те желания, которые в силу личностных или культурных факторов не могут быть осуществлены конкретным индивидом, не отбрасываются за ненадобностью, никуда бесследно не исчезают – они остаются, но лишь вытесняются из сознания в сферу бессознательного.

По сути, индивид просто перестаёт обращать на своё желание внимание.

Активно перестаёт обращать внимание.

Но желание это продолжает существовать в закромах его психики и всё так же сохраняет свои мотивирующие свойства – на то ведь оно и желание, чтобы мотивировать к действию. Отсюда и возникают многочисленные жизненные си-

туации, когда мы невзначай совершаем какие-либо огрехи, которые, казалось бы, совершенно не входили в наши планы.

В сознательные планы...

И очень часто такие огрехи идеально логически вписываются в те желания, которые когда-то блуждали на окраинах нашего сознания. Всё это – косвенные признаки, с той или иной степенью достоверности указывающие на наши потаённые мотивы. Фрейд не исключает случайности в явлениях, происходящих вокруг нас. Но он исключает случайности, происходящие внутри нас. В психике всё строго взаимосвязано, там не может быть случайностей, утверждает основатель психоанализа.

"Известные недостатки наших психических функций и известные непреднамеренные на вид отправления оказываются, будучи подвергнуты психоаналитическому исследованию, вполне мотивированными и детерминированными, причём мотивы их скрыты от сознания." (Фрейд, 2008а. С. 179).

Из всего этого можно прийти к выводу, что Фрейд считал психику человека, выражаясь современным языком, неким суперкомпьютером, который не имеет никаких сбоев. Вообще никаких. "Не верю в случай", говорил Фрейд (Фрейд, 2008а. С. 196). А всё то, что мы зачастую воспринимаем как этот самый сбой (забывания, оговорки, очитки, ошибоч-

ные действия), на самом деле является не чем иным, как **намеренной** "ошибкой" в работе психики. Но намерение это неосознаваемо, вследствие чего может быть выявлено только в процессе анализа.

Что интересно, уже в наше время имеются данные для подобных утверждений. На основании некоторых таких фактов возникла даже сравнительно недавняя научная дисциплина под названием когнитивистика. Яркий представитель этого направления В. М. Аллахвердов даже ввёл идеализацию о психике человека, которая созвучна идеям Фрейда. Этот исходный пункт в подходе когнитивистики к изучению психики человека звучит так: *идеальный мозг не имеет никаких ограничений на приём, переработку и хранение информации, предполагается также, что идеальный мозг автоматически выделяет все потенциальные закономерности в предъявляемых сигналах. В реальности наличие физиологических ограничений на работу мозга не отрицается, но предполагается, что они являются настолько менее мощными, чем ограничения, накладываемые логикой познавательной деятельности, что не должны использоваться при объяснении психических явлений.* (Аллахвердов, Воскресенская, Науменко, 2008).

Фрейд был уверен, что наша психика не допускает сбоев, что всё в ней отлажено и работает с удивительной целесообразностью. В своей работе "Психопатология обыденной жизни"

ни" он постарался изложить замеченные им по ходу жизни доказательства этому – как те или иные "ошибки" или "случайности" на деле же вполне обоснованы, если принимать в расчёт скрытые мотивы человека.

Он описывает пример (Фрейд, 2008а. С. 16), как ехал с одним весьма образованным юношей, и тот решился процитировать стих Вергилия. Стих был на латыни, и в последней строке парень вдруг запинаясь, позабыв какое-то слово. На помощь приходит сам Фрейд и подсказывает, что забытым словом было "aliquis" (на латыни это неопределённое местоимение "некий").

Юноша был знаком с теориями Фрейда и сам же спрашивает у него, мол, вы вот утверждаете, что ничего в нашей психике просто так не бывает, так объясните мне, почему я забыл именно это слово?

Фрейд отвечает "Легко" и просит парня отвечать ему по методу свободных ассоциаций (который впоследствии стал одним из основных приёмов в сеансах психоанализа).

Что у него ассоциируется со словом "aliquis"? Какая цепочка мыслей проходит в голове?

Юноша начинает отвечать...

Сначала он говорит, что ему приходит мысль расчленить слово на "a" и "liquis".

Зачем? Он не знает сам.

Дальше ассоциативный ряд развивается по принципу включения в слова корня "liqui".

Парень упоминает "реликвию" затем "**ликвидацию**". Далее в ассоциативном ряду возникает "жидкость", поскольку в "**ликвидации**" есть корень "liquid", что с немецкого и английского переводится как "жидкость".

Далее по цепочке парень упоминает о христианских **реликвиях**, о христианской крови и о чуде святого Януария, которое состоит в том, что в качестве **реликвии** в одной из церквей якобы хранится его кровь, которая в особый праздничный день чудесным образом становится вновь **жидкой**.

Продолжая свою ассоциативную цепь, парень упоминает, что ежегодно этого чуда с трепетом ждут многие верующие, и каждый раз, когда по неизвестной причине этого вдруг не происходит, народ волнуется... Тут парень припоминает случай, когда во время французской оккупации чуда святого Януария не случилось, его кровь в назначенный день не стала вновь жидкой. Народ разволновался. Тогда генерал армии указал на волнующихся солдат и сказал священнику, что они очень надеются, что чудо скоро свершится...

Тут парень вдруг запинается и сообщает, что дальнейшая ассоциация напомнила ему кое-что, о чём он не хочет говорить дальше.

В общем, в итоге юноша всё равно откровенничает до конца – просто недавно он получил известие от одной своей знакомой, состоящей с ним в связи, что у неё не случились месячные... И его эта новость неприятно встревожила.

Фрейд и резюмирует, что вся цепочка, если прокручивать

её в обратном направлении, и вела бы к "случайно" забытому в стихе Вергилия слову "aliquis". Оно и было "забыто" именно потому, что через мгновенную проработку всей ассоциативной цепочки в бессознательном вновь напоминало о тревожащем известии о ненаступлении месячных, чего юноша так боялся.

Чудо святого Януария... Народ волнуется, что кровь не стала жидкой, и надеется, что это ещё произойдёт. Задержка месячных...

Хоть и замысловатый, но, безусловно, изящный расклад.

Таким образом, по утверждению Фрейда, "забываются" те слова, которые по какой-либо ассоциации в бессознательном являются для нас нежелательными.

Но всё же, скорее всего, не стоит торопиться с категоричностью в подобном заявлении. Кажется, лучше предположить более общую схему – забывания, описки, очитки и ошибочные действия происходят не по причине исключительно лишь неприемлемости каких-либо скрытых мотивов, но также и по причине вполне осознаваемых мотивов. Это ведь тоже очень распространённое явление – когда ты сознательно чего-то желаешь или ожидаешь, и психика срывает так, что в любых явлениях начинает улавливать ожидаемые сигналы (**интерпретирует действительность так, как ей хочется**). Когда знаешь, что тебе сейчас должны позвонить, а сам чистишь в ванной зубы, то легко можно услышать звонок телефона, когда его на деле и не было, а

твой мозг всего лишь "сформировал" его из шума льющейся воды. И именно по такой же схеме может происходить часть оговорок, очиток и прочего – когда вполне осознаваемое ожидание выдаётся за действительное, воплотившееся.

Таким образом, в концепцию Фрейда о подобных "случайных" феноменах к первому виновнику (неприемлемое желание, вытесненное в бессознательное) надо добавить и второго – желание осознанное (приемлемое). Любая из этих причин может порождать кажущиеся нам сбои в работе психики.

Помню, лет десять назад читаю Фрейда "Остроумие и его отношение к бессознательному" (Фрейд, 2008b). В одном месте совершаю очитку. В оригинале написано : "... формы "двусмысленности" или "игры слов", издавна общеизвестные и оценённые как приёмы остроумия. Зачем же мы тратим усилия на открытие чего-то нового...?"

Ошибку же я совершаю в слове "тратим" и читаю его как "утратили".

И ведь целесообразность данной очитки очевидна, если принять во внимание общий смысл первого предложения. Там говорится, что все вскрытые в работе факты были известны уже давно, но Фрейду по какой-то причине приходится вновь это всё открывать. По какой же причине?

Вариант только один – что всё, известное раньше, было забыто, потеряно в прошлом. Именно в ожидании та-

кой дальнейшей логики повествования я подвергаю искажению возникшее слово "тратим" и превращаю его в "утратили", таким образом реализуя свои ожидания относительно смысла дальнейшего текста.

Слово "тратим" наиболее из всех подошло для того, чтобы без особых сложностей исказить его и придать ему смысл чего-либо забытого, потерянного... Достаточно было лишь добавить букву "у", и смысл становился таким, как мной ожидалось.

То есть очитка была, но не было никакого вытесненного желания по причине его неприемлемости для сознания. Было вполне невинное желание, витавшее на периферии.

Всё это кажется чем-то незначительным, но когда понимаешь, что вся эта мыслительная искажающая деятельность произошла в десятые доли секунды, это всё-таки поражает и восхищает.

Психика человека – это нечто поистине удивительное.

Кажется, в своей "Психопатологии обыденной жизни" Фрейд не обозначил ещё один вид психической деятельности, на примере которого можно видеть вытеснение из сознания нежелательного для него момента. Речь идёт о преднамеренной несообразительности, о преднамеренной недогадливости, когда верный ответ неприемлем для нашей личности. В таком случае бессознательное уже верно обо всём догадалось, но не пускает эту информацию к осознанию, в

силу чего человек так и "не может" догадаться насчёт того, о чём идёт речь.

Вот пример подобной "недогадливости". Совсем недавно на "Одноклассниках" я отписал серию юморных комментариев к фотографиям одной барышни и заодно сделал несколько замечаний насчёт ошибок у неё в словах.

Она мне отвечает: Павел, я сражена наповал! Откуда такие глубокие познания великого русского языка?! И остроумно ещё так. Может, у вас образ такой, похожий на Вашего тёзку с экрана..."

О каком тёзке речь, задумываюсь я?

Павел... Павел... Хм, не пойму, о ком она.

Думаю я, думаю, что за тёзка с экрана... Никого придумать не могу. Думал секунд 30, наверное. В итоге и отвечаю опять с юмором: "Тёзка с экрана? Это кто? Барак Обама? Нас иногда путают. А вообще, русским языком владею так себе. Просто с ранних лет прозой увлекаюсь, вот и приходится осваивать потихоньку наш великий и могучий".

Но тут вдруг что-то мне не нравится в конструкции последнего предложения. Я задумываюсь.

Смотрю на слова, перечитываю. В голове возникает фраза "волей-неволей", которая, кажется, может приукрасить это предложение, заставить его звучать лучше.

В итоге удаляю написанное и пишу иначе.

Получается: "Просто с ранних лет прозой увлекаюсь, так что волей-неволей пришлось осваивать".

В таком виде и отправляю.

Через минуту от девочки приходит ответ. Пишет: "Волей – неволей"! Вот как раз про Павла Волю я и говорила!"

Фрейд бы сказал, что бессознательно я понял, что речь идёт о Павле Воле, но в силу того, что питаю к нему неприязнь (а к его экранному образу я питаю самую сильную неприязнь), вытеснил из сознания даже само предположение о том, что меня могут сравнить с этим пренеприятнейшим типом. Но сама догадка всё же выскочила наружу в виде фразы "волей-неволей"...

Вообще, интересен, конечно же, момент, когда я уже написал предложение, но вдруг что-то остановило меня – потому что в голове возникла фраза "волей-неволей". В то мгновение я просто подумал, что с этим оборотом предложение будет смотреться лучше...

О феномене преднамеренного препятствования осознанию некоторых фактов мы ещё поговорим подробнее, когда будем упоминать исследования психофизиологов о регистрации мозгом неосознаваемых импульсов с применением целого ряда беспристрастных приборов.

Подумаем же вот о чём – если в бессознательном человека продолжает "сидеть" некое скрытое желание, то оно не может не проявлять себя в каких-либо действиях. Желание по определению обязано мотивировать. Поэтому могут ли забывания и очитки быть единственными свидетельствами существования неосознаваемых мотивов в глубинах психики?

Или должны быть и другие их проявления?

Такие проявления, безусловно, есть. Например, "случайные" действия или "ошибочные".

Фрейд описывает (Фрейд, 2008а. С. 134), как однажды нечаянным движением руки он разбил мраморную крышечку своей чернильницы. Сидел в своём кабинете за письменным столом, писал что-то, неловко махнул рукой, задел эту самую крышечку, вследствие чего она слетела на пол и разбилась.

Он указывает, что рядом с чернильницей стояли различные бронзовые статуэтки и терракотовые фигурки (Фрейд был знатным коллекционером). Но рукой он "случайно" сбил только мраморную крышечку своей чернильницы. Он задумывается.

Всего несколько часов назад к нему заходила его сестра. Она хотела посмотреть недавно приобретённые им вещи – всякие античные безделушки из камня и глины. Осмотрев всё, она оказалась довольна и заметила ему, что теперь-то его письменный стол выглядит вполне красиво – осталось только приобрести новый письменный прибор. Это она о его простенькой чернильнице. Сестра сказала, что теперь ему нужна более красивая чернильница.

И вот, спустя несколько часов, Фрейд совершает то самое неловкое движение, и крышечка чернильницы разбивается.

Сам он пишет об этом: *"Заклучил ли я из слов сестры, что она решила к ближайшему празднику подарить мне бо-*

лее красивый прибор, и я разбил некрасивый старый, чтобы заставить её исполнить намерение, на которое она на-мекнула? Если это так, то движение, которым я швырнул крышку, было лишь мнимо неловким; на самом деле оно было в высшей степени ловким, так как сумело пощадить и обойти все более ценные объекты, находившиеся поблизости".

Если в глубинах психики есть какое-то скрытое желание, которое по разным причинам не осознаётся, то, тем не менее, оно так или иначе всё равно будет давать о себе знать в самых различных действиях человека.

Определить истинный мотив в поведении человека можно лишь при совокупном анализе многих его поступков – только при объединении, казалось бы, разрозненных действий можно обнаружить некий общий для них вектор, направленный к определённой цели. Надо искать в поступках человека нечто общее, тогда можно обнаружить и истинный мотив, который определяет всё его поведение.

Иными словами, только косвенные признаки в деятельности человека говорят о его настоящих целях, и делают они это гораздо точнее и правильнее, нежели может он сам.

Как верно упоминает в своих лекциях Леонтьев (Леонтьев, 2007), известное и обычное для всех нас дело – видеть, как человек всем своим поведением демонстрирует, что ему откровенно нравится конкретный представитель противоположного пола. Он суетится, волнуется, совершает ещё ряд

каких-то действий, и все окружающие понимают, что ему нравится данная особа. Но сам он этого не осознаёт, и когда ему говорят об этом наблюдении прямо, искренне удивляется и принимается отрицать. Он даже может так или иначе разумно объяснять своё поведение от случая к случаю. И только когда у двух этих персон действительно начинаются отношения, мы понимаем, что выводы, сделанные нами на основании всех косвенных признаков, оказались верными. Это действительно распространённое явление, каждый может вспомнить.

Именно анализ косвенных признаков, всех этих "случайностей", позволяет понять истинные мотивы человека.

Иначе говоря, если желание есть – оно будет давать о себе знать, даже если сам человек об этом желании ничего не знает.

Эпизод из жизни.

Я уже не первый раз провожу ночь у этой женщины. Ей 32, и она невероятно красива.

Ради такой хочется вывернуться наизнанку, но лишь бы она всегда улыбалась.

К сожалению, это удаётся нечасто.

Тяжёлая жизнь с эксцентричной матерью под одной крышей маленькой квартирке, неудавшийся брак, непрекращающаяся депрессия и многое другое... Собственно, потому

и стараюсь проводить время с ней – чтобы она не чувствовала себя одинокой и никому ненужной. Чтобы хоть иногда дарить ей улыбку.

У неё есть сын. Минувшим вечером у него как раз отмечали шестилетие. Парень смекалистый, но характер со сложностями. Мне происхождение его неоднозначного поведения ясно сразу. Только вот самой его маме, похоже, это невдомёк.

После вечерних посиделок и вручения сыну подарков гости начинают расходиться. Но тут по самому незначительному поводу бабушка закатывает маме истерику...

Я слышу это всё из зала, где со стола уже почти всё убрано.

Шестилетний парнишка замирает рядом со мной – он тоже всё это слышит.

Мама и бабушка осыпают друг друга проклятиями на самых высоких нотах.

До чего же сложная ситуация... Я стою и не знаю, куда себя деть. Пойти вмешаться? Но кто я здесь такой? Всего лишь один из приглашённых.

А парнишка стоит у серванта в своей сорочке с бабочкой, и на лице его растерянная улыбка. Как будто улыбается от безысходности.

Мама уже входит в комнату, бабушка идёт за ней вслед и проклиная её на чём свет стоит. У мамы лицо напряжено. Оборачивается к бабушке и кричит, чтобы она убралась.

Громко кричит, с надрывом.

Мы с парнишкой невольно наблюдаем всё это. Обратив внимание на нас, бабушка делает ещё несколько неллицеприятных высказываний своей дочери и уходит на кухню. Дочь, готовая зарыдать, кричит что-то ей вслед...

– Катя, Катя, тише, – говорю я как можно более спокойным и уверенным голосом и обхватываю её лицо ладонями, заставляя посмотреть на меня. – Не нервничай, всё хорошо...

– Боже... – тяжело со вздохом вырывается из неё, – ну как же всё это можно терпеть. Она же из меня всю кровь уже выпила... Не могу я больше так.

Она смотрит на меня, и её несчастные глаза начинают слезиться.

– Господи, как же мне всё это надоело, – почти шепчет она.

Её плечи несколько раз вздрагивают.

Вдруг снова слышится, как бабушка громко и раздражённо что-то ворчит на кухне...

– Боже ты мой, – снова закипает Катя, а глаза продолжают блестеть.

Она отрывает взгляд от меня и смотрит на стоящего в сторонке сына.

– А ты чего стоишь?! Иди спать! – вдруг через слёзы повышает она голос. – Я тебе уже постелила...

Тут с кухни опять залетает бабушка и с новой силой

атакует дочь.

– А ты чего это на него орёшь?! – кричит она. Глаза её почти навывкате. – Он что тебе – игрушка?!

– Мама, уйди!!! – уже откровенно рыдая, кричит дочь. – Я тебя прошу, уйди!!! Оставь меня в покое!!!

Катя отстраняется от меня и делает несколько шагов навстречу матери.

– Уйди!!! – рыдает она. – Когда ж ты наконец всё это прекратишь?!

Я смотрю на парнишку – он всё так же обречённо стоит в сторонке и не знает, как себя вести. Лишь наблюдает за орущими друг на друга женщинами.

– Закрой дверь! – рыдает Катя и почти вплотную подходит к матери. – Выйди отсюда!!!

Бабушка что-то кричит в ответ, продолжая разжигать истерику, и стоит на самом пороге комнаты.

– Выйди!!! – умоляющим голосом надрывается Катя и берётся за ручку двери с намерением её закрыть. – Убери ногу!!! Убери!!!

Давит на дверь, пытаясь сдвинуть с порога ногу своей матери. Та продолжает кричать в ответ.

– Уйди отсюда!!! – Кате удаётся закрыть дверь в комнату, оставляя мать с той стороны.

Вот так жизнь у людей... Я стою в двух метрах от Кати и не знаю, как именно вести себя в подобных ситуациях. Её сын тоже продолжает растеряно стоять у серван-

та... Всего час назад ему дарили подарки, поздравляли с днём рождения и целовали, а сейчас... Стоит в сторонке в своей белой нарядной сорочке и с чёрной бабочкой...

Мелкий шестилетний пацан. И смотрит на такую дичь. Как два любимых им человека проклинают друг друга на весь дом.

Что творится с этим миром?

Катя стоит у двери. Поворачивается ко мне – по лицу бегут слёзы, плечи трясутся.

Никогда и никого в жизни мне не было так жалко, как её в тот момент.

– Прости за всё это, – говорит она дрожащим голосом.

Я ещё не сообразил, что ответить, как вдруг из-за стола выскакивает их старый кот и устремляется к закрытой двери.

– Ух! Ты ещё тут! – снова через слёзы выкрикивает Катя, резко открывает дверь и пытается подопнуть кота ногой в нужном направлении. – Пошёл отсюда!

– Мама!!! – вдруг взвизгивает молчавший до этого парнишка. – Ты что делаешь?!!

Бежит к двери.

– Зачем ты его так?!! – визжит он.

– Ваня, – мама приседает на корточки и пытается взять пробегающего мимо сына за плечи.

– Ваня... – говорит она со слезами на глазах.

– Ты... – тяжело дышит сынишка, – Ты...

– Ты дурра!!! – кричит он ей прямо в лицо.

И выбегает вслед за котом из комнаты.

Боже ты мой...

Мама поднимается на ноги, слёзы струятся по лицу. Она смотрит на меня и хочет что-то сказать... Но не может.

Из лёгких вырывается такой тяжёлый стон, какого я не слышал никогда. Как будто её ранили... Тяжёлый, как камень.

Я обнимаю её, прижимаю к себе. Она вся дрожит в моих руках и плачет.

И что говорить в такие моменты? Где и кто может этому научить?

– Не плачь, Катя, не плачь, – говорю ей тихо, продолжая прижимать к себе. – В жизни и не такое бывает.

– Как можно так жить? – Её голос у моего плеча похож на постанывание. – Я не знаю, что делать.

– Ничего, всё поправимо, – говорю я. – Всё поправимо.

Прижимаю её, хрупкую, трясущуюся к себе и осознаю, как во мне от бессилия в этой ситуации закипает злость. А Катя всё плачет и плачет, упершись в меня лицом... Плачет и плачет.

Минут через десять, успокоившись, она пойдёт заплаканная за заплаканным сыном, уложит его в постель и будет, склонившись над ним, гладить по голове, целовать и шептать, чтобы он простил её.

Что она его очень любит. Что его любимого кота не оте-

ла пинать. Чтобы он простил её. Чтобы он простил.

А его торчащая из-под одеяла светлая головка будет так же горячим шёпотом говорить ей : и я тебя очень люблю, мамочка. Больше всего на свете люблю. Я сейчас боженьке тихо помолился, чтобы он сделал так, чтобы ты больше не злилась и не кричала так, и всё у нас будет хорошо.

Они ещё раз, заплаканные, признаются друг другу в сильнейшей любви, целуют друг друга, и парнишка закрывает глаза. Он засыпает.

Потом у нас с Катей происходит ночь любви, и теперь уже она засыпает с улыбкой на лице, абсолютно счастливая на тот момент.

А я лежу, обнимаю её, и думаю...

Катя рассказывала, что её сын порой ведёт себя невыносимо. И что слово "дурра" в её адрес одно из самых невинных в его репертуаре.

Рассказывала, как у него часто происходят истерики, стоит ей только действительно его о чём-то попросить, чего он не очень хочет. Тогда в ход летит и "дурра", и прочие ругательства – даже вплоть до ударов своими кулачками по её ногам.

И как поразительный контраст всему этому развешанные по квартире тут и там детские рисунки с часто встречающимся обращением – "Мамочка, солнышко, я тебя люблю", "Мамочка, я тебя абажаю".

Пожалуй, я никогда не видел, чтобы дети так часто

стремились обнимать и целовать свою маму, как в случае с Катей и её сыном. Порой парнишка демонстрирует свою нежность аж через край. Слово "люблю" он с лёгкостью произносит несколько раз за день.

А в промежутках между этим... Он срывается на маму по малейшему поводу. Посреди магазина в ответ на её отказ купить ему игрушку начинает громко и при всех визжать на неё "Кляча!" и с гримасой злости на детском личике колотить кулачком по её ноге.

– Ты кляча! Кляча! – зло визжит он на весь магазин.

Она же стоит красная и не знает, куда себя деть.

Сама Катя не догадывается, почему её Ваня растёт **таким**. Она не знает, что она делает не так, и не знает, что делать дальше.

Я же видел сегодняшнюю сцену. И видел ряд других. Слышал их.

И мне, стороннему наблюдателю, всё в значительной степени ясно.

Наверное, глупо, что обнимая среди ночи безумно красивую женщину, глядя на безмятежное выражение её спящего лица, я думаю о Джоне Боулби.

Боулби – британский психоаналитик, развитие взглядов которого проходило в небезызвестной Тэвистокской клинике. Основное внимание Боулби и его соратницы Мэри Эйнсворт было направлено на исследование феномена привязанности.

Главный труд его жизни – трёхтомник "Привязанность и утрата". Если вы слышали о теории привязанности, то это как раз Боулби.

Суть теории привязанности можно выразить так – основываясь на качестве привязанности к матери, формируется психика ребёнка. Качество привязанности же зависит от конкретного поведения матери при контакте с ребёнком, от степени её чуткости к его нуждам.

В рамках этой теории, привязанность по качеству делится на три основных типа:

1. **Надёжная привязанность** (она же **безопасная**) – формируется, когда мать очень чувствительна к потребностям ребёнка, создаёт для его психики минимум стрессующих обстоятельств, всегда рядом с ним, старается отлучаться как можно реже. Она постоянно поддерживает своё чадо и формирует у него ощущение полной защищённости, которое с возрастом генерализуется, и происходит становление доброжелательного и уверенного в себе человека.

2. **Избегающая привязанность** – формируется, когда мать постоянно во всём ограничивает ребёнка или же относится к нему совершенно нечутко, наплевательски, запросто может оставить его надолго одного. В итоге ребёнок формируется замкнутым, мрачным, он стремится избегать каких-либо доверительных отношений и привязанностей. Такие обычно предпочитают дружить с животными.

3. **Амбивалентная привязанность** (она же **тревожно-сопротивляющаяся**) – формируется, когда мать ведёт себя в отношении к ребёнку противоречиво, непоследовательно: сейчас она ласкает его, расцеловывает, выражает страстную любовь, но уже через полчаса из-за резкой смены настроения срывается на него, кричит или даже бьёт. Обычно матерями детей с развитой амбивалентной привязанностью являются истеричные женщины, поведение которых в высшей степени зависит от настроения, которых очень легко вывести из себя. В итоге ребёнок то получает от матери неопишущую волну любви, то невыносимые сцены истерик и визгов с ворохом личных претензий. Со временем у ребёнка и формируется амбивалентное отношение к матери – он её то чрезвычайно любит, то чрезвычайно ненавидит. В поведении таких детей и в выражении ими чувств всё происходит с повышенной эмоциональностью – он очень горячо обнимает и говорит "Люблю, люблю, люблю", а при смене настроения бьёт кулачком и кричит "Ты кляча! Кляча!".

Эти перепады настроения случаются часто. Несколько раз на дню – это легко.

Боулби и Эйнсворт были тысячу раз правы, думаю я, лёжа в темноте.

В общей сложности я буду общаться с Катей всего 1,5 месяца, но уже в первые две недели успею понять неуравновешенность её натуры. Малейшее несогласие с её мнением по

самому незначительному вопросу приводило к такому эмоциональному возбуждению, что в её голосе с лёгкостью начинали звучать повышенные напряжённые нотки, и звенящим тоном произносилась коронная фраза "Мы сейчас поссоримся"... Такой мягкий намёк, чтобы я не спорил с ней.

Диалог – не самый её любимый способ общения. Вывести Катю из себя – вопрос нескольких секунд и одной фразы "А вот я не согласен"...

А насчёт сына... Учитывая нестабильность эмоционального состояния самой матери, этиология конфликтов с сыном и его поведения представляется очевидной.

Что интересно, амбивалентность в отношении к сыну прослеживалась и у неё самой. Так, после одного из скандалов она убитым голосом твердила мне, что он невыносим, что он неуправляем, что с ним невозможно. Но стоило мне тут же поддержать её, ободрить, так она помолчала несколько секунд и тут же стала говорить прямо противоположное тому, что говорила только что.

– Да, вообще, он у меня самый замечательный. Он очень умный, талантливый. Он самый лучший...

И опять же она твердила это, как замороженная. Я в тот момент несколько напрягся от её неадекватности, это честно.

В общем, утром следующего дня, когда мы просыпаемся, в комнату вбегает Ваня. Он сияет, он цветёт!

Подбегает к маме – в его руках сложенная пополам бу-

мажка. Протягивает её и говорит: мамочка, тебе подарок!

Счастливая Катя разворачивает лист – на нём изображены какие-то каракули и надпись "Люблю тибя!".

– Ой, Ванечка, спасибо, – улыбается Катя во всё лицо, продолжая лежать в кровати.

– Я обожаю тебя, мамочка! – взвизгивает Ваня и с распростёртыми объятиями вспрыгивает на маму.

Ваня вытягивает губы для поцелуя – он любит маму.

Резко наступает коленом на её грудь – он ненавидит маму (Катя громко охает).

Он склоняется над ней, чтоб поцеловать – он любит маму.

При этом локтем упирается ей в горло – ненавидит маму (Катя хрипит, но сохраняет удивлённую улыбку).

– Я люблю тебя, люблю, – радостно щебечет Ваня и целует маму, целует – любит её.

При этом ударяет лбом в её глаз – ненавидит маму (Катя снова охает).

Мама отвечает на поцелуи сына и одновременно охает от его грубых тычков в её тело. Я впервые вижу такое, это честно. Я опешил... Настолько это всё выглядит дико.

После минуты жарких объятий и поцелуев Ваня убегает из комнаты. Я спрашиваю Катю слегка растерянно, часто ли **такое** бывает?

Она с улыбкой переспрашивает: это ты о его неуклюжести? Случается иногда...

Она улыбается. Бывает слегка неаккуратным, добавляет она.

Вот оно как, думаю я.

При желании, конечно, можно такие действия назвать неаккуратными, неуклюжими, но если смотреть глубже, то во всех этих тычках в грудь, горло и в лицо, во всех "неуклюжих объятиях" сына усматривается чёткая логическая связь с событиями минувшего вечера. А вероятно, и всего детства.

Даже проявляя любовь к своей маме, такой ребёнок, движимый бессознательной мотивацией, будет завуалировано выражать и свою злобу на неё.

– Мама, смотри! Я помыл твою любимую вазу! Ой, упала...

С позиций психоанализа, мало того что никакие случайные ошибочные действия не случайны и не ошибочны, так даже и те действия, которые приводят к, казалось бы, ужасающим последствиям для самого человека, тоже вполне намеренны и закономерны. Если человека периодически грабят, если он периодически становится жертвой мошенников или если же он периодически попадает в опасные для жизни обстоятельства, то ему есть над чем задуматься. Такому человеку резонно задать себе вопрос, зачем он всё это подстраивает? Какие цели этим преследует?

Если с вами какая-либо конкретная неприятность проис-

ходила в жизни более чем один раз, то вам есть над чем задуматься. Неоднократности события уже достаточно, чтобы попытаться вскрыть свои глубинные неосознаваемые мотивы для таких "случайных", но закономерных происшествий.

Подход психоанализа к подобным явлениям даже частично переняла такая отрасль психологии, как виктимология – наука о психологии жертвы (Малкина-Пых, 2006). Согласно некоторым её концепциям, те ситуации, в которые попадает жертва – это не случайное стечение обстоятельств, но такое, которое жертва сама же целенаправленно и организует, сама того не осознавая.

Жертва вполне намеренно создаёт все необходимые условия, чтобы стать жертвой...

В рамках всё той же виктимологии разработано типичное описание личности жертвы – то есть, собрана совокупность черт, которые необходимы для того, чтобы опасное деяние в отношении личности было совершено. А тот факт, что если мы знаем, какие факторы необходимы для возникновения "случайности", просто уже никак не позволяет назвать это случайностью (в некотором роде это совпадает с таким явлением, как **навязчивое повторение** – когда после определённого психотравмирующего события человек снова и снова неосознанно стремится воспроизвести его на практике).

Человек сознательно может и не помнить событий самого раннего своего детства, но, даже будучи взрослым, под действием бессознательного стремиться воспроизводить их

в своей жизни. Безусловно, это в первую очередь относится к такой сфере, как отношения с родителями – схему этих самых отношений "ребёнок" будет неосознанно транслировать и на отношения со своим супругом или даже на отношения со многими другими окружающими его людьми.

Тот факт, что человек не помнит какого-то события, не означает, что оно не может оказывать влияния на его поведение. По Фрейд, человек не способен забыть вообще ничего. Он лишь думает, что забыл. На деле же, вероятно, в памяти сохраняется **абсолютно всё**. И именно эта "подавленная" память и оказывает влияние на все дальнейшие поступки человека.

Мы уже говорили о том, что даже забывание Фрейд считал преднамеренным процессом.

Тут мы соприкасаемся с таким интересным моментом, как память.

Стоит отметить, что в наши дни феномен памяти всё ещё продолжает оставаться чем-то неизведанным. Как происходит забывание? И что означает забывание вообще?

Можно ли тот факт, что человек не может что-то вспомнить, объявить свидетельством того, что данная информация больше совсем не представлена в его памяти?

Как известно, если человек не может что-то сделать именно в данный момент, то это не доказывает, что он не может этого сделать в другое время. Каждому из нас известно по личному опыту, как раньше мы знали нечто, что сегодня за-

были, но наступает завтра, и мы снова это вспоминаем.

Так возможно ли тотальное забывание в том смысле, что из памяти бесповоротно уничтожается та или иная информация?

Судя по всему, вряд ли такое возможно. Больше данных указывают как раз на то, что если мы восприняли что-то однажды, то эта информация навсегда остаётся в нашем мозге. Другое дело, что она далеко не всегда способна быть нами осознана, воспроизведена.

Что же препятствует порой вспоминанию известных нам фактов?

Конечно, это сложный вопрос, но имеются данные, что именно бессознательное преднамеренно препятствует осознанию (то есть вспоминанию) каких-то конкретных событий из прошлого. Аллахвердов называет подобное явление **неосознанным негативным выбором** (Аллахвердов, 1993).

В ряде экспериментов этот феномен проявлялся следующим образом: испытуемым предъявляют набор разных символов (пары букв, буква-цифра, названия игральные карт и всё в таком духе) и просят запомнить их как можно больше из списка. Когда позже происходит проверка запоминания, то выясняется, что какие-то символы забыты...

Но это ничего.

Интересно же становится, когда выясняется, что и в последующих новых наборах символов, куда специально были

включены забытые символы из первого теста, именно они же снова и не вспоминаются. То есть позабытый в ходе первого эксперимента ряд символов имеет тенденцию "забываться" и в последующих экспериментах.

Таким образом, "забывание" – это не что иное, как преднамеренное, но неосознаваемое решение не воспроизводить именно данный конкретный стимул. Или, как выразился житейским языком Агафонов А.Ю (Агафонов, Волчек, 2005), для того, чтобы не вспомнить что-то, необходимо помнить, что именно не следует вспоминать.

Похоже, на бессознательном уровне какой-то стимул имеет косвенное отношение к чему-то неприятному из личного опыта индивида, и именно этот стимул и будет иметь тенденцию "забываться" чаще других.

В другом исследовании (Аллахвердов, 2000) испытуемые – участники детского хора – должны были нажать на рояле именно ту клавишу, звучание которой только что слышали. Оказалось, что и в данном случае ошибка имеет устойчивую тенденцию к повторению. Если при демонстрации "ми" малой октавы испытуемый ошибочно нажимал "до" первой октавы, то затем, некоторое время спустя, после ряда удачных попыток определения других нот, когда ему уже предъявляли "до" первой октавы, в ответ он "ошибался" и нажимал "ми" малой октавы. То есть ошибка снова повторялась, но уже наоборот.

Такая устойчивая "ошибка" говорит о том, что звуки всё

же чётко различаются испытуемым, но в силу неизвестных внутренних причин подменяются один другим.

Интересный "эксперимент" поставил и Клапаред в 1911 году: общаясь в клинике с больным, страдающим синдромом Корсакова (вид амнезии, при которой человек не способен запоминать все текущие события, но сохраняет относительно хорошую память на общие события прошлого). Несколько дней подряд Клапаред снова и снова "знакомился" с одним таким пациентом и в момент рукопожатия незаметно колол того иголкой... Спустя несколько дней пациент перестал при "знакомстве" подавать Клапареду руку, несмотря на то, что самого Клапареда он не помнил (цит. по Зейгарник, 1986).

Примерно то же самое проделывал в 1935-ом и Леонтьев – у пациентов с синдромом Корсакова вырабатывал условный рефлекс на болевой раздражитель, тогда как сами они ничего не помнили.

Потом Леонтьев и задаётся вопросом относительно свойств памяти: "А бывает ли исчезновение хранимых следов? Действительно? А может быть, никогда не бывает? Все дело в том, что меняется возможность воспроизведения, а след существует независимо. Раз он образовался, то он существует. Это необратимый процесс – следообразование. Припоминание – вот где проблема стоит" (Леонтьев, 2007).

В "Толковании сновидений" Фрейд (Фрейд, 2008с) пытался классифицировать "моменты мышления", которые продолжают свою работу, даже когда наше сознание отключено

– в процессе сновидения. Он выделяет ряд групп, которые можно охарактеризовать одной общей сутью – незавершённые действия и незаконченные впечатления.

По сути, Фрейд предвосхитил тот самый феномен человеческой психики, который лишь 20 лет спустя в одном из берлинских кафе вкрадётся в виде догадки в пытливого ум Курта Левина и дальше будет всесторонне исследован его ученицей Блюмой Вульфовой Зейгарник (Зейгарник, 1927).

Речь идёт о феномене, который и получил название в честь своей исследовательницы – **эффект Зейгарник**. Суть его как раз и состоит в том, что человек лучше запоминает ту задачу, которую ему не удалось довести до конца. Экспериментально этот эффект был проверен и перепроверен многократно и он наглядно демонстрирует, что наше отношение к какой-либо неразрешённой жизненной ситуации продолжает сохраняться в глубинах нашей психики, даже если сознательно мы уже давно о ней не думаем.

Вспомним случай с Дэнни Айелло.

"Начатый и оставленный ход мыслей может быть продолжен [...] без участия внимания, если только он в каком-либо пункте не достигает особенно высокой интенсивности, приковывающей внимание" (Фрейд, "Толкование сновидений").

Задумываясь над эффектом Зейгарник, может возник-

нуть резонный вопрос – как долго может сохраняться в памяти человека след от незавершённой задачи?

Иными словами, как долго мы помним то, что собирались сделать, но так и не сделали?

Для Фрейда ответ однозначен – нереализованные желания, незавершённые задачи остаются в нашей памяти навсегда. Правда, доступными нашему сознанию эти воспоминания становятся в самых чрезвычайных ситуациях, в остальное же время находясь исключительно в царстве бессознательного.

То же самое Фрейд говорит не только о памяти насчёт нереализованных желаний, но и о памяти насчёт жизненных явлений вообще. Всякие мелочи, которые хоть однажды и хоть на долю секунды соприкоснулись с нашим психическим аппаратом.

Фактически Фрейд говорит, что мы помним **всё**
Вообще, **всё**

"Я утверждаю, что уже впечатления второго года жизни, а иногда даже и первого, оставляют прочный след в душе... Для подтверждения я перебираю в уме несколько примеров, когда ребёнок теряет отца в раннем детстве, и когда позднейшие факты, иначе не поддающиеся объяснению, доказывают, что ребёнок сохранил всё-таки бессознательное воспоминание о столь рано утраченном им близком человеке" (Фрейд, "Толкование сновидений").

В пример он описывает со слов другого толкователя сновидений Дельбефа сон, который тому однажды приснился. Это случилось в 1862-ом году. Во сне фигурировали ящерицы и папоротник, название которого во сне он даже знал – *Asplenium ruta muralis*. Затем в сновидении возникла дорога, буквально усыпанная ползущими ящерицами...

По пробуждении Дельбеф задумался над латинским названием папоротника – в действительности оно не было ему знакомо. Но в дальнейшем ему удалось узнать, что действительно существует такой папоротник, только называется он правильно *Asplenium ruta muraria*. Однако это не пролило свет на то, откуда Дельбеф знал этот термин во сне, если, насколько он помнил, в бодрствующем состоянии его он не знал.

Лишь шестнадцать лет спустя Дельбеф в гостях у старого друга увидел гербарий. В его голове всплыли смутные воспоминания, он принялся листать альбом и обнаружил-таки засушенный экземпляр того самого папоротника, а под ним и подпись – *Asplenium ruta muraria*.

Подпись его собственным почерком...

Так всё и прояснилось. Дельбеф вспомнил, что за два года до сновидения (*значит, в 1860-ом году, тогда как по непонятной причине во всех переводах "Толкования сновидений" написано о 1800-ом годе; явно кто-то что-то не доглядел*) сестра этого самого друга навестила его. С собой у неё был

и этот гербарий, купленный брату в подарок. Тогда же Дельбеф из любезности под диктовку ботаника и сделал под экземпляром каждого растения подпись оригинального названия на латыни...

Вот тебе и *Asplenium ruta muraria* в его сне. На деле он просто подписал все названия и тут же, казалось бы, забыл. Но два года спустя этот самый незначительный факт проскочил в виде компоненты сновидения.

Ещё позже, в 1877-ом, на глаза Дельбефу попался старый номер журнала, в котором была иллюстрация, изображающая сезонное шествие ящериц – то самое, которое он видел во сне в 1862-ом... Журнал был уже старым и датировался 1861-ым годом.

Дельбеф вспомнил, что в ту пору он как раз был подписчиком этого журнала.

На основе анализа множества сновидений (в первую очередь – своих) Фрейд приходит к совершенно разумному выводу, что в сновидениях мы никогда не видим ничего нового. Но всё, что нами там увидено, либо было нам известно ранее, но просто позабыто, либо представляет собой визуальную компиляцию сразу из нескольких прежде известных нам явлений.

По всей видимости, человеческая память обладает поистине впечатляющими возможностями – в ней откладываются самые незначительные детали, которые хоть однажды лишь на долю секунды попали в зону нашего восприятия.

Человек продолжает всё это помнить и годы спустя – то, что видел и слышал, может, всего мгновение.

Фрейд описывает целый ряд примеров, когда в сновидениях обнаруживаются фантастические возможности нашей памяти. Приведённый случай с ящерицами и папоротником, конечно, охватывает временной промежуток всего в два года (в 1860-ом узнал название папоротника, а уже в 1862-ом увидел его, забытое, во сне) – в общем-то, не такой и большой срок, чтобы очень уж впечатлить нашу психику, которая видела развал СССР и правление Ельцина...

Другой описываемый случай более интересен.

Один знакомый поведал мэтру, что недавно ему приснился сон, в котором он видел, как управляющий его отца находится в постели с его, рассказчика, няней (которая давным-давно жила в их доме, пока мальчику не исполнилось 11 лет).

Этот забавный сон рассказчик изложил своему старшему брату. Тот в ответ рассмеялся и пояснил, что много лет назад всё это происходило на самом деле. Тогда главному герою было всего 3 года, а его старшему брату 6 лет.

Когда у любовников (управляющего их отца и няни) выдавалась возможность, пока отлучались хозяева, провести ночь вместе, они накачивали шестилетнего пацана пивом, чтобы никаких вопросов не задавал, и сами приступали к своим незамысловатым телодвижениям. На младшенького же, лежащего в люльке, попросту не обращали внимания – ему все-

го три года, что он понимает?

Увиденное в три года осело в глубинах психики и дало о себе знать лишь десятилетия спустя.

Или другой пример: с детства тридцатилетнему мужчине регулярно снился загадочный жёлтый лев. Откуда он взялся в его воображении, он не имел понятия до тех пор, пока однажды в доме своей матери не нашёл старую фарфоровую фигурку жёлтого льва. Мать тут же пояснила ему, что в самом раннем возрасте это была его любимая игрушка. Сам он об этом совершенно не помнил.

Но хватит с Фрейдом. Двадцатый век предоставил исследователям человеческой психики новые возможности изучения феномена восприятия и бессознательного в частности.

Исследуя вопрос о запоминании событий самого раннего детского возраста, в 1941 году Х.Барт поставил интересный эксперимент (цит. по Зинченко, 2000). Пятимесячному ребёнку каждый день в течение 3 месяцев зачитывали три отрывка текста на греческом языке.

Каждый день один и тот же текст в течение 3 месяцев.

Когда ребёнку исполняется 8 месяцев, его оставляют в покое.

Затем то же самое с ним проделывают в период между 18 и 21 месяцами – только на этот раз ему ежедневно зачитывают три новых отрывка текста.

И так продолжается до тех пор, пока ребёнку не исполняется три года. За всё время ему в общей сложности был за-

читан 21 отрывок текста на греческом.

В три года ребёнка оставляют в покое на целых пять лет. Вплоть до той поры, пока ему не исполняется 8,5 лет.

Естественно, ребёнок не помнит ничего из того, что ему зачитывали с пяти месяцев до трёх лет – он даже и слов тогда ещё не знал, тем более греческих.

Но вот в 8,5 лет ребёнку вновь предлагают заучивать текст – тот же самый. Предоставляют семь "уже известных" ему отрывка и три новых, которые никогда прежде ему не зачитывались...

Выяснилось, что заучивание "уже известных" семи отрывков происходило на 30% быстрее, чем заучивание новых трёх. Такие результаты позволили говорить о том, что неосознаваемые воспоминания всё же присутствуют в нашей психике. Если людям показать определённые картинки всего лишь в течение 1-3 секунд, то они будут склонны припоминать их даже спустя 17 лет (Mitchell, 2006). Известный канадский дирижёр Борис Бротт вдруг узнал никогда прежде им не слышанное произведение, которое, как оказалось потом, регулярно репетировала его мать-виолончелистка, будучи ещё беременной им (цит. по Медина, 2017).

Совсем интересные данные предоставляет психофизиолог В. Ротенберг (Ротенберг, 2000). Он описывает, как ещё несколько десятилетий назад в НИИ, в котором он работал, изучались способности одного советского гипнотизёра. Во время одного из сеансов тот ввёл испытуемого в глубокий

гипнотический транс и сказал "Тебе два дня". Раздавшийся детский плач мало кого сильно удивил, но вот когда обнаружилось, что у загипнотизированного движения глаз вдруг стали нескоординированными – один глаз смотрит в одну сторону, а второй в другую, то удивились многие. Всё дело в том, что у здорового взрослого человека такие движения глаз невозможны, но это нормальное дело для новорожденного, у которого нервный аппарат ещё не сформирован.

В другом ряде проб под гипнозом испытуемому внушали, что ему 6 лет и просили написать что-нибудь – выяснялось, что почерк становился именно таким, каким был в пору его детства.

Или же более радикально – испытуемому внушали, что он ещё не родился. Его дыхание прекращалось, но сердце продолжало биться. Всё так же, как и у ребёнка в утробе матери.

Хотя гипноз – явление, к которому пока не сформировано в научном мире однозначного отношения, но задуматься есть над чем. А именно над тем, что память человека гораздо объёмнее, нежели он сам может догадываться, если помнит даже свои состояния, о которых нет никаких сознательных воспоминаний.

Некоторыми исследователями отмечается, что сознательное подражание (даже актёрами) поведению детей не отображает действительную картину в полной мере. В то же время поведение взрослых испытуемых, погруженных в гипнотическом транс в состояние возрастной регрессии, в мель-

чайших нюансах соответствует таковому у детей соответственно внушённому возрасту (меняются не только интонации голоса, но и почерк, рисунок). Помимо всего прочего изменяются даже психофизиологические характеристики человека, которому под гипнозом внушено, что он снова ребёнок. "Полученное электроэнцефалографическое исследование состояний детского возраста является принципиальным и важным доказательством объективности гипнотической регрессии возраста" ("Психологические исследования творческой деятельности", 1975.).

По некоторым данным, под гипнозом возможно даже вспоминание языка, который использовался испытуемым в детстве, но с тех пор был забыт (Зинченко, 2000. С. 104). Современной нейробиологии известно, как пища, употребляемая беременной женщиной во второй половине беременности, запоминается ещё формирующимся мозгом плода и впоследствии определяет вкусовые предпочтения родившегося ребёнка (Медина, 2017).

В начале всё того же XX-го века ещё более интересные результаты дали эксперименты Пётцля и Фишера с применением тахистоскопа.

Тахистоскоп – прибор, который способен демонстрировать изображение в течение строго отмеренного сверхкороткого промежутка времени – от 1 до 100 миллисекунд (то есть от 1/1000 до 10/100 секунды).

Если визуальный стимул имеет длительность меньше

определённого времени, то он не воспринимается нашим сознанием – это называется порогом восприятия или порогом осознания. Исследования же показали, что даже те сверхкороткие визуальные стимулы, которые не осознавались испытуемыми, в последствии всё же возникали в их сновидениях и фантазиях, демонстрируя, что даже неосознаваемый стимул сохраняется в нашей психике и воздействует на её деятельность, так и продолжая оставаться неосознаваемым (цит. по Брунер, 1977).

Опыты Клейна также показывают, что, несмотря на то, что подпороговый сигнал (ниже порога восприятия) остаётся для испытуемого незамеченным (неосознаваемым), он всё равно способен воздействовать на отчёт испытуемого о последующем, но уже надпороговом уровне (Klein, 1956).

Предел чувствительности каждого рецептора нашего организма (зрительные, слуховые, тактильные и т.д.) называется физиологическим порогом. За этим термином кроется тот минимум воздействия, который необходим для активации данного рецептора. Но на этом всё не заканчивается... Дальше сигнал, воспринятый рецептором и переданный в мозг, должен преодолеть второй порог – порог восприятия. За этим термином, в свою очередь, кроется тот минимум воздействия, который необходим для **осознания** субъектом стимула, который уже преодолел физиологический порог.

Но дело в том, что преодолеть физиологический порог может несметное число сигналов, а вот для дальнейшего

преодоления порога восприятия (осознания) многим из них не хватает интенсивности. Порог восприятия преодолевается только наиболее мощными сигналами. Если всего один квант света уже способен активировать колбочку в сетчатке глаза, что приведёт к передаче импульса в мозг, то чтобы **воспринять** малейшую точку света, осознать её, требуется уже от 8 до 47 таких квантов (Александров, 2014. С. 61).

Грубо говоря, можно прикоснуться к человеку так, что он это чётко ощутит, а можно проделать это и столь нежно, что восприятия касания не произойдёт, но сигнал о раздражении рецепторов кожи всё равно дойдёт до мозга.

Тут-то и возникает справедливый вопрос: что происходит с сигналами, которые смогли пройти физиологический порог, но не смогли пройти порог восприятия?

В целом на данном этапе наших знаний можно утверждать, что ничто и никуда бесследно не исчезает. Как замечают Нисбетт и Де Камп Уилсон, "сегодня на исходный вопрос (могут ли стимулы, о которых испытуемые не в состоянии дать вербальный отчет, вызывать реакции) гораздо большее, чем десятилетие назад, количество исследований позволяет ответить утвердительно" (Нисбетт, Де Камп Уилсон, 2011). Так устроен мир.

Неудивительно было, когда в ряде работ Диксон (Dixon, 1971) предложил гипотезу, которая утверждала, что слабые сигналы, прошедшие физиологический порог, но не обладающие достаточной интенсивностью для преодоления и поро-

га восприятия, принимаются и обрабатываются в зоне, подпороговой сознанию (иначе говоря – в бессознательном). Такая гипотеза была ожидаема, и, по сути, её целиком можно отнести к ранним предположениям Фрейда.

Из предложенной Диксоном шкалы, градирующей способность стимулов преодолевать порог восприятия (Dixon, 1987), следует, что в бодрствующем состоянии нашим сознанием преимущественно воспринимаются сигналы от тактильных, визуальных и слуховых рецепторов. Самым же слабым потенциалом к осознанию обладают сигналы от внутренних органов – это так называемые висцеральные сигналы.

Вот ведь интересный момент: английское слово "intuition" можно перевести двояко – как собственно "висцеральный" (в медицине этим термином обозначают связь с внутренними органами) или же откровенно ненаучным словом "интуиция"... Хотя, как мы увидим чуть дальше, оба эти понимания пересекаются самым непосредственным образом.

Преимущественно мы ощущаем лишь боль во внутренних органах и редко что-то другое – а ведь по идее, там происходит впечатляющий перечень самых разнообразных процессов. Так может ли быть так, что самые слабые сигналы от органов всё же регистрируются в нашем бессознательном, но просто не доходят до сознания?

Существует предположение, что это именно так, и висцеральные сигналы могут быть более отчётливыми в период, когда сознание прекращает свою активную деятельность – в

период сна. Гипотетически, именно в состоянии сна психика человека обращает свой значительный ресурс на диагностику собственного организма, улавливая и распознавая малейшие сигналы, исходящие от органов, в которых только начинаются какие-либо патологические изменения.

Есть ли у нас хоть какие-то свидетельства в пользу такого предположения?

Если говорить о прямых доказательствах, то таковых нет, но зато есть доказательства косвенные и выглядят они самым интересным образом.

Это сновидения.

И не простые сновидения, а те, которые в народе с чрезвычайной лёгкостью молвы принято называть пророческими...

Как мы уже говорили, эксперименты с тахистоскопом позволили прийти к выводу, что незначительный стимул, не воспринятый сознанием, оседает в подсознании и оттуда влияет на формирование наших сновидений и фантазий, проявляя себя в них.

Похоже, всё может обстоять точно так же и с импульсами, исходящими изнутри, от наших собственных органов.

Доктор Патрисия Гарфилд (президент Международной Ассоциации по изучению сновидений) в одном из научно-популярных фильмов о природе сна описывает следующие случаи, которые ей поведали пациенты.

Одной женщине стал сниться сон, в котором она видела

людей в комнате, но люди эти не двигались. Они застыли каждый в своей позе, будто статуи.

Через некоторое время у этой женщины был диагностирован гипотиреоз – заболевание, развивающееся в связи с недостатком гормонов щитовидной железы, при котором происходит замедление метаболизма. Развивается общая вялость, потеря интереса к окружающим, сонливость.

Гипотиреоз – медленно развивающееся заболевание. Может ли быть так, что в состоянии сна бессознательное женщины улавливало сигналы о развивающихся изменениях в организме некоторое время загодя до того, когда стали очевидны более яркие симптомы?

На клеточном уровне развитие гипотиреоза происходит в связи с уменьшением активности митохондрий, снижением активности катехоламинов и симпатoadреналовой системы. Могло ли бессознательное воспринимать сигналы о подобных изменениях от клеток и на их основании формировать сновидение, где в метафорическом виде демонстрировался вероятный итог (люди-статуи как метафора снижения метаболизма), если заболевание будет развиваться и дальше?

Конечно, однозначного ответа мы дать не можем.

Или другой случай от Патрисии Гарфилд.

Беременной девушке снится, что её мать убирает ещё нерождённого ребёнка в холодильник... Об этом сне ей приходится вспомнить несколько дней спустя, когда во выяснилось, что ребёнок мёртв.

Сама доктор Гарфилд полагает, что сон был обусловлен тем, что организм сновидящей мог ощущать холод, который начал исходить от тельца умершего ребёнка (тем, собственно, сновидение и обязано возникновению аллегорического образа холодильника как символа холода). Может, оно и так.

В другом примере речь идёт о женщине, которая с определённой периодичностью вдруг стала видеть сон, в котором волки разрывали ей желудок. Это действие снилось ей снова и снова.

Не самый развесёлый сон, конечно.

Особенно грустно стало, когда у женщины вдруг диагностировали рак желудка...

Все данные примеры интересны, но, как ни крути, а мы до сих пор не можем с твёрдо научных позиций утверждать, что незначительные висцеральные импульсы добираются до некоторых пресловутых подпороговых сознанию уровней и проходят там хоть какую-то когнитивную обработку (как это может демонстрировать механизм формирования метафор в сновидении).

Пока что мы можем лишь говорить о том, что слабые висцеральные импульсы всё же воспринимаются мозгом.

В экспериментах венгерских исследователей (Адам, 1983) испытуемым путём заглатывания в верхний отдел тонкого кишечника вводилась трубка с резиновым баллончиком на конце. Испытуемый принимал лежащее положение и лежал так до тех пор, пока электроэнцефалограмма не начинала

демонстрировать альфа-волны, свойственные состоянию покоя. Тогда-то исследователи и начинали под контролем манометра нагнетать в проглоченный резиновый баллон воздух. Стенки кишки слегка раздвигались.

Такое воздействие тут же приводило к десинхронизации электроэнцефалограммы и исчезновению альфа-ритма у всех испытуемых. Но что самое интересное, 70% из них утверждали, что совершенно ничего не ощущают.

Таким образом, показано, что мозг фиксирует изменения висцеральных ощущений, которые, однако, снова не достигают сознания испытуемых. Дальше возникает другой принципиальный вопрос. Если:

- мозг регистрирует самые незначительные как внешние, так и внутренние сигналы,

- которые не доходят до сознания, но оседают в бессознательной части психики,

- то есть ли у нас основания утверждать, что доходящие до бессознательной части нашего психического аппарата сигналы получают там хоть какую-то когнитивную обработку?

Формулируя иначе, есть ли у нас действительный повод утверждать, что наше бессознательное в той или иной степени вообще способно обдумывать поступающие сведения? Есть ли в пользовании бессознательного хоть мало-мальски исправно работающий когнитивный аппарат? Или же оно занимается исключительно регистрацией и учётом подпороговых сигналов, сваливая их в одну кучу и никак потом не ис-

пользуя?

Как мы помним, Фрейд считал бессознательное динамическим...

3. Разумное бессознательное

Сейчас нельзя сказать, что в научном мире ведутся ожесточённые споры по поводу мыслительных процессов в сфере бессознательного. Хотя, в принципе, нет и не ожесточённых споров. Тот факт, что неосознанная информация получает определённую мыслительную обработку на бессознательном уровне, в научном мире в целом скорее признаётся, но порой возникают лишь разночтения методического характера (Шактер, 2011), (Клерманс, Дестребекс, Бойер, 2011).

Впрочем, даже на сугубо бытовом уровне немало людей понимают, что в глубинах их психики происходят процессы переработки информации, которые не попадают в поле внимания их сознания. Но и помимо этого уже есть множественные научные подтверждения тому, что вне нашего сознания, но в нашем же мозге происходят различного рода мыслительные процессы. Эмпирических данных такого рода накоплено уже много.

Конечно, как тут не начать с исследований Мак-Гиннеса (McGinnies, 1949), которые описываются чуть ли не в каждом учебнике психологии. В эксперименте испытуемым (8 мужчин, 8 женщин) посредством тахистоскопа высвечивали разные слова. Часть слов была нейтральной по эмоциональ-

ному содержанию («волна», «утро» и т.д.), а другая часть – это так называемые слова-табу, то есть слова, к которым в нашем обществе особое эмоциональное отношение. Среди слов-табу «влагалище», «сука», «шлюха», «Котекс» и другие.

Год 1992. Читаю роман «Терминатор». Фильм только рекламируют, посмотрю я его где-то лишь через полгода – сразу первую и вторую части. Сначала же в руки попала книга с обоими романами.

Читаю первую часть – самое начало. Та сцена, где описывается появление киборга в пустынном пригороде Лос-Анджелеса и дальнейший эпизод, где он отбирает у обкуренных панков одежду. Вдруг встречаю необычное для себя слово – у одного из панков прозвище «Котекс»... Слово мне, 10-летнему, неизвестное.

Но внизу страницы примечание переводчика: «Котекс» – в США торговая марка презерватива.

На всю жизнь запомнил)))

Параллельно работе тахистоскопа измерялась кожно-гальваническая реакция испытуемых – по сути, это показатель электропроводимости кожного покрова, который имеет свойство меняться в волнительные для человека моменты (аккурат с возникновением потоотделения). Регистрация этого показателя должна была сообщить об измене-

ниях в организме при восприятии эмоционально значимых импульсов тахистоскопа.

Сначала все слова тахистоскоп экспонировал с длительностью в 10 миллисекунд (1/100 секунды), и постепенно длительность предъявления возрастала – каждый раз с шагом в 10 мсек: то есть второе экспонирование длилось уже 20 мсек, третье – 30, четвёртое – 40, и так далее, пока испытуемый наконец не заявлял, что видит слово.

Результаты исследования показали, что для распознавания нейтральных слов достаточно было их представить примерно на 60 мсек (6/100 секунды), тогда как для осознания слова-табу требовалось большее время – в среднем около 100 мсек (1/10 секунды).

При всём при этом кожно-гальваническая реакция на слова-табу была интенсивнее, чем на нейтральные слова (чего и следовало ожидать), но она также регистрировалась и тогда, когда испытуемый ещё не успевал сознательно воспринять предъявленное слово.

Таким образом, приборы показывают возникшую эмоциональную реакцию на мельком (в доли секунды) продемонстрированное слово, но сам человек ещё не успевает его распознать.

Это исследование заставило учёных вспомнить об утверждении Фрейда, что бессознательное доставляет в сознание далеко не всю информацию, которая имеется у него в наличии. Это явление в психоанализе получило название **вытес-**

нения

Вытеснение – это свойство глубинных слоёв человеческой психики распознавать конкретные сигналы и не допускать их к осознанию, если они по какому-либо ряду факторов «нежелательны» для осознания.

Вытеснение – это самый главный столп в учении психоанализа, его краеугольный камень. И на данный момент существует уже множество экспериментальных свидетельств, точно показывающих, что такое явление действительно существует.

Один из наиболее маститых психофизиологов СССР и нынешней России Костандов Эдуард Арутюнович (главный научный сотрудник Лаборатории нейрофизиологии когнитивных процессов Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН) сообщает об исследованиях, в которых также измерялась реакция на эмоционально значимые для субъекта слова, но уже в ключе его индивидуального опыта (Костандов, 2004. С. 29).

Так, ревниву в ряду нейтральных слов тахистоскопическим путём высвечивали слово «измена», а слово «тёща» – человеку, у которого были внутрисемейные проблемы. И результаты были теми же – происходило повышение порога восприятия (то есть восприятие делалось более трудным) именно этих эмоционально значимых слов, и регистрировались вегетативные (кожно-гальваническая, дыхательная, сосудистая) и биоэлектрические (активация коры головного

мозга) реакции на слово, распознанное исключительно на бессознательном уровне.

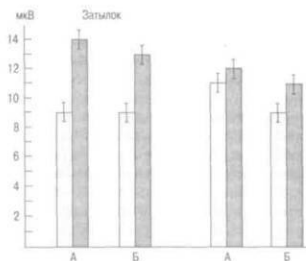


Таблица из исследований
Костандова Э. А.

Средние значения по группе изменений амплитуды волны *P300* на осознаваемые и неосознаваемые эмоциональные слова

На ординате: величина потенциала; на абсциссе: А — осознаваемые слова, Б — неосознаваемые слова. Светлые столбики — нейтральные слова; темные — эмоциональные слова

То есть слово человеком не осознаётся, а организм уже выдаёт на него реакцию. Всё это наглядно демонстрирует наличие некоего разделения стимулов по их смысловому содержанию, которое производится ещё на подсознательном уровне.

Вытеснение как препятствование осознанию некоторых (нежелательных, негативных) сигналов демонстрируется в исследованиях постоянно. Но дело в том, что если физиологический порог — величина примерно общая, постоянная для всех людей, то порог осознания — в общем-то, величи-

на индивидуальная, зависящая от некоторых факторов. К примеру, кофеин понижает порог слухового восприятия (то есть человек чуть-чуть лучше начинает воспринимать звуки) (Александров, 2014. С. 214). Но самая главная зависимость порога осознания выявлена от эмоционального состояния человека. Так, отмечено, что в ряде случаев происходит не только затруднение осознания эмоционально значимых слов, но и его улучшение у некоторых испытуемых (то есть они осознают эмоционально значимые слова много быстрее, чем нейтральные, тогда как большинство – 75% – людей осознают их как раз медленнее) (Костандов, 1977). Данный феномен не имеет на данный момент точного объяснения, но уже понятно, что порог осознания зависит от факторов, которые не всегда возможно учесть в исследовании. Главное же, что в случае с повышением порога осознания (вытеснения) мы чётко видим, что за пределами работы сознания происходят процессы по определению смыслового содержания внешних сигналов или, говоря житейским языком, в нашем же бессознательном идёт осмысление без нашего ведома.

В другом эксперименте (Костандов, 2004. С. 124) показано, что у страдающих алкоголизмом неосознаваемое слово "водка" вызывает более интенсивную активацию коры мозга, нежели ряд нейтральных слов. Тогда как реакция на эту же "водку" у группы здоровых людей ничем не отличалась от реакции на прочие нейтральные неосознаваемые слова.

Или другой пример: испытуемым на экране демонстрируется чётко осознаваемое ими мужское лицо с нейтральным эмоциональным выражением. Но параллельно с этим производится сверхкороткая (длительностью от 4 до 20 миллисекунд, то есть от 0,4/100 до 2/100 секунды) демонстрация слов – в случае с первой группой испытуемых это слово «счастливый», а в другой группе – «сердитый».

Данные слова не преодолевают порога осознания. Они воспринимаются испытуемыми лишь как мелькнувшая рябь на экране.

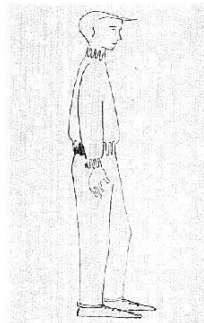
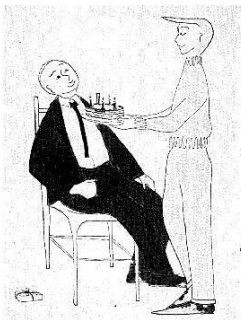
Но затем, когда людей просят описать виденное ими лицо, они характеризуют его как более тёплое, приятное, если им демонстрировалось слово «счастливый», и как менее дружелюбное, если демонстрировалось слово "сердитый" (Костандов, 2004. С. 31).

Факт смыслового определения любого стимула в связи с индивидуальным опытом каждого человека на бессознательном уровне даёт колоссальную пищу для размышлений.

«Отрицание бессознательного неизбежно закрывает естествоиспытателю путь для нахождения причинных связей и отношений между отдельными явлениями психической жизни человека. Важнейшее свойство сознания – его прерывистость, то есть наличие перерывов между отдельными его элементами, нередко отсутствие между ними видимых связей. Понятие бессознательного заполняет пробелы»

лы между сознательными психическими явлениями. Это даёт возможность изучать все психические функции у человека – вплоть до самых высших – с позиций детерминизма, а это основной и обязательный принцип любого научного исследования. Таким образом, бессознательное – это гносеологически необходимая категория». (Костандов, 2004. С. 19).

К настоящему времени исследований о влиянии неосознаваемых стимулов на психику человека проведено невероятное множество. Число подобных исследований даже на территории России или бывшего СССР впечатляет. Изначально загадочный феномен теперь превратился в нечто совершенно обыденное – особенно с распространением компьютерных технологий тахистоскопическое предъявление визуальных стимулов стало доступно каждому, кто этим хоть сколько-нибудь интересуется.



Иллюстрации из эксперимента Eagle M. (1959)

В другом эксперименте (Eagle, 1959) двум группам испытуемых в сверхбыстром режиме предъявлялись два разных изображения. Одной группе демонстрировалась картинка, на которой подросток угощает человека тортом, а другой группе – картинка, где тот же подросток бьёт этого человека ножом. Продемонстрированные в сверхбыстром режиме эти изображения не успевали осознаваться испытуемыми. Но, несмотря на факт неосознания, эти изображения всё же влияли на отношение испытуемых к предъявленной дальше третьей картинке – на которой этот же подросток был изображён спокойно стоящим, то есть в нейтральном контексте. Эта картинка предъявлялась в нормальном режиме, вполне достаточном для осознания с целью получения характери-

стики личности изображённого подростка. В итоге люди из той группы, которая изначально в сверхбыстром неосознаваемом режиме видела этого подростка, вручающего человеку торт, оценили его положительно, а люди из второй группы, которая видела перед этим неосознаваемое изображение подростка, наносящего человеку удар ножом, оценили его отрицательно.

Точно по этой же схеме испытуемые лучше оценивали изображение человека, если ему на неосознаваемом уровне предшествовала какая-либо позитивная сцена (изображение котят или пары влюблённых). Если же в сверхбыстром режиме были показаны негативные сцены (изображение трупа или оборотня), то предъявленное далее в обычном режиме изображение человека оценивалось более отрицательно. Что интересно, если испытуемым тахистоскопически демонстрировать фотографии лиц с нейтральным, счастливым или же негативным выражением, то можно обнаружить у них и соответствующие копирующие сокращения мимических мышц, хотя сами они осознанно никаких лиц разглядеть не успевают (Dimberg, 2000). Как указывает Дэвид Майерс, студенты оценивали свои научные идеи более негативно в том случае, когда на неосознаваемом уровне им предъявлялось изображение нахмуренного лица их преподавателя (Майерс, 2010).

Предъявление неосознаваемого слова (сверхкороткая экспозиция на 1/100 сек) ускоряло дальнейшие попытки распознавания слова из набора букв, предъявляемого на осо-

знаваемом уровне (Дормашев, Романов, 1999). К примеру, первоначально испытуемому тахистоскопически демонстрируют слово, которое он не успевает осознать, затем ему в обычном режиме предъявляют ряд букв и просят как можно быстрее определить, слово это или просто бессмысленный набор букв. В том случае, когда неосознанное слово по смыслу было связано с дальнейшими словами, показанными в обычном режиме, то они распознавались гораздо быстрее. Причём интереснее всего феномен проявил себя, когда на неосознаваемом уровне человеку показывали слово "palm", что в английском языке имеет двойное значение – как "пальма" и как "ладонь". Не успев осознать это слово, дальше люди получали буквы и должны были сказать, бессмысленный ли это их набор, либо конкретное слово. После неосознанного восприятия слово "palm" с двойным значением (омоним), люди гораздо быстрее всех прочих слов были способны осознавать из предъявленного набора букв такие слова, как "maple" ("клён") и "wrist" ("запястье"). То есть на бессознательном уровне со всей очевидностью происходила смысловая обработка слова "palm", где и вскрывалось его отношение как к деревьям (пальма) так и к руке (ладонь). И уже дальше формировалась установка выискивать среди предъявляемых наборов букв слова, имеющие отношения либо к деревьям, либо к руке. Именно такие слова и распознавались на порядок быстрее, чем все остальные.

И, конечно, всё это происходило за считанные мгновения.

В другом эксперименте (Swinney, 1979) испытуемому зачитывалось предложение "Человек не удивился, обнаружив в углу комнаты несколько пауков, тараканов и жучков".

"Жучки" это тоже омоним – у него имеется как значение "насекомое", так и "подслушивающее устройство". Целью эксперимента и являлось определить, как двусмысленность слова влияет на скорость распознавания других слов, предъявляемых в дальнейшем.

После прослушивания предложения о тараканах и жучках, испытуемому демонстрировали пары слов, которые он должен был озвучить как можно быстрее. Во всех этих парах первым непременно шло слово "жучки". Дальше уже пары различались по второму слову: были пары "жучки – муравей", "жучки – шпион" и "жучки – шить". То есть в первом и втором случаях была явная смысловая связь между словами, где использовались оба омонимические значения слова "жучки". Слово же "шить" было нейтральным в этом смысле.

В итоге выяснилось следующее: после демонстрации слова "жучки" такие слова, как "муравей" и "шпион" распознавались одинаково быстро, в то время как нейтральные слова (типа "шить") распознавались труднее, с задержкой.

Другим интересным аспектом оказалось то, что "муравей" и "шпион" распознавались одинаково быстро только в том случае, если они следовали за словом "жучки" в течение 400 миллисекунд, но не позже. Как только увеличивался промежуток в демонстрации между словами, то быстрее уже рас-

познавалось только слово "муравей", а "шпион" уже распознавался труднее. Всё дело в том, что, видимо, здесь-то и играло свою роль зачитанное в начале эксперимента предложение о пауках, тараканах и жучках, которое загоняло слово "жучки" в строго определённый контекст – в контекст насекомых. Когда дальше шло предъявление описанных пар, то изначально в бессознательном активировались оба значения слова "жучки" (и как насекомого, и как подслушивающего устройства), что и отражено в факте одинаково быстрого опознания слов "муравей" и "шпион", если они следовали за "жучками" в течение 400 миллисекунд. В том же случае, если происходила небольшая задержка в предъявлении этих слов, и оно осуществлялось позже чем через 400 мсек, тогда в процесс опознания слова вклинивался созданный в предложении контекст, и быстрее распознавалось уже только слово "муравей", а слово "шпион" отметалось как неуместное в озвученном прежде контексте.

Таким образом, в эксперименте чётко проявился тот факт, что в самые первые мгновения после восприятия слова активируются все его значения вне зависимости от контекста. И уже затем происходит осмысление его уместности, исходя именно из контекста.

Кстати, вот метод, каким можно исключительно в домашних условиях проверить эффект влияния контекста на неосознаваемые когнитивные операции.

Попросите человека 20 раз быстро произнести слово "холодильник".

Пусть он вместе с этим для верности счёта загибает пальцы.

Он должен делать всё это как можно быстрее.

Затем, когда он произнёс "холодильник" все 20 раз, спросите его с требованием ответить всё так же как можно быстрее на вопрос "Что пьёт корова?"

И вы увидите, как человек тут же ответит – "молоко"...

Только через секунду-две он поймёт свой конфуз.

В большинстве случаев люди именно так и отвечают.

Главное, ответ должен быть дан как можно быстрее.

Если возникает лёгкая заминка, то есть вероятность возникновения правильного ответа – "вода".

Этот пример отчётливо демонстрирует, как погружённые в контекст "холодильника" слова "корова" и "пить" дают на выходе "молоко". Неосознаваемая мыслительная последовательность здесь просто очевидна : что связывает такие явления, как корова, холодильник и питьё? Что является общим?

Конечно, молоко.

Поскольку все эти суждения осуществляются очень быстро, то потому и бессознательно.

Термин «когнитивное бессознательное» (то есть бессознательное, которое не просто воспринимает информацию,

но и производит какую-то её смысловую обработку) в современной науке уже не представляет собой нечто новое и необычное.

Впервые этот термин использовал Пиаже (*Пиаже, 1996*), когда говорил о том, что мыслительная деятельность хоть и является в значительной степени осознаваемым процессом, но неосознаваемыми остаются познавательные структуры самого мыслительного процесса, которые непосредственно направляют само мышление.

То есть мышление как процесс – осознаваемо, а принципы, согласно которым оно функционирует, – нет

Пиаже приводит в пример ребёнка 5-6 лет, которому дают две палочки, где палочка А короче палочки В. Ребёнок видит и понимает, что палочка А – короче. Но когда убирают из поля зрения эту короткую палочку А и показывают палочку С, которая ещё длиннее, чем В, ребёнок не приходит к, казалось бы, логичному выводу, что, поскольку $C > B$, а $B > A$, то значит, что и $C > A$.

Ребёнок этого не понимает. Он пока не умеет прийти в голове к такому заключению. У него ещё слишком мало для этого опыта взаимодействия с предметами.

Только в том случае, когда ребёнку снова показать палочку А и предъявить её вместе с палочкой С, он поймёт, что $C > A$.

В логике и математике это называется транзитивностью – перенос соотношения с одной группы предметов на другую

группу, если у них есть хоть один общий для сравнения элемент.

Только в результате опыта взаимодействия с предметами у ребёнка со временем формируется постоянное понимание транзитивности, в результате чего он научается применять его в самом широком спектре жизненных задач. Но суть-то в том, что ребёнок потом совершенно не осознаёт, как в решении той или иной задачи он пользуется знанием транзитивности – эта мыслительная операция совершается им уже исключительно на бессознательном уровне.

Это и есть пример неосознания принципов своего мышления.

Или вот другой пример: ребёнка просят попасть в цель, запустив в неё грузиком на верёвочке, которую сначала надо раскрутить для броска (как пращу). После недолгого обучения ребёнок овладевает навыком попадания в цель, но самое интересное начинается, когда его просят объяснить принцип действия во время броска...

Чем младше ребёнок, тем хуже ему даётся это объяснение, несмотря на то, что само действие он выполняет абсолютно правильно. Только дети 10-11 лет могут корректно описать всю последовательность своих действий, принимая во внимание вращательный момент при движении грузика к цели. А дети помладше же утверждают, будто они отпускают верёвку точно напротив цели, и грузик летит ровно по прямой, хотя на самом деле это не так.

Отсюда следует вывод, что маленький ребёнок совершенно неосознанно отслеживает, как раскрученный на верёвке грузик летит при броске в сторону. Затем он также неосознанно вносит коррективы в свои движения, исходя из уже понятого им на неосознаваемом же уровне принципа движения грузика, что и приводит дальше к совершенно неосознанному же разжиманию пальцев в точно выверенный момент движения по окружности.

И вся эта сложная координация действий происходит исключительно на уровне бессознательного.

Ну или вот ещё пример (Пиаже, 1994): детям от 7 до 9 лет говорили не до конца понятную им фразу – «в 5 раз быстрее, чем за 50 минут».

В ряде случаев дети говорили, что речь идёт о 45 минутах. Но не корректность или её отсутствие интересовали исследователей, а сами объяснения, которые давали дети о своём умозаключении.

Понятно, что 45 получалось у них в результате того, что фраза «в 5 раз быстрее» понималась ими просто как «минус 5». Дальше из 50 вычиталось 5 и получалось 45.

Но суть в том, что сами дети не могли внятно пояснить, каким именно образом они получили число 45.

Они говорили, что угодно, но только не тот наиболее «разумный» расчёт, который приведён выше. Один мальчик так и вовсе пояснил ход своих рассуждений: я взял 10 и 10, и 10, и 10, и я прибавил ещё 5.

На данном примере весьма наглядно демонстрируется, как мыслительная операция, в ходе которой было извлечено число 45 ($50 - 5 = 45$), сама по себе не была осознанной. Это вычисление было целиком произведено в бессознательном, а сознание затем было попросту вынуждено самым случайным образом искать объяснение возникновению числа 45.

В общем, происходят или нет познавательная (мыслительные, когнитивные) процессы в бессознательном – такого вопроса у современной науки нет. Сейчас весь интерес сосредоточен вокруг выяснения возможной сложности когнитивных процессов в бессознательном.

Иными словами, насколько сложные операции по осмыслению могут происходить в нашем же мозге, но вне нашего осознания?

Исследования показывают, что бессознательное способно улавливать закономерности и взаимосвязи между явлениями, хотя на сознательном уровне человек ничего подобного ещё не обнаруживает.

По одним данным (Reber, 1989), человек может отличить грамматически верное предложение от неверного, что указывает на усвоение некоего правила в ходе определённого опыта, но так и не может объяснить, что именно это за правило. Ребер использовал в своих экспериментах так называемую искусственную грамматику – цепочки из набора согласных букв, выстроенных по целому ряду непростых правил, придуманных самим исследователем. Предъявления та-

ких цепочек букв постепенно приводили к тому, что испытуемые научались отличать "правильные" предложения от "неправильных". Но когда перед людьми возникала задача сказать, по какому принципу они отличают одни предложения от других, те не только не могли этого назвать, но даже и демонстрировали внезапное ухудшение в своём новом умении. То есть, как только они пытались осознать понятое ими на уровне бессознательного правило, так всё тут же шло на смарку.

Бессознательное способно улавливать алгоритм из набора специальных стимулов и реагировать на него наиболее подходящим образом, хотя сами испытуемые и не осознавали, что в совокупности стимулов содержалась какая-то логическая последовательность (Destrebecqz, Cleeremans, 2001).

Подобное явление называется **имплицитным научением**, то есть способностью выводить из явлений закономерности и действовать в соответствии с ними, но при этом сами эти закономерности не осознавать.

Имплицитное научение является неотъемлемым и чрезвычайно важным свойством человеческой психики, без которого было бы очень трудно представить адаптацию к новым складывающимся условиям, если бы она осуществлялась только за счёт осознанного понимания закономерностей. Именно способность бессознательно определять алгоритмы в событиях окружающей среды и действовать соответственно им приводит к успешному, порой даже изящному ре-

агированию в самых различных ситуациях.

Смельчак от советской психологии Пётр Яковлевич Гальперин упоминал о неосознаваемом научении в ходе своих исследований в рамках теории поэтапного формирования умственных действий (Гальперин, 2008). В эксперименте задача состояла в том, чтобы научить испытуемых превосходно ориентироваться в особенностях армянской средневековой архитектуры и без труда определять её отличительные черты. Сначала испытуемым демонстрировались изображения зданий типично армянской архитектуры вперемежку со зданиями других культур, которые на первый взгляд имели много общего с искомым. Параллельно испытуемым объяснялось – мол, это типично армянское здание. Испытуемый внимательно его изучает. Затем показывается другое здание (средневековое грузинское), экспериментатор говорит, что это не армянское здание – испытуемый внимательно изучает и его. И такие предъявления происходили в течение некоторого времени. То есть человеку просто показывали набор разных зданий, которые внешне для не наметанного глаза схожи, и он при этом должен был сам определить все различия между архитектурными стилями и усвоить, какие именно свойственны армянскому. Не было никакого разъяснения, в чём состоят принципиальные различия в стилях – человек должен был усвоить их сам. Дальше начинался этап, когда испытуемому снова предъявляли набор изображений, но он должен был уже сам определять, армянское это или

неармянское здание. Так вот, в ходе такого стихийного обучения испытуемым действительно удавалось во многих случаях правильно определять армянские здания из всех предъявленных. Но что самое интересное, когда людей потом просили пояснить, по какому именно признаку они определили это здание как армянское, они не могли ответить ничего внятного. Просто армянское, и всё, а почему – не знаю. Таким образом, осознанного понимания отличий так и не возникало, а возникало оно исключительно на неосознаваемом уровне.

Другой очевидный пример имплицитного научения – использование детьми союза "потому что" (Пиаже, 1994). Когда детям 7-8 лет предлагали объяснить, что значит слово "потому что" на примере фразы "Я не пойду завтра в школу, потому что я болен", выяснилось, что дети совершенно не в силах осознать значения этого союза. Да, в собственной речи они уже весьма активно и правильно употребляют союз "потому что", но вот объяснить, что он значит, они не в состоянии.

Когда детей просят продолжить фразу "Этот человек упал с велосипеда, потому что...", они начинают нести всякую околесицу типа "Он упал, потому что он упал и потом он очень ушибся" или "Он упал, потому что он сломал себе руку".

"Я пошел в баню, потому что... я потом был чистым".

"Я потерял вчера мою ручку, потому что я не пишу".

Дети неосознанно понимают значение союза "потому что" и в силу этого способны правильно применять его, но только **спонтанно**. Когда же просят ребёнка применить этот союз намеренно и произвольно, он словно упирается в стену. Всё как раз потому, что он не осознаёт, что значит этот союз, тогда как бессознательно его значение он хорошо знает, что и демонстрирует в собственной **спонтанной** речи.

Это яркий пример имплицитного научения. Ежедневно слушая речь взрослых, ребёнок из контекста во фразах **неосознанно** понимает, в каких случаях применяется слово "потому что", и дальше умело использует его сам. Но когда ребёнка спрашивают, как он это делает, он не может ответить, так как уметь что-либо – не означает это осознавать.

С раннего детства мне, как и всем выросшим в перестроечном СССР, доводилось смотреть немало голливудских фильмов с недублированным переводом – когда гнусавый-гнусавый голос переводчика еле перекрывал английскую речь героев оригинальной озвучки. Этих фильмов я посмотрел немало. Но был ещё один факт – мне был интересен английский язык. Я прислушивался к разговорам героев под гнусавым переводом на русский, слушал и потихоньку заучивал некоторые слова.

Так я и смотрел фильмы зачастую – слушал параллельно русскому переводу и сам английский текст.

Когда же мы начали изучать английский в школе, я ока-

зался лучшим в классе по этой дисциплине. И так было много лет – вплоть до 11-го класса, когда интерес к этому языку постепенно стал увядать. Но вот помню такие моменты на уроках, когда учитель просила прочесть текст, между слов в котором намеренно были оставлены пробелы – чтобы проверить знание ученика, какой артикль нужно вставить. А именно с артиклями я дружил плоховато... Все эти ""... Как-то терялся я среди них.

Но дело в том, что когда доводилось читать подобные задания, я почти всегда выполнял их правильно. Просто читал написанный текст и в пробел автоматически вставлял нужный артикль, который почти всегда оказывался верным. Когда же учительница спрашивала меня, почему я поставил именно артикль "", то я откровенно терялся. Я не знал, что ответить. Часто я просто ограничивался фразой – "Ну мне просто кажется, что здесь он подходит лучше всего" или "Так звучит красивее" и тому подобное...

На деле же это был не чем иным, как примером имплицитного научения – ранний интерес к английскому, который проявил себя ещё в прослушивании голливудских фильмов, и привёл к тому, что я неосознанно научился вставлять нужные артикли в нужные места, при этом так и не осознав самих правил, согласно которым это осуществлялось.

Любой из нас может обратить внимание (если хорошо подумать), какую большую роль в нашей жизни играет уме-

ние бессознательно подмечать незначительные мелочи, затем проводить между ними логические параллели, делать из этого выводы и уже затем совершать мотивированные ими поступки.

Обычно человек после всего этого чешет себе голову, хлопает глазами и задаётся вопросом: и как я только сообразил? Как почувствовал?

И, конечно, дальше следует простонародный вывод: это всё интуиция.

Но если суммировать все наши знания о бессознательном, то мы можем твёрдо сказать, что интуиция – это:

– способность бессознательного фиксировать самые мельчайшие детали происходящего и обдумывать их

– плохо развитая способность осознавать сами эти внутренние процессы.

Вот эти два фактора в совокупности и называются загадочным словом «интуиция». Звучит сильно, а по сути это лишь признак недоразвитости сознания.

Тот человек, который со временем научается осознавать всю причинно-следственную цепочку собственных суждений, которые привели к итоговому выводу, всегда может разложить свои умозаключения по полочкам, по пунктам. Тогда как человек с хорошо развитой «интуицией» попросту не понимает всего, что происходит в его же собственной голове.

Вспомним, как дети приходят в размышлениях к числу 45, но потом сами не могут объяснить, как это вышло. Вот

если так же делает взрослый, то обычно принято называть подобную неспособность осознать ход своих мыслей интуицией.

* * *

Приложение 1: феномен микросаккад

Хотите элементарный пример того, как каждый из нас ежедневно сталкивается с неосознаваемой регистрацией микростимулов и их же неосознанным анализом?

Читайте.

*Есть такое явление – **микросаккады**. Этим термином обозначается сверхбыстрое движение глаз, необходимое некоторым видам (в первую очередь – млекопитающим), чтобы видеть неподвижные предметы. Да, да, именно неподвижные.*

Всё дело в том, что если представить себе абсолютно неподвижный глаз, который смотрит на точку на стене, то мы обнаружим, что довольно быстро все фоновые предметы в периферическом поле зрения словно начинают таять и потом исчезают совсем, становятся невидимыми.

Это всё эффект привыкания нейронов – если на один и тот же рецептор оказывать постоянное неменяющееся по интенсивности раздражение, то в итоге нейрон попросту перестаёт его регистрировать.

В случае со статичным глазом – он начинает как бы слепнуть в отношении неменяющейся картинки. Тут-то эволюция и изобрела саккадические движения – в результате сверхбыстрых микроколебаний глаза фотоны, отражённые от неподвижного объекта, каждый раз попадают на новый рецептор, а не на один и тот же. Это и позволяет нам постоянно видеть неподвижные объекты.

У насекомых и земноводных такой функции нет. Лягушка не видит неподвижные объекты, только движущиеся. У человека же как представителя более продвинутого класса млекопитающих есть на вооружении микросаккадические движения глаз. Как правило, большинством людей они не воспринимаются, не осознаются, так как угловая скорость таких движений просто умопомрачительная (до 800 град./сек.), а длительность самого движения в зависимости от амплитуды варьируется всего от 10 мсек до 80 мсек (то есть от 1/100 секунды до 8/100).

В исследованиях для полноценной регистрации саккад используют видеоборудование со скоростью съёмки не менее 200 кадров в секунду.

Грубо говоря, человеческие глаза непрерывно совершают сверхбыстрые подёргивания, незаметные даже самому хозяину. В среднем глаз совершает около 6 таких рывков в секунду.

Собственно, именно из-за скорости саккадические движения и названы так – от французского "saccade", что значит "рывок".

вок". Интенсивность микросаккад можно контролировать и сознательно, если направить своё внимание на одну точку и заставить себя удерживать взгляд на ней. Тогда саккадические движения глаза на некоторое (недолгое) время можно прекратить – тогда-то мы и замечаем, как фон начинает исчезать.

Последние исследования (, 2003) показывают, что микросаккадические движения глаз тяготеют к стимулу на периферии зрения, если на него направляется внимание человека.

То есть если вы смотрите конкретно на точку перед собой, а где-нибудь в верхнем углу поля зрения размещается дополнительный стимул, привлекающий ваше внимание, то все эти сверхбыстрые незаметные движения глаз начнут совершаться именно в сторону этого дополнительного стимула.

Данный факт и позволил говорить исследователям, что в саккадических движениях глаз человека можно уловить его тайные мысли в конкретный момент.

Вот вспомните, такое бывает у каждого – беседуете с человеком, он смотрит прямо вам в глаза, его зрачки направлены прямо на вас, но... Но при этом у вас складывается ощущение, что его интересуют не вы, а что-то за вашей спиной или просто в стороне.

Такое бывает у всех.

У кого-то при этом складывается трудно передаваемое ощущение, будто общение с таким человеком вышло ка-

ким-то "пустым", а кто-то же сразу понимает, что внимание его собеседника привлекает что-то в другой стороне. Здесь всё уже зависит от порога осознания (который, как мы знаем, в общем-то, индивидуален и зависит от множества сиюминутных факторов).

У меня первые смутные догадки о почти неуловимых колебаниях глаза стали возникать ещё в пору глубокой юности – лет в пятнадцать. Мне, как и всем остальным, не доводилось ни разу заметить непосредственно само неуловимое движение глаза, но много раз ощущалось странное напряжение в глазах собеседника. Казалось, будто какая-то сильная глазная мышца заставляла вибрировать всё яблоко, вибрировать невероятно быстро, а потому еле заметно. И зачастую ведь даже действительно удавалось заметить в каком именно направлении "вибрировали" глаза собеседника. В целом это воспринимается именно как некоторое напряжение в глазах.

Вот вспомните, у вас такое тоже бывало – едешь в автобусе, к тебе стоит боком человек, ты смотришь прямо на него. Смотришь в его единственно видимый тебе глаз и вдруг в какой-то момент понимаешь, что и он уже сосредоточил всё своё внимание на тебе.

То есть фактически он продолжает смотреть прямо перед собой – его зрачки направлены строго вперёд, на пейзаж за окном, но при этом мы "ощущаем", что его внимание направлено в бок, на нас. Зачастую это ощущается со всей

отчётливостью.

В такие моменты бабки у подъезда говорят о флюидах, о биотоках. Но это всё микросаккадические движения глаз.

Они не осознаются нами непосредственно, так как слишком быстрые и короткие для нашего порога восприятия. Но все они регистрируются на подпороговом восприятии уровне – в бессознательном. Там же они и получают простейшую мыслительную обработку, результат которой сразу в готовом виде всплывает в нашем сознании – в такие моменты мы "чувствуем" внимание человека, который смотрит совершенно в другую сторону, или же "чувствуем" невнимание человека, который, казалось бы, смотрит прямо нам в глаза...

И никаких флюидов.

Поскольку микросаккады имеют тенденцию отклоняться в сторону истинного объекта внимания, то они являются наиболее точным показателем уровня интереса субъекта к нашей персоне. Таким образом, возникшее в ходе эволюции подёргивание глаза для восприятия неподвижных объектов стало своеобразным "детектором лжи".

О возможности имплицитного научения упоминал и основатель теории социального научения Альберт Бандура (Бандура, 2000). Правда, упоминал он об этом вскользь и весьма неохотно, потому что этот момент не очень хорошо вписывался в его чрезвычайно идеализированную модель формирования человеческого поведения – Бандура де-

лал очень уж большой упор на способность человека научиться через анализ наблюдаемых явлений и совершение вполне сознательных из этого выводов. Роль бессознательно-го в поведении человека кажется гораздо более обширной и значимой, нежели хотелось Бандуре. А ему хотелось видеть человека самым настоящим сознающим существом и отдающим себе отчёт абсолютно во всех своих действиях – именно по этой причине он и выглядит чрезвычайным идеалистом.

Без категории бессознательного теория социального научения не обретёт всеобъемлющего и исчерпывающего характера в попытках объяснить человеческое поведение. Тут, несомненно, не хватает включения неосознаваемого научения в общую картину формирования поведения.

Рассматривая возможность неосознаваемого научения, Бандура комментирует опыты Постмана и Сассенрата (Postman & Sassenrath, 1961), в которых проверялась способность людей менять своё поведение в условиях воздействия, на первый взгляд, неупорядоченных стимулов (Бандура, 2000. С. 36). Когда смысл происходящего не осознаётся, реакции испытуемых всё же со временем приобретают некую упорядоченность и приводят к росту положительных результатов, что свидетельствует об осуществлении неосознаваемого научения. Иными словами, человек может выработать правильную реакцию в условиях, в которых он сознательно не уловил ещё никакого общего правила, алгоритма, что говорит о том, что данное правило выявлено им на бес-

сознательном уровне. И только уже дальнейшее всё нарастающее число верных реакций приводит к осознанию того правила, согласно которому эти реакции и совершались.

Сначала происходит бессознательное понимание алгоритма, а затем уже сознательное.

Бандура приводит (Там же. С. 37) данные исследований (Kennedy, 1970, 1971), которые показывают, что степень осознания конкретного алгоритма в ряде стимулов зависит от того, в какой именно момент определяется этот показатель.

Если измерение проводится спустя длительное время после осуществления всех реакций, то испытуемые отвечают так, будто факт осознания явно предшествовал совершению правильных действий. Но когда же измерение проводится спустя короткие промежутки времени, то испытуемые не могут дать внятного объяснения, почему они реагировали на стимулы конкретным образом, и это несмотря на то, что их реакция всё же была верной.

Всё это, в общем-то, указывает на то, что через определённое время люди склонны лучше анализировать всю совершённую ими совокупность действий и осознавать общую их тенденцию. Дальше уже именно это своё осознание они естественным образом объявляют причиной в отношении совершённых правильных реакций, тогда как на самом деле мы видим, что всё обстоит с точностью до наоборот – нарастающее число правильных реакций является причиной дальнейшего их осознания. То есть в данном случае сознание вы-

ступает лишь в качестве своеобразного оправдателя совершённых бессознательным действий, их толкователем (к такому же выводу о функции сознания как интерпретатора пришли Сперри и Газзанига, исследуя людей с расщеплённым мозгом – но об этом подробнее чуть дальше)

Пытаясь (хоть и сугубо умозрительно) доказать, что бессознательное человека неспособно определять алгоритм в воздействии разных стимулов, Бандура предлагает проделать в воображении следующее (Бандура, 2000. С. 38):

«Допустим, что вниманию участников эксперимента предложены слова различной длины; задание заключается в том, чтобы правильно назвать число, соответствующее каждому слову. Давайте сформулируем произвольное правило, согласно которому «правильное число» получается в результате вычитания из 100 количества букв в слове, деления остатка на 2 и умножения полученного результата на 5. Для того чтобы получить правильный ответ с учётом этого сложного правила, требуется трёхступенчатый расчёт, то есть испытуемый должен выполнить несколько мыслительных операций, причём в строго определённой последовательности. Организм, лишённый способности мыслить, не в состоянии выполнить правильные действия, сколь долго бы его реакции не подкреплялись».

Вот тут и возникают вопросы к логике Бандуры. Если приглядеться внимательнее, то мы обнаружим две основательные промашки исследователя.

1. Он изначально относит способность неосознанного определения алгоритмов к свойствам **организма**. Это удивительный подход. Но разве кто-то когда-то говорил, что бессознательное – это функция организма, а не психического аппарата? Конечно же, сам организм лишён «способности мыслить», как выразился Бандура. Но мышление представляет собой функцию психического аппарата, который является надстройкой организма, но никак уже не самим организмом – иное упрощение выглядит грубо. По всей видимости, Бандура по умолчанию исходил из той теоретической позиции, что психика и сознание тождественны. И если и есть что-либо бессознательное, то оно уже не относится к психике, а имеет в своей основе исключительно "органическое".

2. Он изначально исходит из предположения, что если бессознательное способно вычислять алгоритмы, то оно непременно **должно** уметь вычислять даже самые сложнейшие алгоритмы, требующие многоступенчатых арифметических действий.

А никто ведь и не утверждал, что бессознательное способно определить **любой** алгоритм. Вот как раз простые алгоритмы ему, по всей видимости, по плечу, что вряд ли можно сказать о сложных. Но Бандура же полагает, что если ему удастся доказать, что бессознательное неспособно открыть бином Ньютона, то он тем самым докажет, что бессознательное вообще ни на что не способно.

Неужто если пятилетний пацан не умеет определить логарифм из 100 и возвести его в куб, мы посчитаем, что он и не в силах сложить $2+2$?

В общем, в словах Бандуры видна явная тенденция отказать психологической науке в категории бессознательного как в некоем артефакте, и в этом усердии он сильно перегибает палку.

Неосознаваемое научение является неотступным спутником в жизни человека, значение которого на самом деле сложно переоценить. Достаточно даже вспомнить, что ребёнок учиться ходить на двух ногах, исключительно неосознанно подражая взрослым.

* * *

Приложение 2: имплицитное научение

Когда общаюсь с кем-то, всегда и сразу ощущаю, как интенсивно начинает работать мозг – любые движения собеседника, особенности интонации голоса – всё это мгновенно фиксируется и анализируется в глубинных частях психики.

Вернее, глубинными они были когда-то давно, а потом стали очень даже осознанными.

Когда 95% твоего времени уходит на рефлекссию, то так или иначе будто бы расширяешь угол своего сознания-внимания.

К примеру, возвращаешься со свидания в приподнятом настроении и думаешь с улыбкой на лице: я ей точно понравился.

Улыбаешься сам себе, а потом задаёшься вопросом: а на основании чего я решил, что понравился?

*В такой момент человек с низким уровнем осознания от-
делается примерно такой фразой: ну мы так отлично по-
сидели, пообщались! Мы явно понравились друг другу!*

На том и остановится. Никакого анализа.

*Я же всё начинал раскладывать на составляющие. По-
скольку атмосфера в общении между людьми – это не ка-
кая-то энергетика, как любят рассуждать всякие мисти-
ки, эзотерики и бабки у подъезда, а совокупность улавлива-
емых, но неосознаваемых деталей.*

Сразу прокручиваю в голове:

– когда она говорила о том-то, она двигала руками вот так

– когда говорила о том-то, то еле заметно улыбнулась вот так

*– когда я говорил о том-то, её глаза были всецело обра-
щены на меня, никаких колебаний*

*– в такой-то момент еле заметное «вот такое» движе-
ние шеи*

*– в такой-то момент пауза затянулась чуть дольше ло-
гически предполагаемой.*

И вот вся совокупность (трудноуловимая или же и вовсе

неуловимая для большинства) подобных мельчайших факторов и складывается в итоге в осознание нами того, понравились ли мы друг другу или нет.

Такого рода наблюдательность можно развивать. Что я и делал (поначалу неосознанно) в промежутке с 22 до 24 лет. Да, всего два года, но за это время было около 60 разных свиданий с девушками, а с некоторыми и не по разу. Каждый раз полтора-два часа сидишь с женщиной в кафе за столиком лицом к лицу друг напротив друга, как на допросе – за это время даже невольно разовьёшь свою наблюдательность.

Потом постоянно обращаешь уже вполне осознанное внимание : на движения рук, на тип улыбки, на движения глаз и расширение зрачков, на произношение отдельных слов, на походку и на всё остальное.

Вся эта груда информации анализируется постоянно, ежесекундно и помимо нашего сознания.

Когда задумываешься над этим, понимаешь, какую колоссальную работу проделывает мозг в секунду времени.

Со временем качество анализа доходит до такой степени, что пообщавшись с женщиной первые полчаса, можно почти точно сказать: вот с ней можно рассчитывать на то-то, вот с этой – на это, ну а с этой так и вовсе на всё остальное.

Вся информация подобного рода затем получалась совершенно автоматически – это умение со временем снова ушло

в бессознательное и осуществлялось абсолютно само по себе, предоставляя сознанию сразу готовый вывод. Но при желании вся цепочка рассуждений и фактов, на которых они основывались, в любой момент извлекалась наружу и анализировалась уже сознательно.

Самое же интересное было тогда, когда я стал замечать, что в общении с разными женщинами веду себя по-разному. С этой так, с этой – вот так, а с третьей и вовсе так.

Это было очень интересно, и я задумался, почему же это так? Любопытный феномен.

Но всё, как обычно, лежало на поверхности.

На бессознательном уровне в ходе считывания и анализа мельчайших нюансов поведения «жертвы» происходило также и соотнесение её типа поведения с моим собственным. Когда бессознательное «приходило к выводу», что мой конкретный тип поведения не находит отклика в душе данной особы, то само моё поведение начинало корректироваться с целью выработать оптимальное для сближения.

Данная процедура занимала не так и много времени – около получаса в первую встречу.

Так и получалось, что с одной я несколько грубоват (и ей это нравится), с другой я, наоборот, аристократически сдержан и галантен (и ей, конечно, это нравится), а с другой я шутлив и до невозможности прост (и ей это, разумеется, нравится).

То есть, по сути, процесс выглядит следующим образом : фиксируя малейшие детали поведения человека, бессознательное принимается к "прощупыванию" – мной осторожно совершалось какое-либо изменение в голосе, в манере речи, в жестике, в мимике, а затем тщательно считывалась реакция человека на эти изменения. Если реакция была положительной, внесённое мною изменение фиксировалось в отношении этого человека. Затем "прощупывание" продолжалось дальше, пока не обнаруживались новые положительные отклики относительно очередных невольных сознательно изменений в моём поведении. В итоге, когда число положительных откликов на различные аспекты моего поведения достигало определённого уровня, в моей голове возникала своеобразная карта поведения, которое было принято данным человеком. Оставалось только вести себя согласно полученной карте, и результат эмоционального сближения был бы максимальным.

Это похоже на работу сонара или УЗИ – бессознательным посылается мельчайший импульс к "объекту", который его принимает, перекодирует и посылает обратно, затем уже бессознательное производит дешифровку полученного сигнала и делает выводы.

Всю данную работу можно осознать.

А можно и не осознавать.

Как бы там ни было, а бессознательное проделывает колоссальную работу, даже когда мы об этом не знаем.

Механизм подобной бессознательной "подстройки" используется всеми людьми за чрезвычайно редким исключением (мои наблюдения показывают, что только сильно невротичные люди или те, которые уже близки к психотическому порогу, почти начисто игнорируют его). Обычные же люди, так или иначе, меняют своё поведение, общаясь с другим человеком.

Попробуйте забавы ради при встрече с новым человеком вести себя очень сдержанно, быть немногословным, совершенно безэмоциональным – разумеется, вы увидите, как ваш визави, даже если он обычно общителен и активен, существенно притормозит свою активность и разговорчивость. Это произойдёт в силу того, что не происходит контакта, нет регистрации никаких откликов – поведение невозможно выстроить должным образом. Возникает напряжение.

Я обращал внимание, что интересная ситуация складывается, когда в одной компании пересекаются несколько прежде незнакомых друг другу человека, с каждым из которых я уже общался по отдельности и, следовательно, к каждому из которых уже выработал определённый тип поведения. Вот они знакомятся, начинается общение, всё как бы хорошо. Но в таких ситуациях я всегда чётко ощущаю, что не знаю, как именно себя вести – согласно образцу поведения, выбранного в отношении одного человека или другого? В таких ситуациях это всегда дилемма, если, конечно,

всё это осознавать. У меня зачастую возникал дискомфорт в такие моменты – и я точно понимал, что связано это с незнанием, как именно себя вести. Порой даже совершал мелкие нелепости в поведении, которые другими, может, и не замечались, но в целом всё же для наблюдательного человека могли создавать впечатление какой-то моей дезориентации.

Только позже, после целого ряда таких случаев, у меня выработался один конкретный тип поведения, который в дальнейшем стал применяться во всех подобных ситуациях.

Кстати, как мне думается, подобную неопределённость в собственном поведении в таких случаях может наблюдать каждый. Мне доводилось фиксировать это ни один раз у моих друзей, когда они меня с кем-то знакомили.

Дальше на каком-то из этапов общения с людьми я стал замечать, что наши с собеседником позы оказываются идентичны. Обратил внимание, что локти одинаково упираются в стол; потом поза меняется, и уже ноги у обоих располагаются одинаково, и т.д. Мне стало любопытно, кто же кого копирует, а кто ведёт себя естественно?

В итоге удалось заметить, что сначала мои собеседники меняли позу, а затем уже мои руки-ноги **сами** повторяли их действия.

Конечно, было понятно, что такое копирование происходит из стремления лучшим образом подстроиться.

Это только позже я узнал, что на различных тренингах

личностного роста людей специально обучают тому, как нужно подстраиваться под позу собеседника, чтобы установить наиболее качественный контакт – часто это явление называют отзеркаливанием. Как показывают исследования, люди действительно склонны копировать друг друга в ходе общения: мы принимаем схожие позы, одинаково скрещиваем руки или ноги, теребим волосы, трём носы, пока общаемся (Carrella, Panalp, 1981). Но копируем мы не всех собеседников без разбора, а только симпатичных нам. А главное же, что данное копирование действительно сближает людей, способно усиливать их взаимную симпатию (van Baaren ., 2009). В итоге возникает сложная симфония, когда один копирует другого, а тот, другой, в свою очередь, копирует того первого, и всё это усиливает качество их взаимодействия и взаимопонимания.

Но по своей сути отзеркаливание более примитивно, нежели тот тип подстройки, который я описал выше. Если при отзеркаливании происходит всего лишь банальное копирование поз и движений человека, чтобы он воспринимал тебя как своё продолжение, то в первой подстройке нужный тип поведения **вырабатывается** на основе считывания неощутимых реакций собеседника и в итоге может оказаться так, что выработанное поведение в корне отличается от собственного поведения собеседника, но всё же приходится ему очень по душе (сколько же девушек удалось так к себе расположить, мама, не горюй).

Однажды я задался вопросом : если каждый раз я подстраиваю себя под типаж того или иного человека, то каков же я в общении **на самом деле**

И нравится ли мне всё это?

Порывшись в себе, пришёл к выводу, что для определения того, каков я на самом деле в общении, нужно исходить из того, каким мне **нравится** в общении быть.

Вести себя каждый раз по-разному мне не нравилось, это точно. Просто в той конкретной ситуации данное поведение было наиболее оптимальным с точки зрения расположения человека к себе, и всё. А моё любимое самоощущение – это когда я спокоен, у меня плавные размеренные движения, я не испытываю потребности говорить много и громко и постоянно смеяться. Когда я улыбаюсь не столько губами, сколько глазами. А на душе так спокойно-спокойно... Вот в те моменты я чувствую себя в своей тарелке, очень уютно.

В общем, такой спокойный и добрый. Собственно, потому я обычно повторно не встречался с теми женщинами, в общении с которыми мне "приходилось" быть грубоватым, пошловатым или же, наоборот, улыбающимся во всё лицо, постоянно шутящим и имеющим наивные детские глаза. С такими женщинами я старался больше не встречаться, потому что понимал, что им нужен совершенно другой человек, с другим типом поведения. И когда я встраивался в шкуру этого человека, то ощущал себя неудобно.

Я не хотел быть таким. Я хотел чувствовать себя спокойным, неразговорчивым и добрым. Всего-то.

Поэтому неудивительно, что больше всех мне нравились те женщины, с которыми я мог ощущать себя именно таким. Только с ними моё желаемое самоощущение совпадало с действительным. И с ними мне было чрезвычайно уютно.

В общем, надо выбирать не столько того, кто тебе нравится, сколько того, рядом с кем ты нравишься сам себе.

По ходу жизни невероятное множество вещей мы выполняем, совершенно не задумываясь, просто «на автомате», хотя когда-то нам приходилось учиться всё это проделывать. Со временем же контроль над обретенными навыками переходит из сферы сознания к бессознательному.

Вот попробуйте сейчас встать на четвереньки. Давайте, давайте, попробуйте. Встали?

Теперь ползите. Именно, просто ползите...

Поползайте по комнате. Взад-вперёд, туда-сюда. Посмотрите, где у вас пыльно.

Так, а теперь поднимитесь.

Всё?

Ну а сейчас попробуйте описать словами, объяснить всю последовательность действий, которую пришлось совершать, чтобы ползти.

Как вы двигали своими конечностями, как их переставляли? В каком порядке?

Это будет реально трудно. Много труднее, чем просто непосредственно ползти.

Пейперт проделывал такой опыт с детьми разных возрастов (Пиаже, 1996). В результате, чем младше ребёнок, тем хуже данное им описание собственного же поползновения. Некоторые даже принимались утверждать, что сначала продвигают вперёд обе руки, а затем подтягивают обе ноги. Только лишь среди детей 10-11 лет уже две трети из них способны описать все свои движения более-менее правильно.

Когда Пейперт на одном из симпозиумов попросил проделать всё то же самое, но уже совершенно взрослых собравшихся (по залу кучками ползали физики, психологи, логики и математики), выяснилось, что даже и они далеко не все способны верно описать порядок только что совершённых ими же действий.

Тот факт, что благодаря неосознаваемым мыслительным операциям наше тело может жить в известной степени "самостоятельной жизнью", показывается и в ряде других экспериментов. К примеру, в сложном исследовании, где испытуемые должны были на беговой дорожке со спонтанно регулируемым сопротивлением сообщать о моменте этой смены, было показано, что сначала тело испытуемых меняло специфику своей активности вслед за изменением в сопротивлении дорожки, и только потом уже сам человек осознавал произошедшие перемены. То есть тело реагировало на меняющуюся ситуацию довольно самостоятельно, без осознания

индивида (Varraine, et al., 2002).

Когда мы тянемся к какому-либо предмету, пальцы руки автоматически раскрываются на необходимую для его захвата ширину, но если рядом лежат два предмета разной величины (яблоко и вишня), и мы тянемся к маленькому, то пальцы раздвигаются чуть больше, чем обычно требуется для захвата именно этого предмета (Castiello, 2005). Нейробиолог Крис Фрит подчёркивает, что в данном случае "действие, требуемое, чтобы взять вишню, попадает под влияние действия, требуемого, чтобы взять яблоко. Такое влияние возможного действия на совершаемое показывает, что мозг одновременно параллельно заготавливает программы для всех этих действий" (Фрит, 2010. С. 156).

Очень многие автоматизмы, которые мы десятками совершаем каждый день, являются наглядным примером того, как самые сложные системы действий могут совершаться и без нашего сознательного контроля. А ведь всем этим действиям мы когда-то чрезвычайно усердно учились – и ползать на четвереньках, и ходить на двух ногах, и кататься на велосипеде. Со временем подобные навыки, которые в определённый момент времени используются очень активно, просто уходят с сознательного плана в бессознательный, тем самым превращаясь в обычный автоматизм.

Когда же мы начинаем задумываться над тем, как именно мы совершаем те или иные действия, то при попытке подобного осознания, упорядочивания в виде последовательных

мыслей мы в тот же момент снижаем эффективность конкретного автоматизма. Зачастую лучше не думать, как ты делаешь, а просто делать – так всё будет много стройнее.

Тут вспоминается анекдот про ёжика, который забыл, как дышать, и умер. Отчасти он демонстрирует нам суть рассматриваемого явления.

Попытка осознать может нарушить отточенный временем автоматический механизм действия, давно контролируемый бессознательным.

По данным Клэкстона, дети в среднем собирают кубик Рубика быстрее, чем взрослые (Claxton, 1998). Якобы дети всецело отдаются во власть своего двигательного интеллекта и **просто делают**, в то время как взрослые ещё и пытаются понять, **как** они это делают. Пытаясь перейти в сознательное, процесс бессознательного алгоритма становится отрывочным, последовательным и от этого перестаёт быть целостным, теряет свою всеохватность.

Очень интересный пример неосознаваемого научения был продемонстрирован советскими исследователями ещё в конце 60-х. Тогда талантливому нейрофизиологу И. С. Бериташвили пришлось в голову проверить одну идею насчёт ориентирования на местности у незрячих людей (Беритов, 1969). Изучая восприятие людей, в том числе и слепых, он пришёл к выводу, что ориентирование в пространстве у тех происходит не только посредством размахивания руками или палочкой и не только за счёт воспринимаемых ими

звуков, но и за счёт звуков, которые не преодолевают порог осознания.

В ходе эксперимента незрячему надевали наушники, в которые подавали звуковой сигнал, глушащий все прочие звуки извне. Затем он должен был пройти расстояние, заставленное различными препятствиями. Без наушников в "нормальном" состоянии такие люди обходили большинство предметов без малейших сложностей.

Но стоило им надеть глушащие наушники, так они тут же начинали то и дело наткаться на препятствия.

Тут как бы и ничего удивительного, но интересным же было то, что все эти незрячие испытуемые решительно утверждали, что при ориентировании они не руководствуются какими-либо звуками, потому что никаких особых звуков не слышат. Но, по их собственным словам, при ориентировании они внимательно прислушиваются к ощущениям на коже собственного лица.

Все незрячие, как один, утверждали, что перед каким-либо препятствием они ощущают словно едва уловимое прикосновение к лицу. Будто какое-то мимолётное дуновение воздействует на кожу.

Удалось установить, что все эти описания означали не что иное, как чрезвычайно слабые сокращения мышц собственного лица. Именно они-то и воспринимались испытуемыми как "прикосновение" или "дуновение".

Но чем были вызваны эти слабые сокращения лицевых

мышц аккурат перед препятствием?

Бабки у подъезда в таких случаях говорят о биотоках, ясновидении, Ванге, Большом адронном коллайдере и нейтронно-позитронном генераторе XGC-715...

Но всё оказалось проще и одновременно сложнее.

Беритов Иван Соломонович (он же – Бериташвили) пришёл к заключению, что всё дело в условном рефлексе, который формируется на неосознаваемый раздражитель.

В данном случае речь шла об изменяющихся звуковых волнах, отражённых от препятствия. Но интенсивность этих звуков настолько мала, что они просто не преодолевают порог восприятия и не осознаются.

В пору раннего обретения опыта ориентирования незрячие постоянно натываются на предметы. Бессознательное при этом фиксирует все типичные звуковые волны, отражённые от препятствий. И каждый раз, когда происходило столкновение с предметом, этому предшествовало определённое изменение неосознаваемого звука – меняется его частота.

Затем происходит столкновение, у человека возникает гримаса, происходит сокращение мышц лица и шеи.

Всего после ряда таких столкновений с препятствием, имеющим сплошную поверхность, в глубинах психики незрячего человека возникает условный рефлекс – сначала происходит регистрация неосознаваемого звука, а за ним и непременно столкновение, влекущее за собой напряжение

мышц лица. Именно по этой причине впоследствии у слепых и вырабатывается слабо ощутимый мимический рефлекс на неосознаваемый звук.

То есть бессознательное регистрирует звуковые волны, свидетельствующие о приближении препятствия, и заранее "морщит" лицо, поскольку такая реакция уже выработана.

Поскольку незрячие не осознавали сам звук, то более-менее могли ощутить мимолётную дрожь в собственных лицевых мышцах и уже на основании этого делали вывод о препятствии впереди.

Эксперимент с наушниками доказал справедливость этого предположения.

К тому же мельчайшие мимические колебания были зафиксированы у незрячих непосредственно перед препятствиями со сплошной поверхностью (то есть с хорошим звукоотражением), но не регистрировались перед препятствиями из сетки, на которые испытуемые всегда непременно наталкивались.

Вот такой необыкновенный и изящный пример формирования условного рефлекса на неосознаваемый стимул. Звук не осознаётся, а реакция на него есть...

Неосознаваемое (имплицитное) научение играет чрезвычайно важную роль в формировании поведения человека. Определение закономерностей в окружающей действительности и выработка соответствующего поведения – это всё способно осуществляться уже на уровне бессознательного,

что и приводит к тому, что люди зачастую просто не могут осознавать и объяснять, почему они делают то или это и именно так, а не иначе. Далее мы будем подробнее говорить об этом, когда речь пойдёт о самом базисном свойстве человеческой психики – о подражании. Подражание тем лучше развито, чем лучше развито неосознаваемое научение.

В исследованиях феномена имплицитного научения были получены весьма интересные результаты (Костандов, 2004. С. 117). Когда испытуемые выполняли определённое задание, на экране предъявляли слова «хорошо» и «ошибка», говорящие об успехах в достижении результата. Если слова-оценки подавались с достаточной для осознания длительностью, то в обработке этих импульсов преимущественно участвовало левое полушарие мозга. Если же слова демонстрировались в сверхбыстром режиме и не осознавались испытуемыми, то в обучении обнаруживалось функциональное преимущество правого полушария.

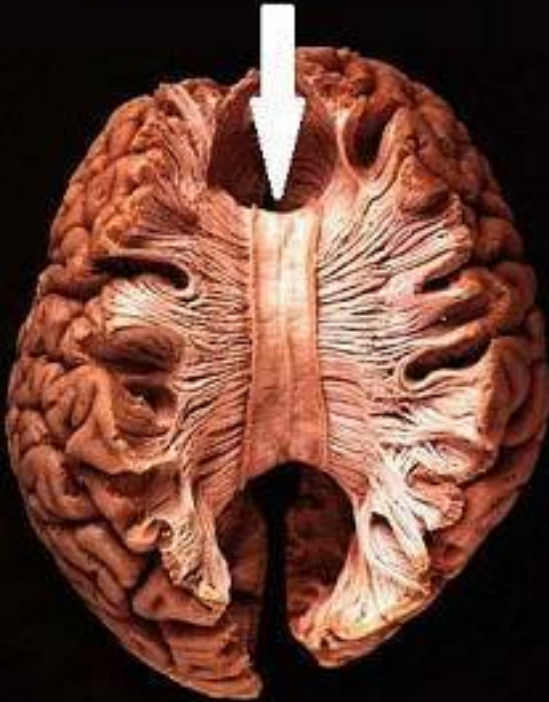
О связи именно правого полушария с бессознательным накоплено уже предостаточно сведений. Но, безусловно, самой настоящей вехой в изучении этой проблемы стали исследования Роджера Сперри и Майкла Газзаниги.

Читаем дальше – вот сейчас будет самое интересное.

4. Бессознательное и правое полушарие

В середине XX века тяжёлые формы эпилепсии научились лечить рассечением связей между полушариями мозга. Полушария соединены между собой пучками нейронов, называемыми комиссурами (*лат. committo – соединяю*). Крупнейшая из них – так называемое **мозолистое тело** *лат. scallousum*

Мозолистое тело



Вот именно рассечение этого самого мозолистого тела и прекращало все дальнейшие эпилептические припадки, поскольку делало невозможным распространение очага эпи-

лептического возбуждения с одного полушария на другое.

Операция по рассечению комиссур мозга называется коммиссуротомией.

Пациенты, страдавшие эпилепсией, после коммиссуротомии резко идут на поправку. Но что интересно, столь, казалось бы, серьёзное хирургическое вмешательство в мозг не приводит к сколь-нибудь заметным изменениям в поведении – прежним остаётся не только характер человека, но и уровень его интеллекта не меняется.

В общем, после рассечения связи между двумя полушариями люди никак не меняются. Они остаются ровно такими, какими были всегда.

Но это оказалось только на первый взгляд.

Последующие специализированные тесты позволили выявить некоторые особенности в восприятии действительности у людей с расщеплённым мозгом. И эти особенности оказались невероятно интересными.

Группа исследователей во главе с Роджером Сперри взялась изучить давно волновавшую науку тему – вопрос о функциональной асимметрии мозга (Sperry, 1966). Вскоре эстафету у своего учителя перехватит Майкл Газзанига (Gazzaniga, 1967).

В итоге за результаты своих исследований в 1981-м Сперри получил Нобелевскую премию... И её, честно, было за что вручить.

Какое полушарие за что отвечает?

Это было очень интересно и важно знать, особенно если учесть, что предельно точно до тех пор было известно лишь, что речевой центр находится в левом полушарии, что каждое полушарие контролирует противоположную сторону тела, и ещё несколько фактов.

А тут такая возможность – люди, мозг которых разрезан на два, по сути, автономных полушария.

Подобный подарок для нейрофизиологов будет важнее, чем манна небесная для 600 тысяч изголодавшихся евреев, сорок лет снующих по пустыне.

В общем, Сперри со товарищи приступили к исследованиям и приступили, надо сказать, основательно. Все эксперименты были продуманы весьма тщательно.

Концепция опытов была такой, что в какое-то одно из полушарий подавались различные зрительные образы, но так, чтобы эта информация не попадала в другое полушарие.

Известно, что если каждое из полушарий отвечает за противоположную сторону тела (контралатеральная связь), то с сигналами, поступающими из глаз, всё несколько сложнее. Самую малость.

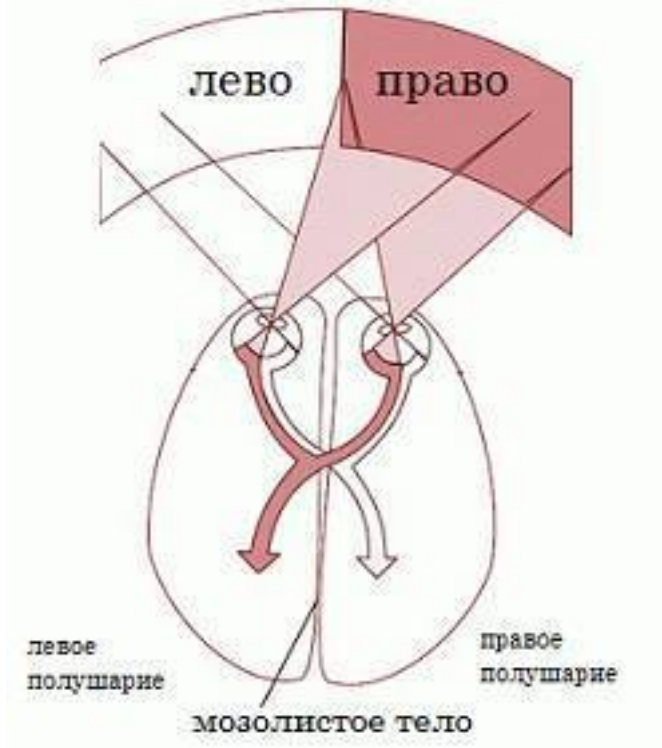
Каждый глаз может подавать сигналы не только в противоположное полушарие, но и в своё же, в «родное». Но как сделать так, чтобы левый глаз подавал сигнал **только** в правое полушарие?

Легко.

Для этого глаз можно рассматривать как хрустальный

шар, условно разделённый надвое – на правую и левую части. Если посветить фонарём на левую часть шара, то луч просветит его насквозь и выйдет с правой его стороны, верно? Вот именно в этом случае «луч» и пойдёт в правое полушарие.

Если же посветить на хрустальный шар справа, то «луч» выйдет слева. В этом случае он пойдёт в левое полушарие.



Ну а говоря научным языком, каждый из глаз имеет два поля зрения, изображения которых проецируются на назальную (ближе к носу) и темпоральную (ближе к виску) части сетчатки. Когда изображение поступает слева, то оно проецируется на правую часть сетчатки, откуда оно поступает в

правое же полушарие. Когда изображение поступает справа, то оно проецируется на левую часть сетчатки, откуда и поступает в левое же полушарие.

Если человек смотрит на точку прямо перед собой, и ему в это время показать какое-либо изображение слева от этой точки, то сигнал о нём из обоих глаз пойдёт только в правое полушарие; показать справа от точки – сигнал пойдёт в левое полушарие.

Но у людей в состоянии нормы этот сигнал из одного полушария тут же (в долю секунды) переходит и в другое через пресловутую комиссуру – мозолистое тело. А вот у прооперированных людей с расщеплённым мозгом подобного обмена информацией уже не произойдёт – сигнал, попав в одно из полушарий, только там и останется.

Именно этим моментом люди с расщеплённым мозгом и заинтересовали бригаду доктора Сперри.

Послав сигнал исключительно левому полушарию, можно было изучить, как исключительно это полушарие его и обрабатывает.

Поначалу всё шло хорошо. В правом поле зрения (то есть так, чтобы изображение шло только в левое полушарие) посредством тахистоскопа быстро демонстрировали какое-либо изображение. Затем испытуемого просили назвать, что он видел. И, естественно, тот называл.

Первая заминка случилась, когда изображение продемонстрировали в правое полушарие. Человек не смог сказать,

что он видел.

Вернее, он сказал, что никакой картинки не видел.

После дополнительного ряда тестов, когда импульс послался в правое полушарие, испытуемые продолжали твердить, что никакого изображения не видели.

Исследователи уж собирались предположить, что правое полушарие попросту «слепое», что оно не фиксирует визуальные сигналы, но зачем тогда глазной нерв всё же имел своё ответвление в правое полушарие?

Эволюционная нецелесообразность? Не может быть.

«Эволюция» и «целесообразность» – это фактически синонимы.

Тогда исследователи соображают: речевой центр же находится в левом полушарии. Значит, испытуемый в принципе не может назвать, что он видел, поскольку сигнал поступает в правое полушарие, где речевого центра нет.

В таком случае выходило, что правое полушарие не слепое, а скорее немое, безмолвное.

Чтобы проверить, получают ли испытуемые изображение в правое полушарие и распознают ли его, Сперри придумал следующее действие – испытуемому с расщеплённым мозгом завязывали глаза. Затем в правую руку вкладывали карандаш. Он легко распознавал его на ощупь, о чём и заявлял вслух.

Напомним здесь, что правая сторона тела (следовательно, и правая рука) контролируется левым полушарием, и

именно в нём же и находится речевой центр.

Когда же карандаш вкладывали в левую руку, и сигнал о нём шёл в «безмолвное» правое полушарие, испытуемый снова не мог сказать, что у него в руке. Он не знал, что вложили ему в левую руку, и не мог назвать предмет.

Но раз правое полушарие всего лишь не может вербально обозначить предъявляемый предмет, то может ли оно дать знать о нём каким-либо другим способом?

Испытуемую с расщеплённым мозгом (домохозяйку из Калифорнии) просят смотреть на точку аккуратно по центру экрана тахистоскопа. Затем в правой части экрана мгновенная вспышка (в 1/10 или 2/10 секунды, чтобы барышня не успела перевести взгляд) высвечивает изображение чайной чашки.

Правое поле зрения означает, что сигнал пойдёт в левое полушарие. Туда, где речевой центр. Испытуемая сообщает, что видела чашку.

Её снова просят смотреть на точку в центре экрана. Она смотрит.

На этот раз предъявляемое во вспышке тахистоскопа – изображение ложки.

И предъявляется оно слева от центральной точки. Следовательно, идёт в правое полушарие.

Целиком и полностью.

– Что вы видели сейчас? – спрашивают исследователи.

Женщина отвечает: ничего...

Но исследователи уже готовы к такому ответу. А потому переходят ко второй части процедуры.

Они просят домохозяйку из Калифорнии завести **левую** руку за экран, где выложен набор разных предметов.

Они просят её наощупь выбрать среди предметов тот самый, который она только что видела.

Испытуемая думает, что речь идёт о чашке, поскольку **со- знательно** «сейчас» она видела только чашку.

Она заводит левую руку за экран и принимается ощупывать ряд предметов.

Почему именно левую руку просили экспериментаторы? Потому что ею, конечно же, руководит правое полушарие. То самое, в которое несколько секунд назад транслировали изображение ложки, информация о которой не поступила в левое полушарие с его речевым центром и в итоге не была осознана.

Испытуемая ощупывает предметы за экраном и в итоге берёт ложку. Берёт её, несмотря на то, что даже не знала, что несколькими секундами ранее ей показывали именно изображение ложки, и была уверена, что достанет чашку.

Сложно для понимания? Верно, не так-то просто всё это понять и усвоить с первого раза.

Потому лучше перечитывать подобные примеры по два-три раза и заодно образно их себе представлять.

Обрисуем для простоты только что описанный эксперимент на более доступном житейском языке.

Женщина сидит перед экраном. Видит, как справа на нём мелькает изображение чайной чашки. Затем исследователи просят её завести левую руку за экран и выбрать оттуда предмет, который она только что видела.

Она заводит туда руку, ощупывает предметы и вынимает ложку...

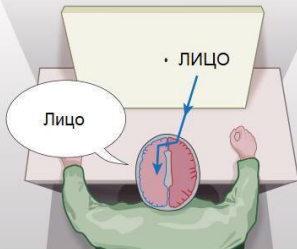
Она сама удивлена, почему в итоге достала из-за экрана ложку, а не чашку.

Она и понятия не имеет, что ложку ей показали вскоре вслед за чашкой.

Так проще? Нет? Тогда перечитайте ещё раз.

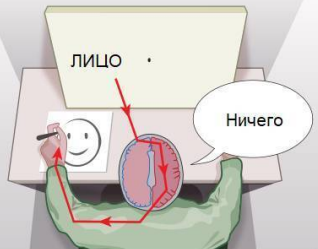
Другой аспект заключался в том, что правое ("безмолвное") полушарие способно дать знать об увиденном не только путём выбора рукой, но и посредством рисования – левая рука, управляемая правым полушарием, прекрасно рисует.

Слово на экране направлено в левое полушарие, и пациент отвечает, что он видел



Так как левое полушарие владеет речью, пациент способен описать увиденное словами

Слово на экране направлено в правое полушарие, пациент снова отвечает, что видел



Правое полушарие не может передать информацию об увиденном в левое ("говорящее"), но способно нарисовать

Если найти на "Split brain behavioral experiments", то можно посмотреть, как Майкл Газзанига демонстрирует испытуемому в правом поле зрения (то есть в левое полушарие) изображение молотка. Испытуемый отвечает: молоток. Затем в левом поле зрения (то есть в правое полушарие) демонстрируется пила. Испытуемый говорит, что ничего не увидел. Тогда его просят нарисовать левой рукой (то есть правым полушарием, видевшим пилу), что он сейчас видел. Он рисует пилу. Газзанига спрашивает: что вы только что видели? Испытуемый удивлённо разглядывает им же нарисованную пилу и отвечает: молоток.

– А что Вы нарисовали?

– Пилу...

– Почему?

Испытуемый теряется. Ему остаётся только ответить : я не знаю...

Главное, понять, что люди с расщеплённым мозгом абсолютно нормально всё видят – они не могут лишь дать себе отчёт о тех явлениях, которые были воспринято только правым полушарием (то есть в левом поле зрения).

Представим следующее: в человека с расщеплённым мозгом бросают теннисный мячик. Бросают быстро и слева (чтобы сигнал пошёл в правое полушарие). Он ловко уклонится от летящего мячика. Но когда его спросят, почему он дёрнулся, он не сможет ответить ничего вразумительного – потому что сигнал о броске не поступал в "говорящее" левое полушарие и не был осознан. Реакция на бросок осуществлялась только правым полушарием, которое видело летящий мячик.

Представьте себе всё это немного иначе: вы спокойно сидите на стуле и общаетесь с человеком. Смотрите на него своими двумя глазами и нормально общаетесь. Вдруг вы как-то неловко дёргаетесь и на мгновение заваливаетесь на бок. Вас спрашивают, что случилось, а вы и сами не знаете. Просто что-то вдруг вас пошатнуло... Может, стул шаткий?

С первого раза это всё действительно не так просто понять. Нужно активно использовать воображение, чтобы понять суть всех экспериментов над людьми с расщеплённым

МОЗГОМ.

Если резюмировать, то Сперри и его студент Газзанига (именно он в последующие годы проделал колоссальную работу в этом направлении) в ходе своих экспериментов установили, что для осознания стимула информация о нём должна обязательно попасть в левое полушарие. Именно там находится речевой центр, из чего следует, что сознание и речь связаны самым непосредственным образом.

Этот принципиальный момент подтверждает постулируемый гением отечественной психологии Выготским процесс развития сознания под воздействием освоения речи у детей. Если мысль не выражена посредством слова (не обязательно вслух, но и достаточно в виде внутренней речи, в качестве размышления «про себя»), то эта мысль остаётся неосознанной.

Когда стимул попадает в правое полушарие и не переходит в левое, он не осознаётся.

В ходе многочисленных экспериментов было установлено, что, несмотря на отсутствие речевого центра, правое полушарие всё же понимает речь и написанные слова.

Испытуемому транслируют в правое полушарие слово «орех».левой рукой за непрозрачным экраном он наощупь выбирает именно орех.

Экспериментатор:

– Что вы только что видели?

– Ничего, – отвечает испытуемый, держа за экраном в левой руке орех...

Иными словами, правое полушарие понимает речь, но не может отвечать.

Было установлено, что словарный запас, понимаемый правым полушарием, приблизительно соответствует таковому у 10-летнего ребёнка. Но эта эквивалентность ничего не говорит о **качестве** мышления и понимания правым полушарием. А судя по всему, если окинуть взглядом все исследования людей с расщеплённым мозгом, то качество мышления правого полушария стоит на порядок ниже, чем у того же 10-летнего ребёнка.

По некоторым данным (Траченко, 2001), правое полушарие владеет грамматическими навыками на уровне ребёнка 5 лет.

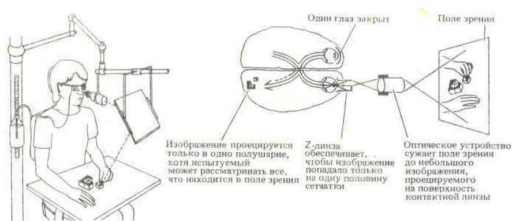
"Речевым функциям правого полушария присущи черты глубинных структур, соотносимые с онтогенезом (то есть, наиболее ранние этапы речепорождения)" (Леонтьев А.А., "Основы психолингвистики", 1997).

Отдельно предъявленные слова правое полушарие распознаёт много лучше и охотнее, нежели составленные фразы – это ему даётся очень уж плохо.

Простые существительные понимаются им легко и сразу, а

вот с абстрактными понятиями уже возникают значительные сложности. Примерно так же дело обстоит и с пониманием глаголов – правое полушарие по неизвестным причинам не реагировало на них. Только на самые простые глаголы типа «смейся» или «иди» была реакция сразу в виде исполнения.

Чуть позже в своих экспериментах Эран Зайдель (Zaidel, 1975) продемонстрировал, что правое полушарие всё же способно понимать и другие, более сложные глаголы, только для этого ему требуется их более длительное предъявление, чем это может быть в эксперименте с тахистоскопом (для этого Зайдель изобрёл специальную Z-линзу – см. Блум, Лейзерсон, Хофстедтер, 1988).



Принцип работы Z-линзы.

Линза прилегает непосредственно к глазу, и проходящие через нее лучи света проецируют изображение только на одну половину сетчатки. Другой глаз закрыт накладкой, так что для другого полушария возможность «увидеть» тот же материал полностью исключена. Поэтому испытуемые могут разглядывать изображение гораздо дольше, чем в экспериментах с тахистоскопом.

Иллюстрация опытов Зайделя из книги Блум, Лейзерсон, Хофстедтер. "Мозг, разум и поведение", 1988.

Подробное изучение специализации каждого из полушарий позволяет обобщить результат: если левое полушарие можно назвать вербальным, отвечающим за речевые функ-

ции, то конёк правого полушария – пространственно-образное восприятие действительности.

Левое полушарие специализируется на абстрактно-логических конструкциях, осуществляемых на основе речи (что является большей абстракцией, чем слово?). Восприятие действительности левым полушарием осуществляется последовательно, прерывисто (дискретно), упорядоченно, тогда как правое полушарие в силу преобладания образного мышления воспринимает действительность более целостно, схватывая всё в один момент (симультанно) и не выделяя ничего конкретного.

Если на ""Severed Corpus Callosum", то можно посмотреть, как подопытному Газзаниги предъявляют картины художника века Джузеппе Арчимбольдо. Особенность его картин в том, что портреты людей выполнены состоящими из овощей, фруктов, прочей еды или книг. То есть, с одной стороны, мы можем увидеть ворох овощей, а с другой – что они своим совокупным положением образуют лицо человека.



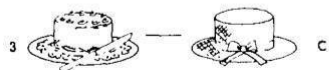
На видеозаписи видно, как левое полушарие видит в этих картинах овощи, фрукты и прочее, но не видит составленных из них лиц, в то время как правое полушарие наоборот – видит лица, но не видит составляющих их овощей. То есть правое полушарие воспринимает всю картинку разом, а левое по отдельным частям последовательно, но при этом

упускает из вида общую картину.

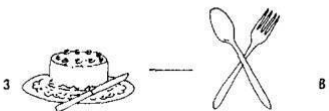
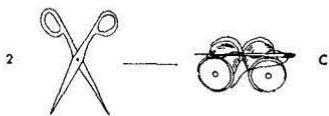
Левое полушарие неспособно понимать метафоры, выражения с переносным значением – оно воспринимает всё сухо и дословно, тогда как правое полушарие чувствует себя в понимании метафор, как рыба в воде. Если правое полушарие соотнесёт метафору «горит Восток» с фразой «восходит солнце» (что будет верной интерпретацией), то левое полушарие соотнесёт её с фразой «горит дом» (Черниговская, Деглин, 1986). То есть левое полушарие исходит из формального совпадения в построении фраз, а не из смыслового содержания с учётом вероятного переносного значения.

В нескольких тестах каждому из полушарий предъявлялся ряд картинок и предлагалось выбрать наиболее подходящую пару каждой из них.

выбор по внешнему сходству



выбор по сходству функций



Левое полушарие было склонно подбирать к предмету пару по смыслу, по совпадению функционального значения – к примеру, к торту на тарелке подбирались скрещенные вилка и нож. Правое же полушарие было склонно подбирать пару по совпадению внешних признаков – к тому же торту на тарелке подбиралась шляпка с полями. Или к ложке, скрещенной с вилкой, подбирались растопыренные ножницы (Levy & Trevarthen, 1976).

До рассечения мозолистого тела люди одинаково хорошо способны рисовать обеими руками. Но вот после операции способной к рисованию остаётся только левая рука (правое полушарие), а правая рука продолжает отвечать только за письмо. Если же люди, перенесшие комиссуротомию, пытаются рисовать и правой рукой, то у них выходит нечто очень

схематичное, бедное, словно рисунки маленьких детей (типа «палка, палка, огуречик – получился человечек»).

Вот описание ситуации с человеком, имеющим сильное расстройство в работе левого полушария (Демидов, 1987).

«– Что это такое? – кладет врач на стол перед пациентом картинку: по африканской пустыне бежит страус.

– Не знаю... Бежит что-то... Здесь – не то песок, не то вода... Может быть, небо?..

– Не будем строить догадки, – успокаивает больного врач, – говорите лучше первое попавшееся, что вам придёт в голову. Как вы думаете, живое это или неживое?

– Живое.

– Правильно, очень хорошо. А холодное или тёплое?

– Тёплое... Гладкое такое, как перья...

– Отлично. Лапы и хвост есть?

– Ой, с хвостами у меня всегда так трудно... А лапы – вот, вижу, есть!

– Большое или маленькое?

– Большое, больше человека.

– Что же это такое?

– Медведь? Хотя нет... Медведь – это такое... круглое... пушистое... Гусь, наверное: вон, шея длинная».

Как видно, человеку с функционированием преимущественно правого полушария, очень трудно чётко разбирать наблюдаемые явления. Его восприятие действительности

происходит целостно, всеохватно, а вот разделить наблюдение на составные элементы ему уже очень трудно – он не может сосредоточить внимание на какой-либо мелкой детали из общей картины. Всё это приводит к тому, что человек способен называть какие-то общие характеристики наблюдаемого им («живое», «бежит», «тёплое»), но уже не в силах назвать более частные моменты – такие, как наличие лап или хвоста.

Это яркий пример того, как восприятие осуществляется целостно, так сказать гештальтно.

В итоге всё это приводит к тому, что человек попросту не может **осознать**, что же именно он видит.

Как мы уже упоминали ранее, сознание возникает там, где происходит концентрация внимания на узком отрезке действительности, что не может быть обеспечено работой правого полушария в норме, поскольку оно производит распределение внимания по всему полю восприятия, а не сосредоточивает его на какой-либо одной его части.

Сосредоточение внимания, по всей видимости, действительно возможно только благодаря владению речью – а это привилегия левого полушария.

Правое полушарие в силу своей ориентированности на целостное восприятие действительности специализируется и на распознавании так называемых «предметных шумов» – звуки дождя, удары, аплодисменты, смех, шорохи и т.д. Всё

это является контекстуальной информацией, как раз являющейся элементом целостного восприятия. Подобные звуки попросту невозможно описать словами (эта функция левого полушария здесь бессильна), в то время как они вносят значительную лепту в формирование **общей** картины происходящего.

При нарушении работы правого полушария человек перестаёт определять интонацию голоса других людей (да и его собственная речь становится монотонной). А ведь интонация, с которой произносится та или иная фраза, есть не что иное, как та самая контекстуальная информация, формирующая **общую** картину действительности. Именно поэтому, в частности, левое полушарие склонно понимать фразы дословно, в буквальном виде – потому что оно не учитывает значения интонации, с которой эта фраза произнесена. А ведь это может порой привести к совершенно противоположному значению этой фразы – интонация зачастую действительно важнее самих слов (но левое полушарие здесь пасует). Оценка контекстуальной информации, безусловно, чрезвычайно важна для более полного понимания действительности.

Помимо понимания слов, правому полушарию присуще и ассоциативное мышление, как уже можно было понять из предыдущего повествования.

Испытуемому с расщеплённым мозгом транслируют в правое полушарие изображение сигареты. Затем его просят

наощупь выбрать предмет, имеющий отношение к увиденному. Покопавшись левой рукой за непрозрачным экраном, испытуемый выбирает из всех предметов пепельницу...

Хотя он до сих пор и сам не знает, что же именно ему показали.

Или другой пример: испытуемому завязывают глаза и вкладывают непосредственно в его левую руку сигарету. Он осторожно ощупывает её, перекачивает в ладони.

– Вы можете сказать, что у вас в левой руке? – спрашивают исследователи.

– Нет, я не знаю, – отвечает пациент с расщеплённым мозгом, продолжая ощупывать сигарету пальцами.

– Хорошо, сейчас тогда попробуйте взять со стола предмет, который имеет отношение к тому, что у вас было в руке.

Левая рука принимается ворошить предметы, выставленные в ряд. В итоге он берёт коробок спичек...

– Так что же было у вас в руке?

– Я не знаю...

Таким образом, правое полушарие всё же способно определять существующую связь между предметами, а не просто воспринимает их как набор визуальных образов. Мыслительная деятельность в правом полушарии, безусловно, происходит, но только выявить её за неимением типичных средств коммуникации очень трудно.

Интересный момент был обнаружен Газзанигой в ходе некоторых тестов. Он назвал этот феномен перекрёстным

подсказыванием (Gazzaniga & Hillyard, 1971). Суть его в следующем...

Помните упоминавшийся выше эксперимент Бериташвили насчёт умения незрячих людей ориентироваться среди препятствий? Помните, как там от неосознаваемого импульса происходило еле уловимое движение мышц лица, на основании которого испытуемые и делали вывод о наличии препятствия впереди?

Вот в случае с перекрёстным подсказыванием всё точно так же.

Перед испытуемым с расщеплённым мозгом две лампочки – зелёная и красная. Когда их предъявляют только в левое полушарие и зажигают какую-либо из них, человек без труда называет, была то зелёная или красная. Но когда же вспыхивающие лампочки предъявляли только безмолвному правому полушарию, испытуемый, не знал, что именно он видел только что, но всё равно пытался отвечать.

То есть, в общем-то, просто пытался угадать.

Поначалу в таких потугах он часто ошибался. Но потому вдруг число правильных ответов постепенно возрастало.

Почему и как такое могло происходить?

Как левое полушарие вдруг начинало угадывать, что именно видит правое?

Ответ оказался просто и сложен одновременно.

Снова для простоты восприятия опишем картину житейским языком: человеку с расщеплённым мозгом демонстри-

руют в левое полушарие вспышку красной лампочки.

Он легко говорит, что видел красную вспышку.

Ошибки начинаются только тогда, когда вспышки адресуются исследователями только в правое полушарие. В безмолвное.

Вспышка красного – испытуемый называет зелёный.

Вспышка зелёного – теперь он называет красный.

Но с числом проб растёт и число верных ответов.

Было понятно, что в случае трансляции вспышки в правое полушарие испытуемый отвечал наугад, но почему росло число правильных ответов?

Исследователи задумались. Они обратили внимание, что с первого раза давая верный ответ, человек не менял уже своих показаний. Но вот тогда, когда после очередной вспышки на вопрос «Какая лампочка сейчас вспыхнула?» испытуемый вместо верного ответа (к примеру, красного) ошибался и называл зелёную, то тут же досадно морщился, качал головой и быстро менял ответ на противоположный, на правильный.

И так повторялось очень часто: сначала звучит неверный ответ, затем гримаса досады, и тут же следует ответ правильный.

То есть стороннему наблюдателю могло легко показаться, будто человек всего лишь неверно обмолвился, сказал совсем не то, что хотел, а затем просто исправился.

Но Газзанига (Gazzaniga, 1967) пришёл к выводу, что это

совсем не так. Он предположил, что тут мы имеем дело с невербальными подсказками со стороны правого полушария левому.

Если смотреть на всю ситуацию изнутри, то выходит следующее: правое полушарие видит вспыхнувшую красную лампочку, но не может передать эту информацию левому «говорящему» полушарию... В этот момент раздаётся вопрос исследователя: какая лампочка вспыхнула?

Правое полушарие безмолвно, не может ответить. Хочет, но не может.

И в этот момент оно слышит, как ответить вдруг пытается левое полушарие. Ответить наугад.

Правое полушарие замирает. Оно скрещивает пальцы.

Но – бац! – левое полушарие ошибается.

Тогда правое полушарие генерирует эмоцию досады, разочарования от неправильного ответа, и всё это производит определённую мимику лица и покачивание головой.

Спустя несколько подобных повторений уже левое полушарие улавливает закономерность – после определённых ответов гримаса на лице не возникает, а после других – возникает... И всегда оказывается так, что возникает она именно после **неправильных** ответов.

Таким образом, очередное «гримасничанье» может служить знаком, что был дан неверный ответ, и его тут же можно исправить.

Именно такую закономерность и выявляет левое полуша-

рие.

Так по реакциям своего же лица человек и научается через несколько проб понимать, что ответил не так.

Сложно? Сразу не понять?

Тогда читайте ещё шесть-семь раз, да лучше по ролям: сначала от лица «немого» правого полушария, а потом и от лица «говорящего», но жутко сообразительного левого. Должно получиться.

В общем, вот именно такое явление, когда по каким-либо невербальным реакциям, исходящим от правого полушария, левое делает выводы относительно происходящего вокруг, и было названо Газзанигой **перекрёстным подсказыванием**

Причём «подсказыванием» это явление, определённо, названо с очень лёгкой руки, поскольку тут речь идёт не столько о подсказывании со стороны правого полушария (оно ведь просто с досады гримасничает), сколько об угадывании со стороны левого. Поэтому справедливее было бы данный феномен обозвать **имплицитным угадыванием**, которое есть суть частный момент **имплицитного научения**

Выводы экспериментов Газзаниги самым идеальным образом согласуются с выводами Бериташвили, к которым тот пришёл примерно в то же время (Беритов, 1969).

Но исследование нашего талантливого соотечественника имеет одно своеобразное преимущество – если американские тесты проводились на прооперированных людях с

рассечённой комиссурой, что естественным образом давало повод усомниться в правомочности распространения полученных данных на всех прочих здоровых людей, то Бериташвили получил те же результаты на людях с нормальным, нерасщеплённым мозгом. Именно этот факт позволяет утверждать, что выводы, полученные в ходе исследований людей с расщеплённым мозгом также пригодны и применительно к людям с ненарушенной мозговой структурой – как минимум по части феномена перекрёстного подсказывания.

Для проявления данного феномена, по всей видимости, требуются всего два фактора:

- конкретная задача перед индивидом.

- неосознаваемый стимул, который обрабатывается в бессознательном и находит своё выражение в каком-либо действии человека.

Благодаря наличию задачи левое полушарие максимально мобилизовано и готово улавливать любые «подсказки» со стороны, включая собственное тело, частично контролируемое бессознательным.

Иными словами, в некоторых ситуациях мы можем сами себе же посылать определённые сигналы, которые остаётся лишь правильно интерпретировать.

Тут снова вспоминается Фрейд с его идеей о том, что все наши оговорки, описки, неосторожные ошибочные действия являются «случайными» лишь на первый, самый поверхностный взгляд. За каждой подобной «случайностью»

можно усмотреть монолог бессознательного, который ни у кого и никогда не превратится в диалог. Но даже и из этого монолога мы, при некотором усилии и умении, можем извлечь для себя определённые знания о том, чего хочет подавленная неосознаваемая часть нашей личности.

Безусловно, Фрейд был гением. Не во всём, но во многом.

Теперь возникает лишь вопрос: как у людей с неповреждённой комиссурой в мозге могут происходить процессы, идентичные тем, которые, казалось бы, должны происходить только у людей с расщеплённым мозгом?

Иначе говоря, почему нормально функционирующая комиссура в ряде случаев не передаёт сигнал от правого полушария левому, как это должно было бы быть в идеале?

Как утверждает всё тот же Газзанига, пришедший к этому выводу на основании привлечения к исследованиям и обычных людей, в мозге совершенно здорового человека иногда действительно могут иметь место явления, сходные изучаемым у пациентов с расщеплённым мозгом (Gazzaniga, 1985).

С точки зрения психоанализа, у абсолютно здорового человека процесс вытеснения в бессознательное (или преднамеренного неосознания) – самый заурядный процесс, происходящий по несколько раз на дню. Это совершенно обычное дело.

Собственно говоря, фрейдизм и изучал динамику тех самых процессов у среднестатистического человека, которые Сперри и Газзанига стали изучать у узко очерченного круга

людей – пациентов с расщеплённым мозгом.

Фрейд бы сказал, покуривая сигару, что у обычного человека процесс вытеснения происходит в известном смысле добровольно и с помощью субъективных психических сил, тогда как у людей с расщеплённым мозгом всё то же самое происходит в силу объективной причины – рассечённого мозолистого тела. Сперри и Газзанига сделали процесс вытеснения неминуемым и необратимым, а у обычного человека он, в принципе, обратим и добровольно.

В описанных выше экспериментах российских (когда-то – советских) психофизиологов мы уже видели, как сверхкороткий стимул, не доходя до сознания, всё же оказывает влияние на психический аппарат испытуемых. Но они-то были совершенно нормальными, здоровыми людьми... Вот каким именно образом на нейрофизиологическом уровне происходит блокировка-вытеснение какого-либо стимула из сознания – этот вопрос остаётся открытым и по сей день.

Но в общем, даже уже на данном этапе наших знаний о бессознательном и правом полушарии можно смело утверждать, что неосознание стимула совершенно не мешает человеку поступать согласно с его учётом.

Кстати, в экспериментах Газзаниги относительно перекрёстного подсказывания всплывает ещё один чрезвычайно интересный момент – свойство левого полушария интерпретировать, оправдывать, объяснять доступным образом те действия, которые принадлежат ведению правого полуша-

рия. Если команда поступила человеку с расщеплённым мозгом только в правое полушарие, и он принимается её выполнять, то левое полушарие тут же принимается всеми возможными способами обосновывать данное конкретное действие, ища ему какое-либо логическое объяснение.

Помните, если какая-то картинка транслировалась в правое полушарие, и испытуемого затем спрашивали, что именно он видел, он отвечал: ничего? Этот ответ был абсолютно честен и справедлив. Говорящее левое полушарие ничего не видело.

Так оно и отвечает – честно.

Но вот только стоит дать условный намёк на то, что оно **могло** видеть, то левое полушарие тут же принимается строить догадки, угадывать.

Эксперимент по перекрёстному подсказыванию с применением вспышек зелёной и красной лампочек всё это отчётливо демонстрирует.

Если бы левое полушарие совсем не знало, что в эксперименте используются какие бы то ни было лампочки, то на вопрос «Что вы сейчас видели?» оно бы сразу честно отвечало: **ничего...**

Но в описанном эксперименте левое полушарие знает, что применяются всего две лампочки. И особенно "наводящим" на догадки выступает сам вопрос исследователей: вспышку **какой** лампочки вы видели сейчас?

Тут-то и включается логический аппарат левого полуша-

рия, которое:

– знает, что есть всего две лампочки

– знает, что вспышка одной из них только что была, раз спрашивает исследователь...

Остаётся только угадать.

Это всё очень напоминает студентов на экзамене и их боязнь "открытых" вопросов, где рамки темы настолько широки, что можно ответить просто какую-нибудь ерунду, в противоположность "закрытым" вопросам, где зачастую уже в самом вопросе содержится часть ответа.

Вообще же, судя по всему, "левополушарный" испытуемый совершенно искренен, когда пытается дать отчёт о неосознанном им стимуле. У исследователей не сложилось впечатления, что человек с расщеплённым мозгом сидит и сознательно перебирает в голове возможные варианты ответа.

Как будто бы при определённом наводящем вопросе (какая лампочка?) левое полушарие сразу воспринимает сам оглашённый общий факт (то, что вообще какая-то лампочка вспыхнула) как должное, как нечто истинное, что действительно произошло, но вот что именно? Тут оно и принимается "вспоминать" или (что ещё забавнее) пытаться "понять", что же именно оно только что видело.

Видимо, если человеку с расщеплённым мозгом продемонстрировать в правое полушарие изображение чашки и при этом спросить "Какая лампочка вспыхнула?", он риск-

нёт ответить "Зелёная".

Данный феномен (когда левое полушарие пытается обосновать нечто, к чему отношение имеет только правое полушарие) напоминает в общих чертах такой способ психологической защиты, как **рационализация**

Это фрейдистский термин, за которым кроется далеко не всегда осознаваемое стремление человека оправдать тот или иной свой поступок, тогда как истинные его причины ему неизвестны или же их признание в силу ряда причин нежелательно для сознания.

Попытки левого полушария обосновать поступки правого похожи именно на самые зачатки рационализации. Разница лишь в том, что в "стандартной" рационализации поиск возможной причины поступка происходит в силу **нежелательности** осознания реальной причины, а в "межполушарной" рационализации этот поиск происходит в силу **невозможности** осознания реальной причины.

Следовательно, в мозге человека действительно находится некоторый нейрофизиологический механизм, весьма целенаправленно отбирающий сигналы, которые в сознание пройдут, и сигналы, которые туда не пройдут.

Оттосон (Ottoson, 1987) отмечает, что мозолистое тело может претендовать на роль той самой части мозга, которая ответственна за подобный "отсев" информации. Согласно его данным, мозолистое тело не просто пассивно осуществляет информационный обмен между полушариями, как счи-

талось прежде, но вдобавок ко всему ещё и выявляет непротиворечивость передаваемой информации. Следовательно, мозолистое тело вполне может выступать в роли условного цензора, запускающего свои механизмы под действием психологических установок индивида.

Ряд исследователей полагает даже, что эта большая комиссура выполняет преимущественно тормозную функцию в межполушарном взаимодействии (Ferber, 1992; Meyer, 1995, и другие). Говоря по-русски, мозолистое тело отвечает за подавление определённых участков коры одного полушария, пока в дело вступают зоны коры другого полушария.

Методы компьютерного моделирования (Alvarez et al., 1998) также подтверждают тормозящее влияние мозолистого тела в межполушарной регуляции (цит. по Леутин, Николаева, 2005).

Все эти данные действительно позволяют предполагать, что уже на уровне мозолистого тела может осуществляться "отсев" различных сигналов, идущих от полушария к полушарию. И хоть пока что мы можем всего лишь предполагать, управляется ли этот "отсев" нашими индивидуальными психологическими предпочтениями, всё же можем допускать это с огромной уверенностью.

Если это действительно так, то почти всё встаёт на свои места.

"Почти" – потому что если исходить из того факта, что испытуемый, чьё левое полушарие пытается соврать относи-

тельной "известной" ему причины, не осознаёт того, что он ляжет в данный момент, то, по всей видимости, не надо торопиться с выводами о локализации бессознательного исключительно в правом полушарии. Видимо, и в самом левом полушарии могут происходить процессы, которые можно отнести к разряду бессознательных.

По этому поводу замечание было и у Костандова: при регистрации мозговой активности в опытах с тахистоскопическим предъявлением эмоциональных слов было выявлено первоначальное возбуждение коры левого полушария, а затем уже последующая активация коры правого...

Психофизиолог объясняет это тем, что, вероятно, вначале происходит первичная смысловая обработка слова в левом полушарии, и потом, в связи с выявленной эмоциональной значимостью слова, процессы смещаются в правое полушарие, которое, видимо, заведует мотивационной сферой. В связи с этим Костандов приходит к заключению, что бессознательное – это не исключительно прерогатива правого полушария, но и остаётся "чуть-чуть" бессознательного и левому.

"В корковой обработке неосознаваемой эмоционально значимой информации участвуют оба полушария. Другое дело – корковая регуляция эмоциональных реакций и мотивации, вызываемых неосознаваемыми стимулами. Она осуществляется преимущественно правым полушарием. В

этом контексте весьма интересна гипотеза о правом полушарии как источнике бессознательной мотивации" (Костандов, 2004. С. 91).

Безусловно, в экспериментах Сперри и Газзаниги мы можем наблюдать преимущественно подтверждение именно того факта, что мотивирующее свойство бессознательного находится в правом полушарии. Когнитивную же деятельность бессознательного в левом полушарии в этих исследованиях уловить существенно сложнее. Только по ряду весьма косвенных признаков, одним из которых и является тенденция левого полушария искать рациональное обоснование действиям правого полушария.

Причём, как было замечено выше, создаётся стойкое впечатление, что человек с расщеплённым мозгом искренне верит в то, что ему известна причина совершаемых им действий, в то время как мы точно знаем, что действительная причина ему неизвестна.

Испытуемый с расщеплённым мозгом спокойно сидит перед экраном. Только что он уже проделал ряд требуемых тестов на правополушарную мотивацию.

Сейчас будет ещё одна интересная проба...

В левом поле зрения (то есть в правое полушарие) на экране вспыхивает лишь одно слово – "Иди".

Вдруг испытуемый поднимается и направляется к выхо-

ду...

Его останавливают. Он не сопротивляется.

Его спрашивают, почему он встал и куда пошёл?

Испытуемый без малейшего замешательства отвечает: за газировкой... Мне захотелось "Кока-колы", а тут неподалёку я видел автомат... (Gazzaniga, 1985).

Ответ был получен моментально, в ту же секунду.

За газировкой он, видите ли, пошёл... Конечно... Три раза.

*Но ведь вот интересно, он **совершенно** был уверен в искренности своего ответа.*

Здесь следует напомнить, что люди с расщеплённым мозгом – самые обычные люди в повседневной жизни. Ни уровень интеллекта после комиссуротомии не меняется, ни прочие важные характеристики личности. Будешь с таким общаться и даже не заметишь отличий в поведении от сотен других людей.

Только специальные остроумные тесты выявляют имеющуюся разницу.

Если задаться вопросом, как часто каждый из нас, вполне здоровых людей, совершает некое действие, мотивируемое бессознательным, но которому мы сами моментально находим самое рациональное (но при этом ложное) объяснение?

Фрейд бы сказал, что постоянно. Сплошь и рядом.

Он бы сказал, покуривая сигару, что почти каждое твоё действие имеет истинной причиной бессознательный мотив,

а наше сознание чем и занято, так это лишь постоянным более-менее рациональным оправданием всех этих действий.

Фрейд был нескрываемым пессимистом относительно роли сознания в психической жизни человека. Он считал, что сознание – это лишь незначительная верхушка айсберга, основная роль которой как раз оправдывать поступки, мотивированные бессознательным.

Вы сделали то-то? Ваше сознание объяснит, почему.

Вы сделали то-то? Не волнуйтесь, ваше сознание объяснит, почему.

Вы сделали это-то? И поступок был не очень благородным? Ничего страшного, ваше сознание что-нибудь придумает. Да причём так, что вы будете выглядеть после этого чуть ли ни героем.

Что интересно, Газзанига и его группа в ходе своих многочисленных уникальных экспериментов пришли к такому же выводу. Сознание – это интерпретатор внешних проявлений нашего бессознательного.

Левое полушарие Газзанига так и называет в своих работах – Великий Интерпретатор (Gazzaniga, 1985. p. 5).

Испытуемому с расщеплённым мозгом в правое полушарие показывают слово – "Смейся".

Он начинает смеяться.

Его спрашивают о причинах смеха.

– Ребята! – восклицает он, смеясь : – вы приходите и

тестируете нас каждый месяц... Ну что за способ зарабатывать на жизнь!

И смеётся дальше...

Действительно Великий Интерпретатор, иначе не скажешь. Объяснения сочиняет мгновенно, как чиновник, пойманный на взятке.

Испытуемому с расщеплённым мозгом с помощью экрана тахистоскопа демонстрируют два изображения одновременно – по одному в каждое полушарие.

В левое осознающее полушарие идёт изображение куриной лапы, а в правое неосознающее – зимний пейзаж с заснеженным домом и снеговиком во дворе.

Затем испытуемому предъявляют (уже не тахистоскопически) целый ряд изображений и просят: покажите руками на те картинки, которые связаны с тем, что вы только что видели.

По изначальному замыслу из всех предъявленных изображений куриной лапе должна соответствовать куриная голова, зимнему пейзажу с заснеженным домом – лопата.

Их испытуемый и выбирает. Правой рукой (а значит, левым полушарием, которое "видело" куриную лапу) указывает на картинку с куриной головой, а левой рукой (значит, правым полушарием, которое "видело" зимний пейзаж) указывает на лопату.

Всё верно.

Интересно же становится, когда испытуемого просят объяснить свой выбор.

– Я видел куриную лапу, – отвечает парень, – потому и выбрал куриную голову, а лопата нужна для того, чтобы вычистить курятник...

Вот так вот. Вычистить курятник.

Одному, видите ли, газировки захотелось, а другому курятник вычистить.

Интерпретатор действительно работает отменно.

Поскольку зимний пейзаж левым полушарием не был осознан, а лопата левой рукой всё же выбрана, то испытуемому пришлось как-то разумно увязать с "куриной" темой возникшую лопату – так и сгенерировалось, в общем-то, правдоподобное объяснение насчёт вычищения курятника.

Газзанига пишет по этому поводу: "В это время, как мы точно знали, почему сделало свой выбор правое полушарие, левое полушарие могло об этом только догадываться. Однако левое полушарие предлагает своё объяснение выбору данной картинки не в форме предположения, а скорее в форме утверждения факта". (Gazzaniga, LeDoux, 1978).

Если на "'Severed Corpus Callosum", – можно увидеть и опыт, когда подопытному Газзаниги одновременно в оба полушария посылают два слова: в левое – "Музыка", а в правое – "Колокол".

Вслух испытываемый говорит, что видел слово "Музыка". Затем ему предъявляют в обычном режиме четыре картинки музыкальных инструментов – орган, труба, барабаны и тот самый колокол. Его просят выбрать что-нибудь, и он выбирает именно колокол. Спрашивают, почему он выбрал именно его? Тот объясняет, что некоторое время назад слышал звон колокола снаружи, потому его и выбрал.

Известный в середине прошлого века нейрохирург Хосе Дельгадо (Delgado, 1969) описывал эксперимент с человеком по имени Джордж. В зону мозга Джорджа, ответственную за движения головы, был временно вживлён электрод. С помощью пульта дистанционного управления через электрод в мозг посылался электрический импульс, и Джордж, который ничего об этом в данный момент не знал, всегда поворачивал голову. На вопросы, что именно он делает, Джордж всегда отвечал что-нибудь в духе "Мне послышался какой-то шум", "Я ищу шлёпанцы" или же "Я заглядывал под кровать".

Таким образом, рационализация в попытках объяснения "истинных" причин своего поведения – явление самое обычное, свойственное всем людям.

Интерпретация своего поведения.

В правое полушарие испытуемой с расщеплённым мозгом было продемонстрировано изображение того, как один человек толкал другого в огонь...

Испытуемую охватил страх. Она распереживалась.

На вопрос, что она только что видела, она, конечно, ничего не могла сказать. Но зато описала переживаемые в данный момент негативные эмоции.

Затем, по окончании тестов, она отошла в сторонку и сказала по секрету одному из коллег: *мне нравится доктор Газзанига, но сейчас я его почему-то боюсь...*

В общем же, как можно видеть, и возникшее настроение непременно требует объяснения со стороны сознающего левого полушария. И использует оно для этого всё те же более-менее подходящие объекты.

Но подобное явление, когда причины своего эмоционального состояния люди объясняют совершенно некорректно, известно каждому. Достаточно только вспомнить любую сцену из жизни, когда человек бывал сильно раздражён и в этом состоянии был особенно настроен "поцапать" с кем-либо, спустить на него всех собак буквально за какую-то мелочь, дай ему только повод.

Целый ряд самых обычных исследований показывает, что люди в обыденной жизни действительно крайне плохо отдают отчёт в своих действиях, в их причинах, и обычно склонны просто угадывать, придумывать эти причины самым случайным образом (см., Аткинсон и др., 2007). И это всё у совершенно нормальных людей, с неповреждённым мозгом.

Примеры из жизни.

Каждому из нас приходится сталкиваться с большим ассортиментом **рационализаций** – стремлений дать своему сложившемуся поведению наиболее пристойное, благородное объяснение.

К примеру, вот из недавних.

Женщина, 31 год, раньше работала экономистом на предприятии, но потом решила открыть своё дело. В связи с этим последние два года непрерывно колесит по городам области, занимаясь развитием своего бизнеса. Бывает так, что может целую неделю провести вне дома – в разъездах. Всё бы ничего, но у неё есть сын. Ему 4 года.

В своём поведении он уже активно проявляет усилия с целью привлечения внимания матери, которого у него явный дефицит. Часто выражает свою любовь, но и не менее часто капризничает и устраивает маленькие истерики – явный образец амбивалентной привязанности.

Что интересно, мама и сама понимает, что он такой от нехватки её внимания, о чём она и рассказывает с искренним сожалением. Но, тем не менее, с завидной регулярностью она отправляется в свои постоянные туры по области, оставляя сына со своей подругой, которая фактически живёт у них дома.

Ребёнок часто говорит, что очень скучает и хочет видеть маму.

Когда мне всё это рассказывает сама мама, её голос делается действительно грустным. И дальше, через грусть,

она добавляет : "Но я ведь всё это ради него же и делаю... Чтобы всё у него было, чтобы ни в чём не нуждался... Не так, как я в своём детстве...".

Замечание весомое, поспорить трудно. Но дальше происходит интересный поворот объяснения. Всего через несколько фраз о бизнесе, когда её настроение вновь поднимается, мама от радости произносит следующее: "А вообще, я ещё с детства мечтала жить в замке! Когда моё дело поднимется на нужный уровень, то обязательно куплю себе замок где-нибудь в Бельгии!"

Смеётся. "Ну или не замок, так хотя бы шикарный особняк с бассейном!"

Снова смеётся.

Вот оно. Вот истинное объяснение её активной деятельности, которой подчинена вся её нынешняя жизнь. Мечты обделённого детства. Амбиции.

И ребёнок здесь вообще не причём. Всё это делается совершенно не для него (или же мы вынуждены признать, что детская мечта мамы и мечта её позаброшенного сына самым чудесным образом совпали).

Ещё одно немаловажное "совпадение" – маме чрезвычайно нравится то, чем она занимается. Постоянно мне звонит и буквально пищит от восторга о том, как замечательно прошёл день, как ей удалось договориться о том-то и о том-то в делах.

Это действительно редчайшее "совпадение" : занимать-

ся **любимым** делом, чтобы осуществить мечту **своего** детства – но всё это только ради сына)))

Чудеса бывают, ничего не скажешь.

Но заведи из её жизни ребёнка, верни его обратно – её цели и стремления ничуть не изменятся. Она, как прежде, будет стремиться заработать большие деньги. Потому что это всё для себя. А ребёнок... Ребёнок – это хорошо.

Но счастье он приносит тем, кто хочет ребёнка, а не замоч.

Матери действительно трудно признать, что ребёнок в её жизни не на самом первом месте. Никто не захочет себе в этом признаться. В нашей детоцентрической культуре запрещено даже думать такие мысли.

Или вот другой пример на "семейную" тему из закромов прошлого.

Марина идёт рядом со мной по улице и рыдает. Ей трудно говорить. Её снова довёл до истерики её парень. Для их пары, встречающейся уже полгода, это уже не первый такой случай. Его безудержная ревность сводит с ума не только его самого, но и её.

Она идёт и рыдает. Я специально рядом, чтобы дать ей возможность отвести душу, выговориться, успокоиться... Я видел, как развиваются отношения Марины и Гриши – они долго не протянут, по крайней мере, мне так казалось.

То, что Марина в отношениях с Гришей только из-за его "перспективности" – было для меня фактом несомненным.

Она – дочь богатых родителей, и престиж имеет для неё немалое значение. А у Гриши в его 25 уже своя квартира, машина, фирма, очень хороший заработок и даже статус в обществе.

Молоденькой студентке за милую душу "общение" с таким парнем. За таких, как он, держатся всеми зубами, коронками, имплантатами и вставными челюстями. Таких, как он, не отпускают.

Они уже и дату свадьбы назначили – через несколько месяцев.

Пока прогуливаемся, пока она рыдает, я спрашиваю её прямо : ты любишь его?

Она тяжело через слёзы вздыхает. Набирается мужества. Накипело.

– Нет, – говорит она честно, – не люблю.

Ну мне это и с первой встречи было видно.

– Тогда зачем тебе всё это надо? – спрашиваю. – Он же постоянно тебя доводит до слёз. И вряд ли потом что-то изменится... Зачем тебе это?

Она вытирает слёзы. Снова тяжело выдыхает.

– Я вижу, что у него большие перспективы, – отвечает она дрожащим голосом, – Я вижу, что мои дети будут с ним защищены, не будут в чём-либо нуждаться...

Как мило, просто фантастика)))

Гриша – мой хороший друг. Очень хороший. Но я честно не знал, что делать в такой ситуации. Когда знаешь такую

унылую правду.

В общем, через несколько месяцев они поженились.

Чуть позже я снова в их компании. Мы едем отдыхать, она сидит на переднем сиденье, он за рулём. Она смотрит в окно на проезжающие мимо машины и вдруг говорит: Гриша, давай и мне машину купим.

Он удивлённо: тебе? Зачем?

Она: тоже ездить хочу.

Он: так я тебя и так везде вожу. Куда тебе ещё надо-то?

Она: ну не всё же время ты меня возить будешь. Надо будет потом и самой.

Он: Ну хорошо, давай подумаем. Кажется, есть знакомый, который "девятку" продаёт...

Она: "Девятку"?! Зачем мне "девятка"? Мне нужна новая машина.

Гриша удивляется, улыбаясь : ты ещё водить-то толком не умеешь, а тебе сразу новую?

Она : я не буду на старье ездить... Мне нужна новая. И не "наша", а иномарка.

Он : ничего себе, начинать надо с того, что не жалко, а ты сразу иномарку.

Марина уже слегка раздражённо смотрит в окно и говорит : мне нужна такая машина, которая бы мой статус подчёркивала.

Гриша смеётся : статус студентки?!

– Твоей жены, – уже откровенно раздражённо отвечает

она, недовольно глядя в сторону.

Вот такая жизненная комедия. Тут пояснять вряд ли что-то надо.

Сначала идёт декларация о том, что "всё это" ради детей, а потом вдруг совершенно отчётливо слышится – "подчёркивать статус".

Или это опять всего лишь один из тех **удивительнейших** случаев, когда "интересы детей" самым чудесным образом совпадают с интересами родителей?

Жизнь полна чудес, я слышал когда-то)))

Ну или другой пример рационализации из разряда "семейных" – вообще забавный, кстати...

Женщина замужем за очень состоятельным мужчиной уже немало лет. У них дочь и сын. Но дело в том, что эта женщина на протяжении почти всего замужества проклинает своего мужа и твердит подругам, какой он мерзавец, подлец, как он её совсем не любит и унижает безразличием к ней. Когда подруги говорили ей "Разведись", она отвечала : как же я это сейчас сделаю? У меня же дети... Сначала их на ноги поставить надо, а потом и разводиться...

И снова на протяжении лет идут жалобы подругам, какой её муж фашист, в результате чего рисуется буквально мученический образ святой женщины, которая терпит многочисленные унижения деспота – и всё это исключительно ради детей. Ради них, родимых.

Но проходят годы, дети взрослеют и выпархивают из до-

машинного гнезда.

Когда в очередной раз идут жалобы подругам, какой её муж мерзавец и низкое создание, подруги вполне здраво говорят: "Так теперь-то чего? Дети выросли, живут отдельно. Как такое можно терпеть? Разводись!"

На что героиня отвечает, потупив голову : "Ну как же... Мне ведь в таком случае придётся на работу устраиваться..."

Вообще же, каждый из нас может составить трёхтомник рационализаций наших родных, друзей, знакомых и не очень. Но если по существу, то антологию человеческой неосознанной нечестности и самообмана можно писать не одну жизнь и не одному поколению.

Точно известно лишь одно – никогда человек так много не говорит о благородных целях, как в момент совершения очередной низости. Кстати, это касается и каждого из нас лично. Надо почаще быть с собой честными))) И если вдруг наш образ рисуется прям совсем уж и во всём благородным, значит, у нас есть все основания заподозрить себя в неискренности. Мы ничем не отличаемся от других, в этом весь трюк.

Таким образом, мотивационная составляющая нашей психики далеко не всегда осознаётся (а если уже маячит на периферии, то откровенно вытесняется, потому что **нежелательна** к осознанию), и на выручку в таких случаях при-

ходит когнитивный аппарат, попросту пытающийся придумать причину своего поступка или целого поведения.

Подытоживая, можно сказать, что отнести такое явление, как бессознательное, к правому полушарию можно со значительной уверенностью, но не с безусловной, поскольку, видимо, есть некоторые элементы бессознательного и в деятельности левого полушария. Что можно признать почти наверняка – это то, что бессознательная мотивация располагается преимущественно или даже полностью в правом полушарии, тогда как в левом могут происходить бессознательные когниции (мыслительная деятельность). Но также стоит отметить, что зачатки мыслительной деятельности представлены и в правом полушарии, осуществляющем вычисление несложных алгоритмов и владеющим как минимум ассоциативным мышлением.

Эффект неосознания стимула, наглядно демонстрируемый в опытах с испытуемыми, перенесшими комиссуротомию, может происходить и у обычных людей, не имевших оперативного вмешательства в мозг. Но сам же механизм подобного вытеснения пока остаётся неизученным, хотя и можно с определённой долей вероятности полагать, что в нём участвует всё то же мозолистое тело.

Суммируя данные своих многочисленных экспериментов, Газзанига выдвинул гипотезу.

Известно, что мозг человека не сразу сформирован при рождении в "готовом" виде – он развивается в течение мно-

гих лет (о том, что любые конкретные отделы мозга можно развивать даже и в зрелом возрасте под действием практики, мы писали в главе о психическом детерминизме). В частности и мозолистое тело, соединяющее полушария, окончательно созревает к 5-10 годам. Вот Газзанига и предположил, что примерно до двухлетнего возраста в связи с незрелостью этой большой комиссуры оба полушария функционируют как бы независимо друг от друга, каждое само по себе. И до этого периода, следовательно, они развиваются одинаково, примерно по одной схеме, в одних и тех же сферах деятельности. Потом уже в дело вступает созревающее мозолистое тело, которое, помимо простого сообщения между полушариями, оказывает тормозящее воздействие на разные отделы каждого из полушарий. Так и начинается происходить постепенная специализация полушарий – правое продолжает осваивать пространственно-образные типы восприятия действительности, куда они преимущественно и смещаются, а левое всё лучше и лучше осваивает речь, учась благодаря этому воспринимать окружающие явления последовательно, структурировано.

Именно за счёт постепенного созревания мозолистого тела и объясняется тот факт, что правое полушарие всё-таки тоже умеет понимать речь, пусть и на уровне ребёнка первого класса.

Этим же объясняется и то, почему не только у правого полушария, но и у левого есть способность пространственного

ориентирования, пусть и очень неразвита, а тоже, как у маленького ребёнка.

"Вплоть до четырёхлетнего возраста или около того правое полушарие "владеет языком" столь же хорошо, как и левое..." – пишет Газзанига. – "У маленького ребёнка оба полушария развиты почти одинаково в отношении функций языка и речи... Вполне возможно, что разделение полушарий в очень раннем возрасте (здесь имеется в виду, что если бы вообще удалось избежать когда-либо взаимодействия полушарий через созревающее мозолистое тело. – С.П.) привело бы к тому, что каждое полушарие отдельно и независимо от другого смогло бы развить психические функции высокого порядка, подобные тем, которыми обычно у человека обладает только левое полушарие" (цит. по "Восприятие. Механизмы и модели", 1974).

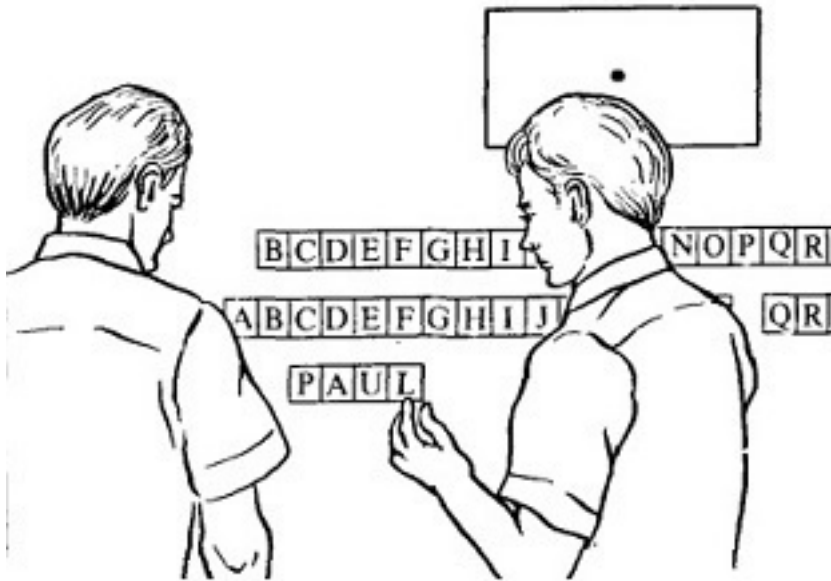
Таким образом, согласно предположению Газзаниги, именно благодаря постепенному созреванию большой коммиссуры мозга, каждое из полушарий владеет всеми теми способностями, на которых специализируется другое полушарие, но только владеет ими в зачатке, ровно на том уровне, до какого они успели сформироваться до более полноценного созревания мозолистого тела. Когда мозолистое тело созревает окончательно, происходит и окончательное разделение функций полушарий.

И напоследок...

Один из самых интересных экспериментов Газзаниги ввиду его чрезвычайной лаконичности и ещё более чрезвычайной показательности (Gazzaniga, LeDoux & Wilson, 1977).

Был среди прочих испытуемых с расщеплённым мозгом шестнадцатилетний паренёк по имени Пол (в литературе о нём обычно упоминают под инициалами P.S. или П.С.).

В ходе нескольких тестов было установлено, что его правое полушарие не только умеет воспринимать речь, как у большинства людей, но заодно умеет и писать. Пусть и не какие-то длинные сложные фразы, но несколько слов написать могло. Для исследователей это было что-то новенькое.



Больной П.С. выкладывает своё имя с помощью
(Иллюстрация из Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг и правое полушарие.
Асимметрия мозга, 1983)

Только после ознакомления с личной карточкой Пола стало известно, что в раннем возрасте у парнишки была травма левого полушария. Современной науке известно, что повреждение левого полушария в раннем возрасте ведёт к тому, что отчасти его функции на себя берёт правое полушарие. Это является демонстрацией восхитительной пластичности человеческого мозга.

Таким образом, зачаток речевого центра находился у Пола и в правом полушарии, что позволяло ему писать и левой рукой. Благодаря этому представлялось возможным ознакомиться с самоописаниями обычно немого правого полушария.

Так, в ходе тестов выяснилось, что у каждого полушария Пола бывает своё отношение к какому-либо явлению. В то время как левое полушарие по пятибалльной шкале оценивало что-либо как очень положительное, правое полушарие оценивало это же как отрицательное. Причём исследователи обратили внимание, что правое полушарие Пола значительно чаще склонно было оценивать явления именно отрицательно.

Также обратили внимание и на то, что порой при повторных тестированиях ответы полушарий менялись, и, казалось, что в те дни, когда оба полушария Пола давали примерно одинаковую оценку явлениям, он находился в более приподнятом настроении.

Знаете английскую настольную игру скрабл? Хотя пережившим развал СССР эта игра лучше знакома под адаптированным названием "Эрудит" или того забавнее – "Балда". В общем, в этой игре надо выкладывать слова из имеющихся фишек с буквами.

Вот именно подобным набором пользовалась левая рука Пола, чтобы сообщать о том, что хочет сказать немое правое полушарие.

Исследователи задают юному Полу вопрос :

– Кем ты хочешь стать?

– Чертёжником, – отвечает парнишка вслух, а в это время его левая рука выкладывает из букв – "автогонщик" ...

Вы всё ещё не верите в бессознательное?

Зря.

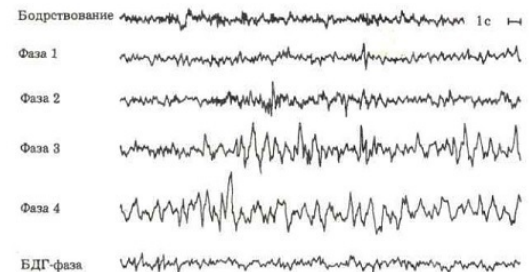
5. Сновидения и язык бессознательного

В фазу быстрого сна активность правого полушария возрастает (Ротенберг, 2001). Это выражено и в более высокой мощности спектра ЭЭГ правого полушария в этот период, и в изменении ещё целого ряда показателей, указывающих на усиленную активацию именно правого полушария (в частности, сразу по пробуждении лучше выполняются тесты, предназначенные для правого полушария, и повышенная психомоторная активность левой руки, которая контролируется правым же полушарием).

Быстрая фаза сна называется так потому, что именно в этот период начинаются активные движения глаз спящего (которые можно наблюдать под его веками). Поэтому же она ещё называется REM-фазой (Rapid Eye Moving – быстрое движение глаз) или БДГ-фазой.

Другим используемым названием данного периода сна является "парадоксальный сон", поскольку в этот период электроэнцефалограмма фиксирует возрастание активности мозга, как будто человек бодрствует. А порой эта активность выражена даже сильнее, чем в бодрствующем состоянии, и по характеристикам совпадает с теми жизненными ситуаци-

ями, когда человек находится в стрессовой ситуации или же решает сложную задачу. Парадоксальность ситуации же как раз в том и проявляется, что на фоне полноценной активности мозга не происходит никакой активности тела (за исключением глаз). Это происходит благодаря естественному параличу быстрой фазы, идущий по типу катаплексии, когда блокируются нисходящие сигналы нервной системы, из-за чего полностью снижается мышечный тонус, и невозможно осуществление никакого движения.



Вверху: как показывает сравнение записей, ЭЭГ во время сна с быстрыми движениями глаз (БДГ) напоминает ЭЭГ во время бодрствования. Внизу: на протяжении ночи глубина сна увеличивается и уменьшается, а периоды с БДГ постепенно удлиняются.

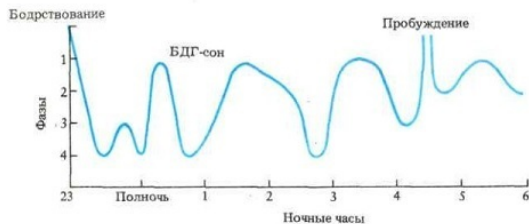


Иллюстрация из Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. "Мозг, разум и поведение", М.: Мир, 1988.

Как раз в фазу быстрого сна человек видит преимущественное число сновидений (Hobson, 1988; Pace-Schott, 2011).

Поскольку сновидения являются самым настоящим театром образов, то естественно было предположить, что именно правое полушарие отвечает за генерацию сновидений.

Гипотетическая связь правого полушария и сновидений существует, но, как видится, связь эта не является абсолютно исчерпывающей и однозначной.

Как показывают исследования пациентов с расщеплённым мозгом (Gazzaniga e.a., 1977), у них способность видеть сновидения сохраняется.

По данным Клауса Хоппе (Hoppe & Vogen, 1977), после комиссуротомии 4 из 12 человек продолжали давать отчёты о сновидениях, только с некоторыми особенностями – описываемые сны не обладают известной и присущей многим контекстуальной насыщенностью, они становятся чересчур однозначными, простыми, с легко отслеживаемыми причинно-следственными связями.

Хоппе упоминает о 32-летней пациентке, у которой было полностью удалено правое полушарие (*цит. по Зденек, 2004*), и она продолжала видеть сны. Правда, они и были чрезвычайно просты.

Один из описанных снов был о том, как её доктор и психолог едут вместе с ней на "Фольксвагене" в ресторан, где

ужинают лобстерами и мартини.

Но дело в том, что всё именно так и было незадолго до этого сна.

Люди с повреждением теменно-затылочной области правого полушария перестают видеть образные сны (Костандов, 2004. С. 81).

При анозогнозии, развивающейся вследствие повреждения теменной области правого полушария, фаза быстрого сна сокращается.

В свете многих подобных данных В. Роттенберг справедливо замечает, что, по всей видимости, каждое из полушарий участвует в генерации сновидений, только каждое из них играет какую-то свою определённую роль в этом процессе.

Но какая именно роль может быть у каждого полушария в формировании сновидений?

По-видимому, Фрейд и тут своей наблюдательностью опередил психофизиологов более чем на полвека. Похоже на то, что на доступном своему времени языке он, сам того не зная, объяснил вклад правого и левого полушарий в сновидения, обозвав их первичным и вторичным процессами соответственно.

Но обо всё по порядку.

Изучая сновидения, Фрейд пришёл к выводу, что каждое из них имеет в основе своей деятельности исключительно индивидуальные события жизни человека. В ходе сновидения те события, которые остались неразрешёнными и кото-

рые в данный момент продолжают волновать человека, претерпевают определённые искажения в психике спящего, что в конечном итоге и приводит к их появлению в сновидении под видом весьма причудливых образов, вовлечённых в осуществление порой откровенно абсурдной деятельности.

Если вы будете читать "Толкование сновидений" Фрейда, то встретите там 87 слов с корнем "абсурд".

И вот за всей кажущейся абсурдностью сновидений Фрейд усмотрел закономерности, которые при определённом подходе позволяют произвести обратную дешифровку образов в исходные мысли (желания), которые бессознательное тщательно кодировало в эти образы.

Среди первичных процессов в формировании сновидений Фрейд выделил две операции – **сгущение** и **смещение**

Сгущение – это способ формирования сновидения посредством объединения нескольких других известных образов в один. Но объединяются не полностью все исходные образы, а лишь их отличительные качества, которые могут указывать именно на этот предмет-явление. В итоге возникает единый образ, содержащий в себе характерные черты нескольких других образов из жизни.

К примеру, вчера ночью вы пережили попытку ограбления в подворотне со стороны трёх преступных субъектов: один из них был в облинявшей шапке, другой в жёлтой куртке, а третий – в резиновых сапогах по самое колено. Вот следующей ночью во сне вам и может явиться образ – вашего

давно почившего отца в резиновых сапогах, жёлтой куртке и облянявшей шапке, забавно нахлобученной на голову.

Но почему в начале сновидения он спрашивает у вас сигарету? Да потому что то же самое спрашивал и следовательно в участке, куда вы пришли сразу после нападения на вас. И к милиционеру вы тоже не прониклись симпатией, не найдя в нём и малейшей поддержки и участия, а даже получив от него в свой адрес несколько язвительных замечаний по поводу проявленной беспечности.

На основании общности неприязни к нападавшим и к следователю ваше бессознательное в сновидении и формирует единый их образ посредством сгущения отличительных их черт.

Но почему во сне химерный образ имел к тому же внешность вашего умершего отца и вдобавок ко всему женский голос, несколько фраз сказавший о деньгах?

А это уже намёк на вашу жену, которая после нападения не только не поддержала вас, но и ещё обрушилась с проклятиями за потерянные деньги. И также намёк на вашего отца, который в детстве тоже никогда не поддерживал вас в случае какой-нибудь неприятности, а только корил и отчитывал.

Вот примерно по такой схеме и работает сгущение, что и приводит к известной доле кажущейся абсурдности сновидений.

Разумеется, что разобрать в собственном сновидении все элементы, подвергшиеся сгущению, дело очень непростое.

Для этого, определённо, требуется великолепная наблюдательность и способность к честному самоанализу – не хуже чем у Фрейда.

Как можно понять, в основе сгущения лежит способность психики вычленять какую-либо одну черту объекта и дальше под ней подразумевать полностью весь этот объект.

Когда подобное вычленение происходит в отношении нескольких объектов, то дальше, если между ними изначально было некоторое общее свойство, результаты всех этих "вычленений" сливаются воедино (т.е. сгущаются), формируя то, что предстанет перед нами в сновидении – несколько эклектичный образ, каждая часть которого может быть ссылкой на что-то знакомое нам из жизни. И порой эти ссылки могут быть настолько тонкими и трудноуловимыми, что Фрейд справедливо отмечает, что никогда нельзя быть до конца уверенным, что все факторы сгущения, все эти намёки, были отслежены нами в полной мере.

Смещение – способ формирования сновидения за счёт того, что акцент с эмоционально значимого явления, которое и лежит в основе сновидения, переносится на явление, имеющее лишь весьма и весьма опосредованное отношение к причинному явлению. Подразумеваемое явление подменяется только намёком на него, каким-либо объектом, который состоит в некоторой условной связи с ним – в таком типе символизации можно увидеть движение от центра к периферии, как если бы вместо целого дома мы изобразили лишь

кирпич или ключ от двери.

К примеру, в жизни женщину сильно третирует муж – постоянно и во всём ограничивает, непременно давит и навязывает свою волю. Вследствие этого ей может присниться, как она предпринимает попытки остричь бороду некоему мужчине, что будет под собой подразумевать стремление поуменьшить его присутствие в её жизни, ограничение его влияния.

Сходно с выражением "пообломать крылышки". Впрочем, женщине может и прямо присниться, как она ломаете селезенью крылья, вместо отрезания бороды.

Именно селезенью, потому что должен быть намёк на мужчину.

Это и будет демонстрация смещения в сновидении – соскальзывание смысла с одного типа отношений на другой, более опосредованный, за счёт некоего смыслового сходства (порой чрезвычайно далёкого).

Если же бородатый мужчина во сне будет заодно и прихрамывать на левую ногу, прямо как ваш давно умерший отец, это уже будет к тому же и демонстрацией сгущения и указывать на то, что тирания мужа имеет свои параллели с тиранией со стороны отца в вашем детстве.

Сложно?

На самом деле очень.

Или вот ещё несколько примеров, но попроще.

Радха (Radha, 1994) описывает такой случай: женщина

очень недовольна отношениями с мужем, но всячески старается избегать мыслей о разводе, вытесняет их из сознания. Основная причина отказа от подобных мыслей – боязнь, что после развода она останется со своими детьми одна, и никому из мужчин не будет нужна.

Ничего удивительно в том, что однажды ей снится следующий сон: она находится на железнодорожной станции, готовясь отправиться в путешествие. Но с собой у неё пять чемоданов, а вокруг нет никого, кто мог бы ей с ними помочь.

По пробуждении у женщины было ощущение, словно она действительно хотела куда-то ехать, но не знала, как управиться с тяжёлым багажом, отчего пришла к заключению, что лучше никуда не ехать.

В общем, скрытый смысл сновидения понятен – боязнь остаться после развода одной со своими детьми. В сновидении они весьма остроумно превращены работой бессознательного в пять тяжёлых чемоданов, с которыми ей никто не хочет помочь.

Хотите знать, сколько детей было у этой женщины?

Всё верно, пять.

И ещё один пример (Моллон, 2002. С. 53).

Мужчина крайне запутался в отношениях с весьма соблазнительной дамой. В итоге ему снится сон: при восхождении на гору он видит в стороне от основной тропы очень красивую розу. Он оставляет друзей и идёт к цветку, чтобы полюбоваться им вблизи. Вдыхая аромат розы, он вдруг по-

нимает, что земля вокруг неё жутко воняет навозом.
Тут он поскользывается и чуть не падает с обрыва.

Или вот на днях мне снится странный сон.

Не помню всего сна полностью, но запомнил именно данный его эпизод.

Я тайком пробираться под покровом ночи в какой-то дом, где должен то ли что-то выкрасть, то ли за кем-то проследить. Вдруг в одной из комнат я встречаю необычного парня – он выходит ко мне из темноты. У него три глаза на лице... Именно три.

Два расположены, как у всех людей, а третий просто как бы в вершине пирамиды – то есть ровно посреди лба.

Я слегка удивлён. Приглядываюсь к парню и удивляюсь ещё больше, поскольку это мой бывший одноклассник, с которым мы учились вместе с 1-го по 5-й классы школы... С тех пор я его и не видел – только на фотографиях.

Я говорю ему: Саня? Это ты, что ли?

Он: Саня... Сейчас много Сань...

Я: Саня Булашов! Ты же?!

Того одноклассника так и звали – Саша Булашов.

Я радостно: Ну а я Паша Соболев – узнаёшь?!

Он приглядывается ко мне, улыбается – узнал.

Я спрашиваю: а почему у тебя три глаза, Саня? Это почему так? Что случилось?

Он слегка теряется, а затем отвечает: вообще-то, сей-

час у всех по три глаза... И это нормально.

Я удивляюсь. Удивляюсь и спрашиваю: да как же это у всех? Как-то необычно...

Вдруг выясняется, что в этой комнате со мной изначально был ещё один мой, правда, нынешний друг. Он вдруг выныривает откуда-то со стороны и говорит мне: да, сейчас у всех три глаза – и это нормально.

Я смотрю на него и с удивлением понимаю, что и у него тоже – три долбанных глаза!

Расположены точно так же – два, как обычно, и третий посреди лба.

Дальше подробностей сна не помню.

Проснулся и принялся думать над увиденным.

Вот на первый взгляд действительно кажется абсурдом, верно?

Но всё на деле не совсем так. Смысл есть.

Откуда у меня во сне вдруг возник Саня Булашов, которого я "вживую" видел последний раз примерно 16 лет назад? Да элементарно.

Как раз минувшим днём смотрел видеоклип группы, в которой выступает Джаред Лето – известный голливудский актёр. Его группа, кажется, называется "30 Seconds To Mars" – такую музыку я не слушаю, но клип просто промелькнул перед глазами. Дело в том, что я, когда ещё впервые увидел этого Лето в каком-то фильме, сразу уловил, что внешне у него есть много общего с Саней Булашовым –

чрезвычайно похожи.

Таким путём Булашов появился в моём сне следующей ночью.

Откуда во сне появились три глаза? Да элементарно.

Как раз предыдущим же днём я читал статью не помню какого автора о метафорах и их понимании разными людьми. И там приводился пример метафоры, которой каждый человек придаёт совершенно своё значение – метафора была "Двухэтажные глаза". Помню, я ещё задумался и решил, что в моём понимании, это означает большие глаза, как у некоторых весёлых девушек, восторгающихся жизнью.

Таким образом в моём сне и появились "двухэтажные" глаза – не три ведь глаза в один ряд, а именно в "два этажа": два глаза в основании пирамиды и один в её вершине, на втором этаже, так сказать.

Откуда во сне появилось утверждение, что сейчас у всех людей "по три глаза и это нормально"? Что оно вообще могло означать?

Если честно, над этим пришлось немного поломать голову. Но ответа я так и не находил. Только вечером в ходе общения с одной приятельницей, которая сама вдруг завела речь о своём последнем сновидении, я и сообщил ей этот свой сон. И сказал также, что не могу понять, что означает этот пункт – что "три глаза" сейчас у всех, и это нормально. На что девушка тут же сказала: возникает такое ощущение, что нечто, что ты считаешь ненормальным, другие

люди считают вполне нормальным и так с этим и живут.

Я её чуть не расцеловал за такой подход к толкованию!

Действительно ведь – минувшим днём вновь всплыла тема супружеских измен, которая вот уже как два года сильно не даёт мне покоя. В тот день я снова думал об этом явлении, печально подсчитывая, сколько же из знакомых мне супружеских или почти супружеских пар живут в верности друг другу? Таковых почти нет, приходил я к неутешительному выводу, который просто рушил мои наивные юношеские представления о том, что существуют семьи, где любящие муж и жена уважают друг друга и не обманывают, участвуя в такого рода грязных связях на стороне, а решают внутренние проблемы внутренними же честными способами. На самом же деле мои наблюдения говорят, что почти в каждой семье кто-то кому-то изменяет. А если говорить о разовой измене, то она осуществлялась вообще, наверное, в каждой семье. Сейчас малейшие нелады в семье ведут к тому, что кто-то бежит искать утешения в чужих объятиях. Идея счастливой семьи и супружеской верности полностью дискредитирована.

Вот в моей голове и вертелась мысль: сейчас измена – уже обычное дело для всех. Норма... Никто о ней не высказывается положительно, но все регулярно к ней прибегают. Даже доводилось прямо от некоторых (не только мужчин, но и женщин) слышать : ну и что такого в измене? Ничего особенного.

Таким образом в моём сне и появилось утверждение трёхглазого парня о том, что сейчас "трёхглазость" – она есть у всех, и это совершенно нормально.

Откуда в моём сне появился **нынешний** друг, у которого тоже было три глаза, и который также утверждал, что сейчас это совершенно обычное дело?

Этот элемент сновидения связан с тем, что относительно одной известной и очень близкой мне пары я питаю большие сомнения насчёт их дальнейшей супружеской верности.

Я почти уверен, что в их отношения вкрадутся измены – причём начнутся они с **её** стороны. А Он же, в свою очередь, уже сдерживает позывы сходить "на сторону" и, насколько могу судить, сдерживает очень старательно.

Мне бы очень не хотелось, чтобы кто-то из моих друзей становился нечестным в отношении близких людей. Об этом я тоже успел с досадой подумать прошедшим днём.

Выходит, за всей кажущейся абсурдностью сна и нелепостью насыщающих его образов скрывается не что иное, как размышления об изменах. Кто бы мог сразу вот так сходу сказать, что этот сон был об изменах? Но так и есть.

Так что насчёт абсурда в сновидении? Кажется, ничем подобным и не пахнет – всё предельно ясно, если уметь правильно интерпретировать. Всё логично.

Вот именно так и выглядят процессы сгущения и смеще-

ния в работе сновидения.

Но это были две составляющие первичного процесса деятельности бессознательного. Затем сновидение претерпевает некую вторую стадию обработки – Фрейд назвал его вторичным процессом. В отличие от первичного, принадлежащего исключительно царству бессознательного, вторичный процесс стоит в иерархии ближе к системе сознания, которое всегда стремится упорядочивать, связывать явления в рациональные последовательности, обосновывать целесообразность.

Вот именно в выше описанных функциях и состоит деятельность вторичного процесса в сновидении – придавать результатам первичного процесса (эклектичным образам, полученным в ходе сгущения и смещения) определённую связность действий, кажущуюся разумность сюжета.

Грубо говоря, первичный процесс создаёт образный абсурд, а вторичный процесс пытается этот абсурд упорядочить, связать между собой во что-то хоть чуточку осмысленное.

Отчёты о сновидениях людей, перенесших рассечение мозолистого тела, как отметил Клаус Хоппе, напоминают собой, по сути, вмешательство только вторичного процесса – нет никакой абсурдности, никаких эклектичных образов, которые обычно возникают как следствие первичного процесса бессознательного.

Но отчёт такие люди могли давать только о тех сновидени-

ях, что происходили в их левом ("говорящем") полушарии. Следовательно, получается так, что вторичный процесс с его неизменным стремлением к логическому упорядочиванию (вспомним размышления Газзаниги о Великом Интерпретаторе) является результатом деятельности именно левого полушария, которое всегда старается всю поступающую информацию расставить по своим местам, разумно обосновать.

Такое предположение позволяет разделить обозначенные Фрейдом первичный и вторичный процессы в сновидении по функциям правого и левого полушарий соответственно.

В такой момент в очередной раз поражаешься гениальности и наблюдательности Фрейда, который в данном конкретном случае опередил своё время на целых 70 лет.

Но на толковании сновидений Фрейд не остановился. Он обнаружил, что первичные процессы в деятельности бессознательного – сгущение и смещение – проявляются и в оговорках, и в описках, и в островах, а также в образовании неологизмов, в том числе при атактическом мышлении шизофреников (Блейхер, 1983). Судя по всему, сгущение и смещение обнаруживаются во всём, к чему имеет отношение человеческая психика. На основании этого Фрейд логично предположил, что принципы работы бессознательного универсальны даже для бодрствующего человека, находящегося в полном здравии и уме.

"Толкование же сновидений есть Царская дорога к позна-

нию бессознательного в душевной жизни" (Фрейд, 2008с).

Прогуливаемся с друзьями по городу. Погода отличная, красота – живи и радуйся...

Настя вдруг говорит Игнату: я сейчас вон там в салон заскочу, кое-что узнаю... Вы меня тут подождите, я быстро!

Целует Игната в щёку и, нелепо размахивая руками, как только женщины умеют, убегает в указанную сторону.

– Это может быть надолго? – спрашиваю Игната.

– Да даже не знаю, всё может быть, – отвечает он, улыбаясь.

Смотрю удаляющейся Насте вслед...

Как же всё-таки неказисто она бежит.

Собираюсь сказать Игнату: ну, конечно, пока там маникюр, педикюр – так полдня пройдёт.

Собираюсь сказать это, а говорю:

– Ну пока ей там мандикюр... О... Маникюр, педикюр, в смысле...

Забавный конфуз. Особенно если учесть, что Игнат – Настин муж.

Фрейд нашёл бы в этой оговорке очевидную сексуальную подоплёку (хотя её тут только глухой не найдёт), но мы акцентируем внимание на внешней форме оговорки, которая произведена посредством одного из первичных процессов – путём сгущения двух слов в одно на основании общей для них

части "икюр".

Вот лично в моей жизни таких оговорок по типу сгущения нескольких слов бывало немало...

Однажды задуманное "Лёха, да ты, короче, просто сделай так!" превратилось в сказанное "Лёха, да ты короста!"

В другой раз задуманное радостное "Олеська! Ты вписываешься в нашу компанию как никто и никогда!" превратилось в сказанное "Олеська! Ты вписда!"

От эффекта последней фразы в компании повисла длительная пауза, которую пришлось разрядить не очень убедительным пояснением того, что я на самом деле имел в виду под этим весьма лаконичным пассажем.

Раньше я думал, что произвожу подобные нарезки фраз в силу того, что мысли мои очень быстры, и речь за ними попросту не поспевает, вот и приходится сокращать.

Но потом познакомился с фрейдизмом.

Для своего времени Фрейд действительно сделал очень многое. И основная заслуга, конечно же, открытие первичных процессов в деятельности бессознательного – сгущения и смещения.

Изучение дальнейших нюансов и более подробное теоретизирование о деятельности бессознательного было задачей и заслугой последователей австрийского гения.

Так, в 54-м году Роман Якобсон (Якобсон, 1996), активно изучавший явление афазии, провёл параллели между двумя

типами речевых нарушений при повреждении коры и функциональной структурой таких общеизвестных речевых приёмов, как метафора и метонимия.

Дальше идею Якобсона в чуть изменённом виде подхватил психоаналитик Жак Лакан, обнаружив тождество между работой сгущения и смещения с принципами всё тех же речевых тропов метафоры и метонимии. Именно этот факт в последствии позволил ему заявить о том, что бессознательное структурировано, как язык, и в дальнейшем развить идею слова и языка в бессознательном до гипертрофированных (но во многом справедливых) масштабов.

"...механизмы, описанные Фрейдом как механизмы "первичного процесса", т.е. механизмы, определяющие режим деятельности бессознательного, в точности соответствуют функциям, которые эта научная школа считает определяющими для двух наиболее ярких аспектов деятельности языка – метафоры и метонимии, т. е. эффектам замещения и комбинации означающих..." (Лакан, 1997).

И в самом деле, при изучении сновидений в глаза бросается метафоричность повествования. Как будто бессознательное конструирует известную нам из личного опыта ситуацию в некой иносказательной манере – формирует её так, что понимать её нужно только в переносном значении. О метафоре в работе сновидения неоднократно говорил и сам Фрейд.

Метафора от греч. – перенесение) – это речевой приём, в котором отождествление одного объекта с другим происходит на основании одной лишь общей для них черты.

Как в примере с женщиной, желающей развода, но боящейся его по причине наличия детей, которые в дальнейшем могут отяготить её существование. Именно по одному признаку – отягощение – дети были приравнены к тяжёлым чемоданам, отождествлены с ними.

Уход же от мужа, развод с ним был отождествлён с началом путешествия.

Именно метафоричное образование символа в сновидении происходит сплошь и рядом. Сновидение – это одна сплошная метафора. И ещё немного метонимии, как отметил Лакан.

Метонимия от др. греч. – "переименование") – речевой приём, в котором смысловое значение одного явления переносится на другое, но не на основании сходства одной или нескольких черт, а исключительно на основании смежности, сопричастности двух этих явлений во времени, пространстве или деятельности. То есть в известном смысле, сходство между двумя явлениями в метонимии существует, но это не их внутреннее сходство, свойственное самим предметам, а сходство по контексту, в котором они находятся.

Примеры:

1) *Съел целую тарелку* – здесь по "тарелкой" подразумевается, конечно, не тара для еды, но сама еда. Тождество

между тарелкой и едой проводится на основании смежности – они всегда идут в одном контексте, всегда неразлучны.

2) *Тяжёлая дорога* – здесь "дорога" подразумевает не дорогу как таковую, но само путешествие по ней. Они, опять же, всегда неразлучны.

3) *Железо для компьютера* – здесь подразумеваются детали, сделанные из железа. По этому же типу "стеклом" называются предметы из стекла.

Вообще, явление метонимии представлено в языке очень широким спектром связей. Вот лишь некоторые из типов метонимического переноса:

а) **автор = произведение** *читал вчера Булгакова* " вместо *"читал "Собачье сердце*

б) **отрезок времени = событие**, происходившее в это время (*"И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!"* – здесь "Октябрь" вместо "Октябрьская революция")

в) **вместилище = вмещаемое** (пример с тарелкой и едой)

г) **материал = изделие** (пример с железом и стеклом)

д) **источник звука = звуку** *услышал клаксон* " вместо *"услышал звук клаксона*

е) **действие = место действия** *Где он? На тренировке* " вместо *"Во Дворце Спорта, где проходит тренировка*

И т.д. и т.п.

Как справедливо отмечают некоторые лингвисты (Падучева, 2003), список типов метонимического переноса вряд

ли когда-нибудь удастся сделать полным.

Стоит отдельно отметить такой тип метонимии, как синекдоха.

Метонимический перенос при синекдохе можно описать по типу связи "часть = целое" и "целое = часть".

Примеры:

1. У Пушкина: *все флаги в гости будут к нам* (здесь даже двухуровневое отношение – "флаги" вместо кораблей с флагами, а если копать глубже, то и "флаги" вместо государств, представленных своими кораблями со своими флагами. То есть чётко видно, как малая часть (флаг) отождествляется с целым (кораблём или даже государством).

2. "Красная шапочка" вместо "Девочка в красной шапочке".

3. "Пропала моя головушка" вместо "Пропал я".

4. "Сто голов скота" вместо "Сто коров".

5. "Ну ты мозг!" или "Ну ты голова!" вместо "Ну у тебя и ум!" (мозг, голова – целое, тогда как ум – лишь частное его свойство).

6. "Голова прошла" в значении "головная боль прошла" (это ещё один пример, где целое = часть).

Таким образом, синекдоха – частный случай метонимии, в котором отождествление предметов происходит по признаку количественного отношения, по отношению части к целому и наоборот.

Почему здесь мы синекдоху обособили от всех остальных

видов метонимии?

Во-первых, такое в некоторых случаях происходит даже в лингвистике в силу особой неоднозначности отношений между синекдохой и остальными группами метонимий.

Но нас, конечно, больше интересует объяснение "во-вторых" – с позиций психоанализа и категории бессознательно-го.

Какое отношение может иметь такой речевой приём, как синекдоха (или даже метонимия в целом), к бессознательно-му?

Да самое прямое. Приём метонимического переноса аналогичен операциональной структуре бессознательного, аналогичен методу, которым оно пользуется – смещению.

Чилийский психоаналитик Игнасио Матте-Бланко (некогда бывший математиком) в своей работе "Бессознательное как набор бесконечных множеств" (Matte-Blanco, 1975) вводит принцип симметрии, царящий в бессознательном.

Суть теории Матте-Бланко состоит в том, что в сознательных умозаключениях, которыми мы руководствуемся в повседневной жизни, для нас совершенно нормально рассмотрение асимметричных отношений между явлениями. С позиций аристотелевской логики это можно продемонстрировать на примере соотношения $A > B$.

Если $A > B$, то уже никак не может быть, чтобы случилось $B > A$. Так же как и не может быть в таком случае и $A = B$.

Если $A > B$, то B может быть только $< A$ – ничего другого

не дано.

Если лист – это часть растения, то растение уже никак не может быть частью листа. Как не может быть оно и равно ему.

Именно это Матте-Бланко и называет асимметрией сознательного.

Но в "логике" бессознательного же всё иначе, всё не так.

Там почти всецело властвует принцип симметрии – не только лист может быть частью растения, но так же и растение может быть частью листа или равно ему.

То есть там может быть, что $A > B$, но одновременно $B > A$ и $A = B$.

Матте-Бланко описывает женщину с шизофренией, у которой периодически берут анализ крови. Иногда она жалуется на то, что у неё берут кровь из руки, а иногда жалуется, что у неё отбирают саму руку (Matte-Blanco, 1975. p. 137).

Это пример принципа симметрии в шизофреническом мышлении, которое, с позиций психоанализа, тождественно мышлению бессознательного.

Согласно "логике" бессознательного, в сновидении, например, флаг может отождествляться с кораблём, имеющим этот флаг, либо непосредственно с самими государством, имеющим этот корабль.

То есть часть равна целому.

И всё это наглядно демонстрируется в процессе смещения в сновидении, когда у какого-либо явления берётся одна, ос-

новная, его черта, свойство, а все прочие черты данного явления просто опускаются, убираются из сновидения. И дальше уже выбранная часть явления всецело выступает от лица всего этого явления, то есть приравнивается к нему.

А что же метонимия?

Литературовед и семиотик международного масштаба Юрий Михайлович Лотман определял действие метонимии именно так – выделение в явлении существенного и уничтожение несущественного ("Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа", 1994). "Эта часть женщины есть женщина", говорит Лотман.

Таким образом, при внимательном подходе мы обнаруживаем, что метонимический перенос аналогичен смещению в сновидении – вычленяется основная черта, а все остальные опускаются, что и приводит к тождеству части и целого.

Поэтому в сновидении обособленный нос (как у персонажа Гоголя) может иметь два значения – всё зависит от того, метафорическое или же метонимическое превращение было использовано при создании символа.

При метафорическом переносе нос может означать :

- 1) Любой другой выпуклый или продолговатый предмет, который в последнее время активно беспокоит человека.
- 2) Нечто, с аналогичной носу функцией – всасывание (вдыхание) либо испражнение (сморкание). Это может быть как дорогостоящий пылесос, который вчера сломался, а на ремонт нет денег, либо краскопульт...

При метонимическом переносе нос может означать :

1) Человека (включая и самого сновидящего), к носу которого в последнее время хоть эпизодически было приковано внимание по какой-либо причине.

2) Род деятельности, связанный с носом так или иначе (дегустация – за счёт активного использования носа, либо ассенизация – за счёт активного неиспользования носа).

Ну и так же множество других возможных толкований, которые можно составить в отдельную книгу. Но, наверное, одно из самых удивительных значений носа в сновидении может представлять собой не что иное, как... сам нос.

Да, и такое бывает. Хотя сам Фрейд отмечал, что "прямые" сновидения (т.е. без всякой шифровки) присущи почти исключительно детям и у взрослых наблюдаются редко.

Подробнее рассмотрим этот момент в следующей главе, где будем развёртывать полную теорию бессознательного

Но хватит о метонимии, давайте снова вернёмся к метафоре и её связи с таким видом первичного процесса, как смещение.

Помните, в разделе об экспериментах с людьми, перенёвшими комиссуротомию, мы упоминали, что в одних опытах было показано, как правое полушарие объединяет рисунки различных предметов не на основании функциональной смысловой связи, а на основании всего лишь внешнего сходства? Так, торт в тарелке образовывал пару для шляпки с полями, скрещенные ложка и вилка образовывали пару для

растопыренных ножниц. Обратите внимание, что это есть не что иное, как метафорический перенос.

В разделе о регистрации слабых висцеральных (исходящих от тела) сигналах бессознательным был описано сновидение женщины, у которой впоследствии обнаружили рак желудка. Волки, в сновидении раздирающие ей живот, являются самой наглядной метафорой процессам, происходящим в желудке под воздействием рака.

Отождествление рака с волками произошло по общей черте их деятельности – пожирание плоти.

Возникновение метафоры происходит за счёт проведения знака равенства между двумя явлениями на основании всего одной общей для них черты. В принципе, это есть механизм формирования символа.

Изучая и расширяя толкование сновидений, Фрейд даже предложил короткий общий список символики, который наиболее часто встречался у его пациентов (то есть в грубом идеале он **мог бы** подойти к большинству людей).

Так, родители в сновидении обычно изображаются посредством короля и королевы либо других авторитетных лиц.

Умирание символизируется отъездом.

Дети, а так же братья и сёстры символизируются либо мелкими зверьками, либо паразитами.

Рождение – изображается чем-то, связанным с водой. Это и простое наблюдение воды, это и наблюдение за плавающи-

ми в воде, либо плавание в ней самому и многое другое.

В наше время и в нашей культуре обычно принято говорить о рыбе как символе беременности, что, опять же, указывает на связь с водой.

Относительно связи в символизме беременности и воды на данный момент имеются разные точки зрения. Часть исследователей полагает, что вода символизирует беременность потому, что предродовым схваткам предшествует отход околоплодных вод из матки – многие женщины об этом знают, что и выражается бессознательным в сновидении уже в тот момент, когда самые начальные метаморфозы в организме в связи с зачатием ещё не доходят до сознания беременной.

Другая часть теоретиков полагает, что вода символизирует рождение на том основании, что в филогенетическом плане вся жизнь на планете когда-то зародилась в воде и уже оттуда распространилась на сушу, изобрела религию, искусство, "Кока-Колу" и батончики "Сникерс". Но данные, по сути, юнгианские квазимистические фантазии с их туманной концепцией архетипов и абсурдного коллективного бессознательного трудно воспринимать хоть сколь-нибудь всерьёз. Не будем превращать науку в юнгианство.

Особый раздел в символике сновидений по Фрейду, конечно, занимает изображение половых органов – мужских и

женских.

Мужские гениталии – это обширнейший перечень предметов, который можно оформить отдельные три тома.

В сновидении половой член может быть представлен чем угодно вытянутым, продолговатым – палка, зонт, столб, дерево, пистолет и т.д.

На основании такого свойства, как семяизвержение или мочеиспускание член может быть представлен водопроводным краном, лейкой, душем и т.д.

На основании такого свойства, как увеличение размеров (эрекция) – телескоп или телескопический же стаканчик или удочка, складной нож.

На основании такого свойства, как проникающая способность – всё тот же нож, штык, копье или всё тот же пистолет.

Женские гениталии – всё, что подразумевает некую полость, внутреннее пространство. Это шкатулка, банка, бутылка (*хотя чем не член?*), пещера, шахта или же комната с дверями или без.

Как можно видеть, большинство упомянутых символов являются метафорами, поскольку тождество между ними и обозначаемым предметом производится на основании всего одной общей черты. Исключением из представленного ряда является, по всей видимости, лишь символика рождения. Она формируется преимущественно на основе метонимического переноса – отождествление рождения с чем-то, что имеет отношение к воде. Особенно наглядной метонимией

в символизме рождения является общеизвестная рыба, поскольку рыба появляется из воды и ребёнок тоже.

Работа смещения в бодрствующем состоянии в психике человека осуществляется тоже постоянно и зачастую под видом символизации какого-либо запретного явления.

Если бы ещё несколько лет назад мне довелось встретить утверждение Фрейда о том, что мужчины, которые в сновидении для обозначения члена "пользуются" галстуком, в обычной жизни склонны иметь коллекции галстуков и часто их менять, я бы счёл его смешным и нелепым. Но когда знакомишься с положениями фрейдизма подробнее и понимаешь всю обоснованность их в силу активного использования бессознательным механизма метафоры, то начинаешь относиться к подобным утверждениям иначе, более внимательно.

Мой близкий друг детства подтвердил тезис Фрейда о галстуках. Лет в восемнадцать он неожиданно проявил сильный интерес к строгим классическим костюмам. Непременным аксессуаром таких костюмов, конечно, является галстук. Ваня неоднократно демонстрировал увлечение галстуками – придёт к другу в гости и принимается внимательно рассматривать его новый галстук, оценивать его с серьёзным видом, будто ростовщик закладываемое кольцо.

Однажды и вовсе была хохма – обмывали дипломы целой когорты друзей, собрались, подвыпили. Было лето, жарко,

душно... Кто-то снял с себя футболку, кто-то рубаху. Среди них и Ваня. Но заодно он заметил и необычный галстук одного из друзей – ярко-жёлтый, без каких-либо рисунков или узоров. Он тут же напялил этот аксессуар на себя, прямо поверх голого торса и принялся с довольной конской улыбкой во всё лицо дефилировать среди ржущих друзей. Так он ходил весь вечер.

Ночью решили прогуляться по району, проветриться : Ваня так и пошёл – в одних джинсах и жёлтом галстуке на голое тело. Сохранилась куча фотографий того весёлого вечера – и особняком на них стоит довольный Ваня с жёлтым галстуком.

Всё бы ничего, но...

Некоторое время спустя (примерно год) как-то вечером я зашёл к Ване в гости. Он был в приподнятом настроении, родители суетились на кухне, готовили что-то съестное. Мне Ваня говорит, что сейчас покажет что-то, ему интересно, как я это оценю.

Подходим к его компьютеру, и он открывает во весь экран фотографию : он стоит у своего ишфоньера, лицо с фирменной бородкой гордо вздёрнуто вверх, взгляд строг и серьёзен... Он, в общем-то, голый на этом снимке – на нём **только** чёрный пиджак, который он, упираясь правой рукой себе в бедро, слегка держит отодвинутым в сторону... И из-под нижнего края этого самого пиджака торчит... То самое, о чём вы подумали: из-под пиджака торчит его по-

ловой член. Не краешек, случайно попавший в кадр, а почти весь член – только мошонка осталась скрытой пиджаком.

И вот стоит на этой фотографии Ваня с гордо вздёрнутой головой, словно преисполненный всей важности момента, будто только что убил дракона, и поверх его совершенно голого тела только чёрный пиджак, край которого слегка отведён в сторону, чтобы предоставить объективу фотокамеры его член...

Я смотрю на это в монитор компьютера и не знаю, как себя вести.

Бог мой, бывают же чудачки на свете)))

Сначала у меня возникает замешательство.

– Ваня... Не совсем понимаю смысл всего этого, – говорю я и улыбаюсь : – У тебя, вообще, всё хорошо?

Его лицо сразу делается серьёзным. Видно, что теперь уже он в замешательстве.

– Я считаю, что это красиво, – отвечает его напрягающаяся физиономия. Молчит и добавляет : – И родителям уже показал, они тоже сказали, что красиво...

– Пиджак с членом? – продолжаю я улыбаться и иронизирую : – Да уж, красотища... Только галстука не хватает.

Дальше удаётся замять тему и приступить к распечатке нужных мне бумаг, во время которой я чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Думаю, как и Ваня.

Фрейд был, определённо, прав. Но не совсем в том моменте, когда говорил, что, с точки зрения бессознательно, гал-

стук, в отличие от члена, хорош тем, что его можно иногда менять.

Думаю, большие похоже на то, что галстук хорош тем, что его можно демонстрировать открыто.

С точки зрения бессознательного, галстук – это аналог члена, но его демонстрация общественно дозволена, в отличие от последнего.

Именно этим положением вещей и был обусловлен своеобразный бунт со стороны Вани в его неожиданной фотосессии – надел пиджак, но вместо галстука открыто решил продемонстрировать член. Потому-то галстука и не было, потому что вместо него прямо использовался обычно лишь подразумеваемый член.

Вот лично у меня после всех этих событий не осталось сомнений, что как минимум для некоторой части мужчин любовь к галстукам обусловлена, по всей видимости, скрытым восхищением (когда речь идёт о бессознательном, нужно читать наоборот : неуверенностью) своим половым органом и желанием его демонстрировать. Но поскольку этого делать в нашем обществе нельзя, то на помощь приходит галстук, с которым это проделывать можно.

Замечу для тех, кто читает про Ваню и крутит пальцем у виска, представляя себе явного невротика, что в обычной жизни он самый нормальный человек – шутник, балагур, в любой компании на первых ролях. У него много друзей. Активен, сообразителен, остроумен, с огоньком в глазах. Дев-

чонкам нравится.

Единственное, что порой его очень портит – это ярко выраженное чувство соперничества и стремление к успешности. С одной стороны, его любовь к строгим классическим костюмам обусловлена как раз желанием соответствовать образу успешного человека, бизнесмена, а с другой стороны – банально тем фактом, что к такому костюму намертво прикреплен галстук, который можно продемонстрировать как аналог того, что продемонстрировать нельзя, а хочется.

Сложно сказать, когда и по какой причине у Вани возникла подобная фиксация на своём детородном. Вероятно, в том раннем возрасте, когда отец таскал его с собой в общественную баню. Такое было, он сам рассказывал.

А там у каждого дядьки орган побольше его, пацанского, будет.

Вот у парнишки и зародился комплекс, требующий доказать себе и всему миру, что и у него не меньше. Так возникла его любовь к костюмам и галстукам (как выкрик в толпу: смотрите, и у меня уже большой!).

Тут есть ещё одно забавное "совпадение", как обычно бывает с бессознательной подоплёкой...

Ваня уже много лет увлекается бильярдом. И как-то давненько он сказал нам с ребятами с таким самодовольным видом : в моей жизни три страсти - классические костюмы, бильярд и женщины...

Потом мы с ребятами неоднократно подшучивали между собой над ним, постоянно передразнивая эти его "три страсти".

Тут, в принципе, и пояснять ничего не надо, наверное. Если любовь к костюмам (галстукам) мы примерно разложили по полочкам, то с бильярдом тоже всё несложно.

Наверное, уже сами сообразили? Верно, кий – всё та же тема. Плюс ещё сами шары.

Галстуки, бильярд – всё это перепевки одного мотива. Всё это имеет отношение к его члену. Ну а третья страсть, женщины – тут и вовсе всё понятно.

Все его "три страсти" связаны с демонстрацией члена. Первые две – в символическом виде, третья – в прямом. Забавно, даже смешно, но факт.

Фиксация на различных аспектах реальности часто обусловлена тем, что эти аспекты табуированы, запрещены. Если бы все люди в нашем обществе ходили изначально голыми, то никакой фиксации на члене у парня возникнуть бы не могло, потому что член был бы для него лишь очередной банальной частью тела, как пальцы, руки, ноги или голова. Но когда какой-либо орган (тот же член) табуируется и тщательно скрывается в силу общественных установок, то сам этот факт уже придаёт определённый смысл этому органу, выделяет его на фоне всех прочих. К скрываемому приковывается внимание. Именно так **скрываемый** объект наделяется неизвестным тайным смыслом.

"Здесь – вся философия одежды, скрывающей, чтобы подчеркнуть" (Лурия, 1999).

Когда маленький мальчик (у которого уже в силу неаккуратного отношения со стороны родителей развита неуверенность в себе) вдруг обнаруживает, что у всех мужчин орган, наделяемый тайным смыслом (в силу его намеренного скрывания в обыденной жизни), больше, чем у него, то у него и возникает глубинный комплекс. Зарождается потребность изменить такое положение вещей и сделать свой орган таким же, потому что у этого органа есть какой-то неизвестный смысл, у него есть какая-то неизвестная ему ценность, поскольку все его прячут. Так и возникает фиксация на табуированном органе – именно по причине его особого, пусть и не понимаемого, смысла. В рамках нашей культуры фиксации по понятным причинам очень сложно возникнуть, к примеру, в отношении левой руки.

Я вот ещё над Ваниной бородкой задумываюсь. Он отросил её лет в 25 – и, надо сказать, многие друзья и девушки высказывали ему, что она выглядит слишком помпезно. Но он всё равно носит её. Не является ли эта его бородка метафорой на тему лобковой растительности, увиденной у всё тех же взрослых дядь в общественной бане в детстве? У него, мелкого пацана, её не было, а у них, взрослых мужиков, была... А ему так хотелось сравняться с ними... Всё может быть, если речь идёт о бессознательном.

Если это так, то перед нами человек, наполнивший свою

жизнь символикой полового члена.

Это очень забавно)))

Кстати, хотите знать, кому принадлежал тот жёлтый галстук, который Ваня присвоил себе на пьяной вечеринке по поводу дипломов?

В этом галстуке пришёл другой наш общий друг, который... Который как-то фотографировал свой орган крупным планом и размещал эти снимки на сайте знакомств.

Вот так "совпадения", правда?

Был и ещё один логичный в описываемой ситуации момент. Много лет в домашних условиях я ношу лёгкие летние штаны. Если где-то намечается вечеринка, где мне придётся остаться до утра, то обычно беру эти штаны с собой, чтобы сразу надевать их для удобства. Так вот, помню как-то вышло так – мы компанией весело что-то отметили, а потом всем коллективом завалились спать. Утром просыпаюсь, надеваю эти штаны и иду умываться, чистить зубы. Пока не надел на себя футболку, хожу в штанах не подпоясанный. То есть верёвочки обе, которыми нужно себя подпоясывать, свободно свисают с пояса чуть выше колен. И вот хожу я так с полчаса, пока футболку не надел, хожу себе, беседую со всеми просыпающимися, хохмлю, и вдруг в какой-то момент Ваня говорит мне, делая недовольную гримасу :

– Убери их, – и показывает рукой на две свисающие с моего пояса верёвочки.

– В смысле? – улыбаюсь я от неожиданности. – А они-то чем тебе не угодили?

– Не знаю, – недовольно отвечает Ваня, и на его лице возникает неловкая улыбка. – Просто раздражают они чего-то... Болтаются.

– Ну ты даёшь, – снова улыбаюсь я. – Вроде не пил вчера особенно...

Я заправляю обе эти верёвочки внутрь штанов и спрашиваю : теперь легче?

– Вот теперь легче, – отвечает Ваня, а на лице блуждает откровенно растерянная улыбка. Возможно, уже и сам понимает глупость своего поведения.

Я и говорю напоследок : странный ты, товарищ...

Сейчас же, в свете выше изложенной гипотезы, поведение Вани в тот момент становится чрезвычайно ясным. Видя свисающие с моего пояса верёвочки, он словно вновь оказался в ситуации раннего детства, где взрослые дяди демонстрируют свои половые органы, а он не может проделать этого в ответ. То есть вышло так, что я, в его понимании, как бы символически демонстрировал своё мужское достоинство, а он не мог продемонстрировать ничего, чтобы доказать, что и он не хуже. Но осознать это он был не в состоянии, для восприятия оказалось доступным лишь общее раздражение по отношению к верёвочкам, рационально объяснить которое Ваня не мог. Происходила глубинная работа в недрах бессознательного.

А на поверхности было что? Только понимание самого факта раздражения. И ничего больше. Никакого понимания причин.

Объект и раздражение в отношении него – а почему, непонятно.

На самом деле вот она – реальная психопатология обычной жизни.

Проявление метафор может происходить и в несколько ином плане человеческого бытия – в плане телесных ощущений или, как принято говорить, в виде психосоматики.

Психосоматика – отрасль медицины на стыке с психологией, изучающая возникновение заболеваний в их связи с психическим состоянием человека (с депрессией, гневом, тревогой и т.д.). Согласно теории психосоматики, ряд заболеваний человека может быть обусловлен исключительно какими-либо его внутриличностными конфликтами (Фролова, 2003). Наиболее изучена связь психического напряжения человека с такими заболеваниями, как язва желудка, бронхиальная астма, ишемическая болезнь сердца, ожирение, нейродермит, головные боли, вегетососудистая дистония и ряд других. Но есть и подходы, рассматривающие болезни тела именно в ключе метафорического переноса, осуществляемого бессознательным на телесный уровень, что, в свою очередь, может выполнять сигнальную функцию об имеющейся в жизни конфликтной ситуации.

"Глубокая личная обеспокоенность вовлекает в политику наше сознание и тело, так что даже язва желудка [...] может расцениваться как политический акт" (Власова, 2014).

К примеру, болезни глаз могут означать нежелание человека замечать что-то происходящее в его жизни, вытеснение этого факта в бессознательное.

Постоянный насморк может указывать на плохое отношение к чему-то рядом с собой, что приходится просто терпеть (по сути, просто аллергия на что-то или кого-то).

Болезнь ног и суставов может указывать на глубинное нежелание следовать по выбранному пути или же на неуверенность в правильности этого пути.

* * *

Приложение 3: психосоматика

Далёкий октябрь 2005-го. Я уже три месяца как живу жизнью "растения": так на мне сказывается то, что не сложились отношения с девушкой, к которой я проникся непередаваемой симпатией и безмерным уважением. Последующие два года я буду ощущать себя именно растением – ничто не интересно, на всё плевать, есть лишь с трудом сдерживаемое желание влезать в драки с чёрт знаем каким

исходом. Весёлое время)))

На тот момент прошло ещё не два года, но всего три месяца. Я работаю журналистом в одной газете, посвящённой полиграфии и прочей печатной канители. В тот октябрьский день в одном из выставочных центров города проходит выставка рекламных технологий, и я должен побывать на некоторых её мероприятиях и затем описать их в газете.

По приезде я почти сразу вижу среди прочего вороха стендов различных рекламных компаний стенд фирмы, которую возглавляет та самая девушка.

Во рту у меня мгновенно пересыхает, в голове туман, сердце колотится...

Смотрю издали – вижу её. Она стоит у своего стенда, демонстрирует интересующимся буклеты своей фирмы, улыбается.

В моей голове вообще всё превращается в какой-то бардак. Сам не понимаю, о чём думаю в этот момент. Как будто просто целиком и полностью превращаешься в одно лишь восприятие и смотришь, смотришь, смотришь...

Сердце колотится, как бешеное.

Но ноги будто вросли в бетон, как окаменели, и я смотрю на неё только издали.

Снова кому-то чертовски приятно улыбается, затем, пока клиент рассматривает буклет, она сунёт руку себе под пиджак и принимается украдкой чесать спину.

Я понимаю, что нет ничего страшного в том, если по-

дойти сейчас к ней и поздороваться. Просто подойти и сказать "Привет", улыбнуться как-то худо-бедно, спросить "Как жизнь?" или что-нибудь такое. Просто хоть снова увидеть её близко.

Ведь так сильно по ней скучал эти три месяца.

Понимаю, что действительно ничего страшного. Но страшнее некуда.

Тогда я совершаю трусливый манёвр и говорю себе, что сначала схожу на один семинар, запишу происходящее там в блокнот, а потом, на обратном пути, и подойду к ней.

Ну верно ведь? Можно же так? Чуть попозже, верно? Не сейчас, а потом...

Ничего ведь страшного, верно?

Тогда я разворачиваюсь и иду на семинар.

Примерно через час-полтора я все дела сделал. Можно собираться домой. Я задерживаю дыхание и направляюсь к выходу из выставочного центра как раз так, чтобы пройти мимо нужного и пугающего стенда. Иду, прохожу мимо – у стенда никого. Только везде висит реклама, разложены буклеты и прочие бумажки, но людей нет. Ни её, ни кого-то другого из её сотрудников. Я останавливаюсь на мгновение, оглядываюсь по сторонам – кругом толпы людей, но её не видно.

На часах всего половина второго.

Я быстро решаю, что она уже уехала на работу, а здесь же вместо себя оставила кого-то из сотрудников, который

куда-то отлучился. И хоть где-то в глубине души я чётко понимал, что она сама где-то здесь, может, просто пошла перекусить – время-то обеденное... Я всё это понимаю, но всё же быстро направляюсь к выходу и иду на автобус.

Я стою у заднего окна автобуса, облокотившись о поручень обеими руками, и смотрю в сторону удаляющегося выставочного центра. Я еду домой. И, конечно, думаю о том, чего не сделал...

Проезжаю в глубокой задумчивости одну остановку, вторую... Вдруг чувствую лёгкую боль в левом колене. Начинает ныть. Но это ничего, ерунда. Едем дальше, боль всё нарастает. Она становится действительно сильной. Можно честно сказать – мне больно. Тогда я переношу бóльшую часть своего веса на правую ногу. В левой становится поспокойнее.

Но, вот зараза, вдруг начинает невыносимо ныть правое колено. Стою на этой ноге ещё чуть-чуть и понимаю, что уже и в ней боль становится совершенно невыносимой.

Тут же проскакивает мысль : будто бы мне не надо идти туда, куда сейчас иду. словно что-то останавливает. Надо закончить задуманное, воплотить...

Но нет, я так просто не сдаюсь, я пытаюсь распределить вес тела равномерно на обе ноги – может, хоть так боль уменьшится. Встаю, как задумал, но один чёрт – теперь оба колена ноют так, что стоять на ногах просто невозможно.

Тогда я опираюсь руками о поручень с такой силой, что

ноги чуть ли не отрываются от пола – они значительно расслабляются.

Кажется, так легче. Если же ещё и руки сейчас заболят, то я просто свалюсь на пол и буду лежать до самой своей остановки. Главное, билет ещё купить.

Через неизвестное число остановок боль в ногах почти прекратилась. Будто был просто непонятный приступ в суставах – кратковременный, но очень сильный.

С того самого 2005-го года колени у меня стали периодически побаливать, примерно раз в два месяца стабильно давали знать о себе неприятным зудом. Но так, как в тот октябрьский день, они не болели у меня больше никогда.

Или другой пример, совсем недавний.

Познакомился с девочкой 27-ми лет. У неё два ребёнка. Встретились, пообщались. Вдруг выяснилось, что она и замужем уж 8 лет. Поговорили на эту тему, она призналась, что муж ей изменяет уже в течение года и притом весьма открыто – она ведь полностью зависима от него, а он очень состоятелен. Потому, видимо, он и позволил себе измены совершенно открыто, поскольку верно оценивает ситуацию.

Олю всё это, конечно, невероятно унижает. Но она всё равно старается улыбаться и делает перед знакомыми вид, что всё у неё в семье просто великолепно.

Я Оле сразу сказал, что она либо **сама** поменяет свою жизнь, либо так и будет продолжаться ещё много лет, пока она с этим окончательно не свыкнется.

Через несколько дней Оля звонит мне на ночь глядя. Вся в слезах, буквально рыдает.

Говорит, что муж вечером с ней и детьми сходил в парк, подарил ей цветы. Она счастливая, подумала : неужто он одумался? Неужто всё теперь вновь станет, как прежде?

Муж подъезжает к подъезду, высаживает детей, а затем говорит улыбающейся Оле: ну всё, приятного тебе вечера. А я сегодня в другом месте переночую.

И вот она с этими детьми и цветами плетётся домой, на сердце всё вдребезги. Потом разрыдалась и позвонила мне. Говорила о том, как ей всё это надоело, какая она несчастная, как же так дальше жить.

Я слушал её, слушал. Но беда в том, что я таких историй знаю уймы. И все они заканчиваются в большинстве случаев одинаково – просто и жена со временем начинает активно изменять мужу, заводить себе одного любовника, второго, третьего, но ни к одному из них она не уйдёт, поскольку муж состоятельный, а комфорт, как болото, – затягивает.

Вот и я слушаю Олю, слушаю. Она плачет и плачет.

В один момент я понимаю, что если я сейчас просто буду сочувственно кивать и говорить, какая же она несчастная, то толку от этого не будет никакого. Завтра она в слезах позвонит снова, послезавтра – снова, и так далее.

*Можно ей посочувствовать, поддержать, а можно сказать такие вещи, чтобы это подвигло задуматься о сложившемся положении, задуматься о том, как всё это **из-***

менить

И я начал без всяких сочувственных киваний говорить то, что думаю.

Что не надо слёзы лить, а надо разводиться, что надо найти в себе смелость, решительность и поменять свою жизнь. Хочешь сохранить достоинство – обзаведись силами.

Оля тут же заплакала на тему, а как же детей содержать? Я не смогу.

Я ответил, что суд отберёт у мужа половину совместно нажитого имущества, да и детей в любом случае заставит содержать до их 18 лет.

Оля воскликнула, что в суд ей не хочется. Почти зарыдала на тему, что она не умеет бороться, что привыкла, когда всё тихо-мирно.

Я ещё раз повторил, что хочешь сохранять достоинство – научись стоять.

Но при этом добавил, что успев узнать её хоть немного, могу сделать вывод, что она ничего менять не будет. Что будет все оставшиеся годы плакать и приговаривать, какая её муж сволочь. Но менять ничего не будет.

Она крикнула через слёзы: ага! Что, мне лучше быть бедной, но гордой?!

Я только кивнул в трубку: вот, вот... Так у тебя всё и останется. Поэтому не надо слёз, Оля. Просто свыкнись, что всё в твоей жизни так и останется. Я знаю достой-

ных женщин, которые даже с двумя детьми сумели уйти от мужа и, мало того, не просто научились обеспечить своих детей самостоятельно, но даже и открыли свои фирмы, и весьма успешные. Это действительно женщины, которыми можно гордиться.

Но таких единицы.

Оля сказала, что попробует на неделе пойти в суд и всё узнать. Кажется, она начала успокаиваться потихоньку.

Дальше вдруг она сказала, что у её младшей дочери алалия...

Ого, опешил я. Редкий дефект, при котором развитие речи происходит с сильным запозданием либо не происходит вообще. Но интеллектуальный уровень соответствует норме.

На лечение алалии муж тратил большие деньги. Но дочка в свои 3 года всё равно умеет говорить лишь 6 слов.

Я призадумался, что это действительно нелегко. Но муж ведь всё равно сможет оплачивать лечение ребёнка даже в случае развода. Тут одно другому не мешает.

Но лёгкое смятение у меня всё же проскочило. Скольким женщинам я уже советовал в жизни развод в их ситуации, но это был первый случай, когда я сам слегка заколебался.

Но муж в любом случае будет оплачивать лечение ребёнка. Это ведь всё равно понятно.

С другой стороны, Оля всё равно не будет разводиться с мужем, даже если бы дело было совсем не в алалии. Она

прямо сказала, что, выйдя замуж в свои 19 лет, она так и не научилась ничего делать сама. Даже не знает, где и как за квартиру платить.

Так что она в любом случае не разведётся.

Комфорт – это важнее.

В общем, поговорил я с Олей в несколько холодных тонах, в которых не выразил ни капли пустого сочувствия, но указал лишь на один единственный путь решения проблемы. Для него требуется только решительность, умение брать на себя ответственность за свою жизнь.

Оля всё равно восприняла этот разговор как поддержку (как ни крути, всё равно так оно и было), поблагодарила меня, и на том мы и распрощались.

В течение следующих двух дней я периодически возвращался в мыслях к этой ситуации, оценивал её и понимал, что Оле, конечно же, много удобнее будет остаться с мужем и просто научиться терпеть его походы на сторону. Всё это вопрос её выбора. Собственного.

Но проскакивала у меня и та мысль, а стоило ли мне давать ей такие советы? Вдруг они только к худшему изменят её жизнь (если вообще, конечно, изменят)?

Два ребёнка, один с дефектом развития, мама несамостоятельная, неуверенная в себе...

Конечно, ей будет сложно в этой жизни. Но, с другой стороны, всё приходит с практикой. Если ничего не делать, то ничего и не изменится.

В общем, в таких периодических раздумьях прошло два дня, а потом меня заняла другая проблема – мой палец на левой руке...

Кожа на нём растрескалась, в местах сгибов даже закровоточила, а ещё через два дня по пальцу и вовсе пошли водянистые волдыри – штук 10 на двух фалангах.

Начал мазать палец разными мазями, перекисью водорода, но всё впустую.

Потом палец и вовсе покрылся плотной коростой – до самого ногтя.

Дальше я жёг его йодом и снова мазал мазями и спиртом, а он всё сочился и сочился.

Уж не инфекция ли это какая-то? Не ампутируют ли? Но выглядит палец действительно ужасно – как покойник через месяц погребения...

Проходив так 5 дней, я показался одной знакомой, которая была косметологом и о коже знала немало. Так получилось, что именно в этот момент жизни она была увлечена психосоматикой. Увидев мой палец, она тихо пробурчала : так, указательный... Любишь людям на жизнь указывать?

Я от удивления чуть не рассмеялся. Действительно ведь хорошая трактовка, с точки зрения психосоматики. Идеально ложилась на мою ситуацию.

С этой позиции, моё бессознательное в болезненном симптоме выразило мои же сомнения насчёт моих же советов. Стоило мне засомневаться в верности своих советов, так

тут же всё и началось.

Единственный раз усомнился, вот и аукнулось.

Не надо было сомневаться и забивать голову этой ерундой.

Собственно, как только осознал возможную связь пальца со своими сомнениями, дальше и удалось всё исправить – активно и обстоятельно пришлось убедить себя в том, что эта Оля всё равно ничего менять не будет. Что мои советы никак не повлияют на её жизнь. Всё останется, как прежде.

Дня через три безо всякого пользования мазями и прочими средствами с пальца сначала сошли все волдыри, а затем начала сходить и короста. Через неделю палец выглядел уже вполне вменяемым.

Конечно, всё это глубоко ненаучно. Такие взаимосвязи нельзя проверить какими-либо научными методами. Всякий символизм тем и сложен, что он имеет множество разных трактовок. Поэтому все эти объяснения никак нельзя считать в какой-либо степени научными, но...

Но совпадения такие очень и очень интересны.

Если правильно понимать принципы работы бессознательного (метафору и метонимию – сгущение и смещение), то вся эта затея с психосоматикой не кажется таким уж абсурдом, каким может показаться, когда ничего этого не знаешь.

Наша жизнь буквально наполнена знаками, "сообщения-

ми". Но только это дело наших собственных рук, нашего бессознательного.

Никаких высших сил. Никаких чудес...

Есть одно действительное чудо в нашей жизни – наша собственная психика.

Главное, в каждом конкретном случае обязательно понимать и учитывать **индивидуальный** характер происходящего и толковать его с позиций жизни именно данного человека, пользуясь метафорическим и метонимическим переносами.

Но, конечно, символизация в психосоматических симптомах происходит далеко не всегда и не обязательно, по крайней мере, думается, не стоит пытаться усмотреть её во всех случаях без исключения. По всей видимости, физиологические симптомы могут служить просто своеобразным выходом скопившейся внутри неосознаваемой тревожности, разрядкой её энергии вовне. К примеру, в жизни человека происходит какая-то беспокоящая его ситуация, с которой ему в силу ряда социальных или сугубо индивидуальных причин приходится мириться – следовательно, велика вероятность того, что беспокойство о данной ситуации он будет вынужден вытеснять в бессознательное. В итоге человек просто перестаёт осознавать причины имеющегося беспокойства, но само беспокойство никто не отменял – оно остаётся в психике. Так возникает тревога, причины, которой для самого человека становятся непонятны, неосознаваемы. Тут-то на

"помощь" и приходит какой-либо соматический симптом – боль в ногах, в ушах, сыпь на коже, дистрофия конечностей и много всего другого. В любом из множества симптомов может проявиться энергия той самой тревожности, истинные причины которой усиленно вытесняются в бессознательное. Когда возникает объективный внешний симптом, уже нет нужды бороться со своей необъяснимой тревогой, а можно просто направить её на этот самый возникший недуг, то есть проинтерпретировать свою тревогу более "удобным" способом, более удобной причиной, нежели та, которая неудобна и отрицается. Иными словами, в случае психосоматических реакций происходит банальная подмена проблемы – одной неприемлемой другой, более приемлемой. Это так называемый "уход в болезнь".

Ротенберг (Ротенберг, 2015) приводит пример с женщиной, у которой вдруг начались истерические проблемы с глотанием. Глотание пищи стало трудностью. Обеспокоенный супруг обратился к гипнотизёру, который дал женщине установку вновь глотать нормально. Прошло некоторое время, супруг пациентки снова обращается к гипнотизёру с просьбой вернуть всё, как было.

– Пока она не глотала, – поясняет супруг, – проблема была только с едой, а в остальном все было спокойно. А теперь она ест, но целый день в очень беспокойном состоянии, плачет, плохо спит, терзает всю семью и вообще места себе не находит...

Таким образом, исчезновение соматического симптома, на который можно было направить свою тревогу или попросту "списать", привело к тому, что тревога вновь стала просто тревогой самой по себе – беспричинной, непонятной. Как удачно выразился Ротенберг, тревога становится "свободно плавающей". Она просто дрейфует в психике человека и не даёт ему покоя. Она необъяснима. И этот факт сильно изматывает человека.

Но мы уже знаем неотъемлемое свойство человеческой психики – искать всему своё объяснение. Потребность в **интерпретации**. Состояние когнитивного диссонанса – неприемлемо для психики человека. Всё происходящее должно быть проинтерпретировано любым подходящим образом. И пока есть свободно плавающая тревога, то человеку становится совершенно не по себе – необъяснимая тревога доставляет ещё больше неудобств, чем если бы она была объяснима. Но поскольку истинные причины тревоги вытеснены в бессознательное в связи с их неприемлемостью, то человек неосознанно ищет новую "привязку" для своей тревоги. Новую пристань.

Он должен её **проинтерпретировать**. Тогда ему станет спокойнее.

Так "вдруг" и возникает любой болезненный симптом, за счёт которого теперь и можно объяснить свою тревогу.

Ротенберг отмечает также и интересный факт : 90% всех истерических симптомов возникают на левой стороне

тела. То есть на территории, подконтрольной правому полушарию, которое и отвечает за бессознательную мотивацию и символическую функцию.

В подобных ситуациях не следует **всегда** искать какую-либо символическую связь симптома с вытесняемой проблемой, хотя она зачастую и действительно может быть, поскольку тенденция бессознательного к символизации, как мы уже знаем, существует. К примеру, ещё Фрейд описывал случай истерической рвоты у женщины, которая на самом деле была символизацией её отвращения к мужчине, за которого ей "пришлось" выйти замуж.

Действительно ведь "удобнее" беспокоиться по поводу своей регулярной и непонятной рвоты, нежели по поводу того, что живёшь с человеком, к которому питаешь отвращение.

Ровно по той же схеме развиваются и различные фобии – иррациональные боязни. В жизни человека возникает сильнейший конфликт в какой-либо сфере, но бороться с которым у него нет возможности. Тогда сам данный конфликт попросту вытесняется в бессознательное, а остающуюся тревогу проще в силу различных жизненных обстоятельств приписать любому явлению действительности – боязни высоты, темноты, закрытых пространств и т.д. К примеру, ребёнок ощущает тотальное игнорирование своих потребностей и своей личности вообще своей собственной матерью. Ребё-

нок понимает, что он просто чужой своим родителям. И поскольку что-либо изменить он не в силах, то зачастую ему проще направить имеющуюся тревогу на любое другое явление, которое просто случайным образом может претендовать на эту роль. Увидев мало-мальски пугающего паука, такой ребёнок вдруг направляет в это открывшееся русло всю скопившуюся тревогу – так и возникает арахнофобия, которая дальше будет преследовать его всю жизнь. По той же схеме боязнь темноты, замкнутых пространств и многого всего другого.

В общем, не обязательно во всех тревожащих человека проявлениях его психики следует искать тот или иной символизм, но на первых порах попробовать это ничто не мешает, а возможно, даже поможет определить причину тревоги (только в случае, если символизм действительно имеет место). По идее, только сновидения следует понимать почти исключительно в ключе символизма.

Итак, согласно основной линии рассуждений, которую мы прочертили ещё в первой главе данной работы и которой мы будем последовательно придерживаться на протяжении всего повествования, в толковании сновидений и многих других аспектах деятельности человеческой психики следует исходить **только** из тех фактов, что имели место в **индивидуальной** конкретности человека. Никаких врождённых идей и ментальных образов, ничего надындивидуального или трансперсонального, как пытаются разглагольствовать юнгианцы

и некоторые эволюционные психологи. Всё понимается глубоко с позиций **индивидуального опыта**

Мы поспешим согласиться с Фрейдом относительно того, что в сновидениях нет ничего, чего не было бы прежде в жизни сновидящего. Если в сновидении вы наблюдаете какую-то диковинную машину, которой точно не могли никогда видеть в реальности, то присмотритесь внимательнее – вот эта деталь машины была видена вами тогда-то и там-то, эта – тогда-то и там-то, а вот эта деталь – это и вовсе карбюратор мотоцикла, на котором три года назад от вас удирал любовник вашей бывшей.

По ходу дальнейшего повествования с концепциями Фрейда мы будем не только соглашаться, но и не соглашаться (о его теории сексуального влечения уж и вовсе можно даже не упоминать – настолько это всё несерьёзно; впрочем, значительной частью психоаналитического общества на Западе она игнорируется уже с середины прошлого века). Но не столь важно то, насчёт чего Фрейд ошибался, сколь важно то, насчёт чего он оказался прав.

* * *

Приложение 4: психоанализ и наука

Важно подчеркнуть (кого бы и как бы это ни обидело), что психоанализ не является наукой, то есть не спосо-

бен устанавливать чёткие, однозначные взаимосвязи между явлениями, стабильно подтверждаемые в эксперименте, а также не обладает достоверной предсказательной силой.

Главная причина ненаучности психоанализа заключается в том, что основной объект его исследований – символизм. Символы как средства бессознательного являются единственным доступным для наблюдения психоаналитика объектами (именно о символизме бессознательного мы говорили всю эту главу), но при работе с символами есть одна большая проблема – **символ многозначен**. Всегда и исключительно **многозначен**. По этой причине символ попросту никогда невозможно трактовать однозначно. К любому символу всегда можно предложить несколько трактовок, а какая из них окажется верной, одному богу известно.

"Символ многозначен [...] Например, изображение яблока может быть символом магазина "Овощи-фрукты", но, скорее всего, не хлебного [...], то же яблоко может символизировать сюжет о грехопадении, и связываться с понятием плотской любви, запретного действия и пр." (Улыбина, 1999. С. 53).

"Символ обладает максимально размытыми, неопределёнными границами и максимальными потенциальными возможностями наращивать содержание". Иначе говоря, "реальное содержание символа может быть **неисчерпаемым**" (Там же, С. 54-58). В этом проклятие психоанализа – он работает с такой сферой знаковой реальности, ко-

торая просто не подлежит однозначному переводу. В этом легко убедиться, вновь перечитав все описания символов (метафорических и метонимических переносов), приведённых в этой главе – насколько они трактованы исключительно точно? Как это узнать? Да никак. Можно лишь полагаться на некое своё пресловутое "чутьё", оценивая всю сумму контекста в описании того или иного символа, но никогда нельзя ручаться точно, что перевод, понимание произошло верно. Всегда остаётся шанс, что в действительности символ означал нечто другое.

Работа психоаналитика очень напоминает учительницу литературы, которая после прочтения произведения классика изрекала перед классом неперемное: "Автор хотел сказать..." И тут, если класс вменяемый, то он совершенно справедливо поднимался на дыбы. "Откуда нам знать, что хотел сказать автор? Кто и как это узнал?" (Просто я учился именно в таком классе, и подобные "восстания" мы совершали в отношении нашей бедной романтической учительницы с завидной регулярностью). Пока автор сам однозначно не скажет, что он хотел сказать то или это, всё будет лишь областью догадок.

Но беда в том, что в случае с символизмом бессознательного тот самый "автор" попросту не умеет говорить внят-ным доступным языком, он способен изъясняться только метафорически, образно. Потому никакого однозначного ключа к его "посланиям" нет и никогда не будет.

Поэтому психоанализ – это учение, а не наука. Поскольку наука основывается на подтверждаемых фактах, а учению достаточно веры. В случае же с трактовкой символического мы, так или иначе, вынуждены основываться на вере в то, что всё расшифровали правильно, так как проверить это никакой реальной возможности нет. Что печально, данный нюанс сами психоаналитики понимают крайне редко (если понимают вообще).

Именно по этой причине в психоанализе в целом и отсутствует эксперимент как способ проверить истинность знания – символическое всегда уникально и многозначно, его невозможно повторить в эксперименте. Очень хорошо разочарование по этому поводу выразил нейробиолог Крис Фрит:

"Несколько лет назад редактор "Британского психиатрического журнала" (British Journal of Psychiatry), очевидно по ошибке, попросил меня написать рецензию на фрейдистскую статью. Меня сразу же поразило одно тонкое отличие от статей, которые я обычно рецензирую. Как и в любой научной статье, там было много ссылок на литературу. В основном это ссылки на работы по той же теме, опубликованные ранее. Мы ссылаемся на них [...] для того, чтобы подкрепить те или иные утверждения, которые содержатся в нашей собственной работе. Но авторы этой фрейдистской статьи во все не пытались подкрепить приводимые факты ссылками. Ссылки на литературу касались не фактов, а идей. Пользу-

ьясь ссылками, можно было проследить развитие этих идей в трудах различных последователей Фрейда вплоть до исходных слов самого учителя. При этом не приводилось никаких фактов, по которым можно было бы судить о том, справедливы ли были его идеи. Может быть, Фрейд и оказал большое влияние на литературную критику, но он не был настоящим ученым. Он не интересовался фактами. Я же изучаю психологию научными методами" (Фрит, 2010. С. 19).

*Сказанное Фритом чистая правда – ссылки в психоаналитической литературе адресованы не столько к **исследованиям** по теме, сколько к **рассуждениям** по ней других авторов. Аналогичную картину можно наблюдать и в такой новой отрасли психоанализа, как нейрпсихоанализ. Здесь исследователи анализируют пациента с повреждённым правым полушарием, вследствие чего его левая рука оказывается умеренно парализованной (левосторонний гемипарез), за что он её ненавидит (мизоплегия) и даже хочет избавиться от неё путём отрезания или даже отгрызания. Авторы-психоаналитики приходят к выводу, что пациент ассоциирует свою непослушную руку с матерью, которая "отвергла его, бросила, стала вести себя независимо" (Каплан-Солмз и Солмз, 2016. С. 166-174). Как эта связь доказывается? Да никак. Она просто предполагается, и это предположение автоматически ставится во главу доказательной базы. Предположения достаточно.*

В этом и весь нюанс : как бы ни были близки предполо-

жения психоанализа к правде, доказать реальные связи по-просту невозможно. Всё упирается в многозначность символического. Оно неразрешимо научными, точными и однозначными методами. Потому в итоге остаётся лишь вопросом **веры**

Помимо прочего, психоанализ откровенно страдает неопровержимостью своих тезисов (или **нефальсифицируемостью** по Попперу, подробнее см. Поппер, 1983).

"...психоаналитические теории... являются непроверяемыми и неопровержимыми теориями. Нельзя представить себе человеческого поведения, которое могло бы опровергнуть их... это означает, что те "клинические наблюдения", которые, как наивно полагают психоаналитики, подтверждают их теорию, делают это не в большей степени, чем ежедневные подтверждения, обнаруживаемые астрологами в своей практике" (Там же, С. 246-248).

В этом же ключе многочисленные "психологические защитные механизмы", выведенные в русле психоанализа, на деле оказываются весьма даже губительным феноменом в деле научного познания. Когда, к примеру, в исследовании ставится задача доказать, что плохие отношения с родителями в детстве уже во взрослом возрасте непременно ведут к большему числу романтических и сексуальных партнёров, а на деле же исследование выявляет, что "чем положительнее молодые люди оценивали свое раннее детское воспоминание, тем больше романтических партнеров они

имели в жизни" (Барышнева, 2016). Но этот факт никак не мешает авторам остаться при своём убеждении, поскольку они обращаются как раз к психоаналитическим "защитным механизмам", тем самым как бы ставя под сомнение всё сказанное тестируемыми личностями относительно их детства (то есть, проще говоря, воспоминания о хорошем детстве и хороших родителях объявляются попросту искажением памяти с целью избежать реальных травмирующих воспоминаний). Авторы просто и без зазрения пишут "Положительная оценка своего раннего детского воспоминания взаимосвязана с большим числом романтических партнеров. Большое количество партнеров при привлекательности раннего детского воспоминания также можно объяснить **механизмом психологической защиты**. И всё, тезис о связи между большим числом сексуальных и романтических партнёров с плохими родителями в детстве оказывается закрытым. То есть изначальная гипотеза не подтверждается, но мы просто спишем это на пресловутое **вытеснение**, и всё. Это восхитительно. В итоге у авторов сохраняется убеждение, что при хороших родителях в детстве у человека во взрослой жизни непременно будут только длительные "**серьёзные отношения**", хоть это и не подтверждается их же исследованием. И таким авторам присваивается степень магистра психологии. Так совершается эрзац науки под руководством методов психоанализа.

Видимо, ровно по этой же причине в современности

расплодилось великое множество психоаналитиков (какого студента-психолога нынче не встретишь, так обязательно из психоанализа) – потому что это учение не вызывает к построению сложных причинно-следственных связей и не требует никакой, даже мало-мальской верифицируемости. А вот зато обширной мифологией привлекает невероятно.

Из всего указанного важно понять, что 1) психоанализ – не наука, а учение, во многом основанное на вере, и что 2) доля разумного в этом подходе всё же есть, вот только доказать это чётко никакой возможности не имеется. Парадокс))) Но когда речь идёт о трактовке символического, никаких иных и однозначных подходов попросту не существует.

Поэтому важно понимать всю зыбкость психоаналитических построений, во многом недоказуемым и умозрительным. Ровно по этой же причине в основу данной работы преимущественно легли данные психофизиологии и общей психологии, а не собственно психоанализа. Иначе бы писать эту работу не было бы никакого смысла.

Описанная Фрейдом операциональная структура бессознательного с её механизмами сгущения и смещения, наглядно проявляющаяся в сновидениях, описках, оговорках, остротах и ошибочных действиях, уже обеспечила Фрейду пропуск в когорту величайших людей последних столетий.

Сгущение и смещение – два столпа в деятельности бес-

сознательного. Они имеют абсолютно аналогичные принципы в своей основе, что и языковые приёмы метафоры и метонимии. Различия между ними можно провести лишь в поле их деятельности – метафора и метонимия осуществляются в поле вербальной деятельности, тогда как сгущение и смещение являются их аналогами в поле невербальной (наглядно-образной) деятельности.

Всё это указывает на то, что в основе как вербальных, так и невербальных процессов лежат одни и те же психические механизмы. Но какова их природа? Как они формируются? Иными словами, как возникает бессознательное и его механизмы сгущения и смещения в психике человека?

При изучении данной темы порой создаётся впечатление, что многие авторы даже не задумываются над этим вопросом, словно полагая, что бессознательное попросту является неотъемлемой частью человеческой психики, данной от рождения.

Но мы знаем, что человеческая психика со всеми его свойствами – это не нечто врождённое, имманентное человеку изначально, а формирующееся в процессе индивидуального опыта с самых первых дней жизни ребёнка, с первых часов его взаимодействия с окружающей действительностью.

Сейчас мы и попробуем объяснить зарождение бессознательного.

6. Теория бессознательного

Вы помните, с чего мы начали данную главу о бессознательном?

Верно, с теории Пиаже об операциональной предметно-действенной природе человеческого интеллекта. Суть её заключается в том, что формирование первых мыслительных операций у ребёнка происходит исключительно как следствие его взаимодействия с предметами – переворачивания, переключивания, пересыпания и переливания. Все эти изначальные действия служат отправной точкой в развитии интеллекта ребёнка, его умения выносить какие бы то ни было суждения об окружающем мире.

Почему глава о бессознательном была начата с концепции Пиаже о развитии разума у ребёнка?

Наверное, кто-то уже и сообразил, почему так. Но сейчас уже можно пояснить более прямо.

В 1955-ом году американский психиатр итальянского происхождения Сильвано Ариети написал масштабный труд (без малого 700 страниц английского текста), в котором попытался вычислить определённые алгоритмы в работе безумия (Arieti, 1974). Его книга "Толкование шизофрении" в 1975-ом получила Национальную Книжную Премию США и по сей день считается одной из лучших работ о шизофре-

нии.

Название работы не зря созвучно с фрейдовским "Толкованием сновидений" – это было обусловлено тем, что рассматривая мышление психических "больных", Ариети пришёл к выводу об идентичности его особенностей с особенностями работы бессознательного, которые выявил Фрейд при анализе сновидений.

Здесь необходимо пояснить, что в мире, в принципе, существуют два подхода к пониманию шизофрении – медикаментозный (биологический) и психологический (он ещё с лёгкой руки Дэвида Купера называется "антипсихиатрией" – см. Власова, 2014).

К сожалению, в рамках данной работы невозможно описать все аргументы против биологической модели шизофрении, которая за более чем сто лет так и не выявила никаких органических изменений в мозге человека, которые бы приводили к возникновению шизофрении, и так до сих пор не нашла никаких медикаментозных методов лечения этого явления. Обнаружена лишь связь шизофрении с изменением межполушарного взаимодействия, отличающаяся от таковой у "здоровых" людей в норме (поскольку в разных функциональных состояниях это взаимодействие может изменяться и у "здоровых" людей, например, при алкогольном опьянении или при лунатизме), но причина же этого явления до сих пор так и не ясна.

Согласно психологической модели шизофрении, суть этого "заболевания" заключается в уходе человека в себя, в "схлопывании" его внутреннего мира по причине неприемлемости мира внешнего. В самых различных исследованиях, начиная с середины прошлого века, была установлена жёсткая связь между условиями жизни, эмоциональной атмосферой в семье, где растёт ребёнок, и вероятностью возникновения шизофрении. Накоплено колоссальное число данных, показывающих, что уровень шизофрении существенно выше среди бедных слоёв населения и среди представителей национальных меньшинств в разных регионах. Грубо говоря, шизофрения, с точки зрения психологического понимания, – это не что иное, как уход человека в мир своих представлений и фантазий от внешнего мира в связи с его невыносимыми для индивида условиями. Ещё в 1956-ом Бейтсоном, Вацлавиком и другими была разработана так называемая концепция "двойного послания", обозначающая ситуации, в которых человек получает противоположные по смыслу сигналы от окружения. К примеру, сначала мать говорит ребёнку сделать одно, а пока он это делает, у неё вдруг меняется настроение, и когда ребёнок предъясвляет ей результат её же задания, она только раздражается и кричит на него.

Существуют прямые и чёткие взаимосвязи (и это подтверждено в многочисленных исследованиях разных лет) между такими факторами, как уровень бедности и принадлежность к национальному меньшинству и распространён-

ностью шизофрении.

Также в неоднократных исследованиях было установлено, что уже в самой семье человека, впоследствии "заболевающего" шизофренией, витает атмосфера ненормальности, неадекватности с преобладающими эмоциональными пиками и негативными реакциями. Иными словами, шизофрения – это результат нарушения нормального межличностного общения.

С точки зрения психоанализа, шизофреник всего-навсего замыкается на своём собственном воображении с целью уйти от непонятного ему и неприятного внешнего мира. Таким образом, поведение шизофреника, его бред и его галлюцинации – это не что иное, как бессознательное, выплеснувшееся наружу. Надо отметить, что пресловутые бред и галлюцинации тоже поддаются толкованию, если к ним осуществлять подход, предложенный Фрейдом для толкования сновидений.

"... мы были бы в состоянии понять делирии душевнобольных и оценить их как информацию, если бы не предъявляли к ним тех же требований, что и к осознанному мышлению, а толковали их с помощью тех же приёмов, что и сновидения" (Фрейд, "Остроумие и его отношение к бессознательному", 2008. С. 202).

Для психоанализа разница между неврозом и психозом не качественная, а исключительно количественная.

Действительно очень жаль, что в рамках данной работы

нецелесообразно излагать все пункты психологического подхода к шизофрении, но для интересующихся можно порекомендовать работу целой группы психиатров самых разных частей света – книгу "Модели безумия" (Рид, Мошер, 2008). Эта работа является одной из немногих доступных русскоязычному читателю масштабных работ, где рассматривается возникновение шизофрении в свете нарушенного социального взаимодействия. Единственной альтернативой "Моделям безумия" является "Антипсихиатрия. Социальная теория и социальная практика" (Власова, 2014).

Главное сходство между мышлением шизофреника и работой сновидения, озвученное Ариети, заключается в том, что "как бессознательное, так и шизофренический разум могут воспринимать два или более объекта как идентичные, в случае, если эти объекты обладают некоторыми идентичными ассоциативными атрибутами" (*цит. по Филу Моллону, 2002*

К примеру, с точки зрения сновидения и "логики" шизофреника, справедливо следующее суждение: Билл – британец, премьер-министр Великобритании – тоже британец... Следовательно, Билл – это и есть премьер.

Как бессознательное, так и мышление при шизофрении признают два явления эквивалентными, абсолютно тождественными, если они обладают даже всего одной сходной чертой.

Для шизофреников типичны такие высказывания:

"Я люблю свободу. Швейцария любит свободу. Значит, я – Швейцария".

"Я – девственница. Дева Мария – девственница. Значит, я – Дева Мария"

Всё это аналогично тому, как в сновидении половой член может обозначаться любым другим продолговатым предметом. Или же, если говорить более цельно и здраво – в сновидении **любой** продолговатый предмет может быть тождественен **любому** другому продолговатому же предмету (*это упрёк классическому фрейдизму за чрезмерную акцентуацию на сексуально-генитальной теме, который любой продолговатый предмет склонен расценивать почти исключительно как символ пениса, а не, к примеру, поезда, на котором ты не очень хочешь куда-то ехать, а надо; не самолёта, на котором боишься завтра лететь; не хоккейной клюшки, если через неделю у тебя решающий матч, и ты очень волнуешься*

Или более курьёзный пример из психиатрической практики...

Доктор спрашивает шизофреника, почему тот прекратил играть на скрипке? Больной возмущается: что? Вы думаете, я соглашусь мастурбировать публично? (Segal, 1957).

Таким образом, что шизофренический "разум", что мышление бессознательного – оба эти явления в своей основе имеют метафорическое и метонимическое смещения.

Метафора и метонимия лежат в основе любого символиз-

ма.

Но где в онтогенезе человеческой особи мы впервые сталкиваемся с метонимией и метафорой? Где два этих явления **впервые** появляются на сцене человеческой психики?

Ошибкой будет полагать, что в школьном кружке литературы...

Не зря ведь тот же Ариети дал определение, согласно которому шизофрения – это прогрессирующий целенаправленный регресс, возникающий в связи со стремлением индивида избавиться от тревоги путём неосознаваемого, но всё же целенаправленного возврата на нижние уровни своей психики. То есть возврата на те уровни психики, которые властвовали на самых ранних этапах онтогенеза – к стадии детского мышления.

В общем, наверное, кто-то уже догадался, что впервые метафорический и метонимический переносы в суждениях и действиях человека встречаются на стадии допонятийного мышления ребёнка. Собственно, потому мы и начали эту главу о бессознательном с изложения сути исследований Жана Пиаже и гения отечественной психологии Льва Семёновича Выготского.

Исследуя развитие понятий у ребёнка, гений отечественной психологии обнаружил, что сначала мышление преодолевает ряд ступеней, каждая из которых характеризуется определённым способом обобщения воспринимаемых явлений. На одной из ступеней этого развития, которую Выгот-

ский окрестил **ассоциативной** (или **ядерной**), связь между предметами отслеживается на основании тождества хотя бы одного их признака. Вокруг предмета, используемого в эксперименте, ребёнок нагромождает целый ворох других предметов, но не случайным образом, а на основании сходства лишь некоторых или даже всего одного признака.

"...одни – на основании того, что они имеют тождественный с данным предметом цвет, другие – форму, третьи – размер, четвёртые – ещё какой-нибудь отличительный признак, бросающийся в глаза ребёнку" (Выготский, 2008. С. 212).

Ребёнок одним и тем же словом называет кошку, меховой воротник (потому что мягкий и пушистый, как кошка) и вилку (потому что царапается, как кошка) (Леонтьев, 2007. С. 380).

Выготский справедливо замечает, что данный тип мышления можно назвать комплексным, поскольку обобщение в нём производится на основании самых различных свойств предметов, в то время как при образовании понятия используется обобщение по одному признаку. Если в построении комплекса участвуют самые разные предметы, между отдельными из которых, взятыми через одно, казалось бы, нет ничего общего, то в построении понятия все объятые предметы имеют в своей основе что-то общее. К примеру,

образование понятия по признаку А приведёт к тому, что в это понятие будут входить пары АВ, АС, АД и т.д. Но при формировании допонятийного комплекса связь предметов будет проводиться по совершенно иному типу. В комплекс, ядром которого является АВ, будет входить АА (по сходству элемента А), ВВ (по сходству элемента В). Но в итоге, если изъять из комплекса его изначальное ядро (АВ), то мы обнаружим, что между оставшимися элементами и вовсе нет никакой связи (подробнее об этом см. Соболев, 2018). Это как в примере с кошкой, меховым воротником и вилкой – кошка является ядром комплекса, объединяя в себе воротник и вилку, но стоит нам убрать её из цепочки, как между воротником и вилкой уже будет невозможно найти что-то общее.

Выготский прямо указывает, что в основе комплекса лежат фактические связи, открываемые в **непосредственном опыте** (Выготский, 2008. С. 210).

Именно в ассоциативно-комплексном мышлении ребёнка и заложена основа метафоры в мышлении взрослого.

Но если метафора является приёмом, осуществляемым в поле **вербальной** деятельности, то ассоциативно-комплексное мышление осуществляется в **предметно-действенном** поле и является первичным в онтогенетическом плане в отношении всякой вербальной деятельности. Иными словами, тот способ, которым ребёнок в данный период своего развития производит всякую группировку и категоризацию, является основой известного нам языкового приёма мета-

форы, который в **сознательной** деятельности формируется несколько позже.

И действительно, мы можем указать человеку на его спящую свернувшуюся клубком кошку и спросить: *какой породы воротник?* И будет понятно, что это метафора. Но когда всё то же самое проделывает ребёнок, используя одно и то же слово для обозначения кошки и воротника, мы понимаем, что это не столько привычная нам метафора, сколько особенности его мышления.

Но ещё более интересно, что когда всё то же самое проделывает и человек с диагнозом шизофрении, мы уже совсем не склонны усматривать в этом метафору или какую-либо форму мышления, а с большей охотой и лёгкостью отнесём это явление к бреду умалишённого.

Сходство мышления малого ребёнка с мышлением бессознательного в сновидениях и с мышлением шизофреников – Фрейд был прав, когда называл сновидение маленьким психозом. И также был бы прав, если бы втиснул сюда и ребёнка.

Шизофреник и ребёнок в известном смысле схожи. Отличаются они лишь тем, что в своей регрессии шизофреник стремится к той точке, откуда стартует ребёнок, а ребёнок в своём прогрессе стремится к точке, откуда стартует шизофреник.

Исходя из стадий развития мышления ребёнка, мы видим, что исключительно собственный опыт и непосредственный контакт с предметами и возможность оперирования ими яв-

ляются первоосновой метафоры как в семантическом плане в целом, так и в вербальном в частности. Таким образом, метафорический перенос в онтогенезе особи человека впервые осуществляется в предметно-действенной сфере. Но и с течением времени он никуда не исчезает, а остаётся в глубинах психики (и даже ложится в основу многих последующих способов категоризации), откуда периодически и проявляется в вербальной сфере в виде общеизвестного языкового приёма метафоры и в сфере бессознательного и в сфере психотического мышления в виде процесса сгущения.

Понимание метафор детьми происходит уже с 5-6-летнего возраста, а к 11-12 годам понимаются уже почти все предьявляемые метафоры (Николаенко, 2005).

Но при изучении формирования детского мышления мы сталкиваемся, как можно уже понять, не только с первым проявлением метафоры, но и с первым же проявлением метонимии. Разумеется, поначалу она также проявляется в предметно-действенной сфере. (*Некоторые исследователи называют её ещё практической метонимией – см. Сериков, 2007*).

Метонимия встречается сразу в следующей же фазе развития комплексного мышления ребёнка (образуемые в этой фазе комплексы Выготский называл **комплексами-коллекциями**). В эксперименте к исходному элементу АВ ребёнок стремится добавить элементы CD и EF.

Выготский указывает, что ребёнок приходит к постро-

ению таких комплексов-коллекций, подбирая предметы в конкретные группы по признаку функционального дополнения – к примеру, стакан, блюдце и ложка образуют один из таких комплексов, чему учит ребёнка его наглядный опыт. Далее гений отечественной психологии резюмирует: комплекс-коллекция есть обобщение вещей на основе их соучастия в единой практической операции, на основе их функционального сотрудничества...

Именно данная вторая фаза в развитии комплексного мышления ребёнка является по своей сути прямым предшественником метонимии, в которой смысловое значение явления переносится на другое явление, с которым первое совпадает во времени или пространстве, либо по другому признаку (типа пресловутого функционального сотрудничества).

Но выражение метонимического переноса в мышлении ребёнка на этой фазе не заканчивается, а скорее только даже намечается, поскольку основное развитие его происходит в следующую фазу, которую Выготский окрестил фазой **цепного комплекса**

На данном этапе ребёнок выстраивает предметы в единую цепочку, где предмет 1 может быть сам по себе никак не связан с предметом 3, но зато по разным признакам оба они могут быть связаны с предметом 2.

В эксперименте принцип связи в цепном комплексе описывается так: к жёлтому треугольнику ребёнок выкладывает

ет несколько других угловатых фигур, затем, если вдруг последняя из них оказывается синяя, выкладывает рядом другие фигуры, которые также синие, но при этом они уже могут быть окружностями. Далее уже выкладываются фигуры с округлыми очертаниями, невзирая на цвет.

В схематическом виде фазу цепного комплекса можно описать следующим образом: АВ-АС-ВС-CD-DA-AB и т.д.

Таким образом, в цепном комплексе отсутствует некий структурный центр, поскольку каждый новый элемент, входящий в цепь на основании, казалось бы, всего одного единственного признака, входит в неё не с одним лишь этим признаком, но с целым рядом своих собственных признаков, любой из которых уже дальше может быть использован как отправная точка для последующих связей.

По этой причине в цепном комплексе отсутствует какая-либо иерархия. Стандартное логическое отношение общего к частному оказывается нарушенным, поскольку исходный элемент в итоге оказывается не общим для всех последующих, но даже сам может стать их частью. Можно взять за отправную точку любой из элементов цепи и раскручивать её в обоих направлениях – как вперёд, так и назад, значения это не имеет. Если изначально возьмём ВС и примемся раскладывать цепной комплекс на его основании, то уже скоро мы можем выделить из его "дочерних" элементов элемент DA и поймём, что с первичным ВС он связан совершенно опосредовано, что уже сложно сказать, является ли он его частью.

Особенно когда мы обнаружим, что цепной комплекс, берущий своё начало от DA дальше будет включать в себя и элемент BC, который поначалу мог казаться нам более общим во всей цепи. В итоге в цепном комплексе мы наблюдаем, как самым необычным образом нарушается отношение общего к части и части к общему.

Подытоживая насчёт данной фазы в развитии мышления ребёнка, Выготский прямо обозначает его существенную черту как "слияние общего и частного". Мы, в свою очередь, вспоминаем здесь такой тип метонимии, как **синекдоха**

Метонимический перенос при синекдохе осуществляется по типу связи "часть = целое" или "целое = часть".

Синекдоха идеально совпадает по своей сути с мышлением ребёнка в стадии цепного комплекса. Выготский приводит такой пример суждения ребёнка на основании цепного комплекса: ребёнок видит плавающую в пруду утку и называет её словом "ква". Потом этим "ква" он начинает называть вообще всякую жидкость (поскольку утка плавала в воде) – даже молоко в бутылочке он называет отныне "ква". Спустя какое-то время ребёнок видит монету с изображением орла – теперь и монеты получает название "ква" (поскольку орёл и утка относятся им в одну "птичью" категорию). Ну а затем уже по аналогии с монетой название "ква" получают и все прочие округлые предметы.

В данном примере практического цепного комплекса

имеются и метонимическая, и метафорическая связи. Но особенно интересен момент самого названия утки посредством слова "ква". Это слово возникает по аналогии с кряканьем утки, которое слышал ребёнок. Но дальше ведь он начинает использовать кряканье утки (часть) для обозначения самой утки (целое). И здесь мы опять видим синекдоху.

Подобным же образом происходит, когда ребёнок видит собаку, показывает на неё пальцем, оборачивается к маме и, то ли спрашивая, то ли обозначая, произносит довольное "Ав!"

Наблюдения за детьми дают нам основание полагать, что на одном из ранних этапов развития своего мышления они начинают подразумевать то или иное явление путём указания на какую-либо существенную его часть. В этом мы и обнаруживаем первейшую метонимию в онтогенезе особи, проявляющуюся в предметно-действенном поле, которая лишь годы спустя переберётся в поле вербальной деятельности.

То же самое и чуть раньше мы обнаруживаем и в отношении метафоры.

Оба эти явления формируются в ходе взаимодействия ребёнка с окружающей средой, в ходе манипулирования различными предметами как результат первых и весьма неумелых попыток обобщения на основании каких-либо признаков.

Именно эту точку мы и должны считать отправным мо-

ментом в возникновении механизмов метафорического и метонимического переносов в психике человека, откуда они потом перебираются в бессознательное, и к которым в последствии вновь регрессирует шизофренический "разум".

"... изменения личности и сознания действительности при шизофрении непосредственно вытекают из соскальзывания мышления со ступени понятий на ступень комплексов" (Выготский, 1981).

Первоначальное возникновение метафорического и метонимического переносов в предметно-действенной сфере описываются следующей схемой. *"Практическая метафора имеет место, когда партнёры по взаимодействию или объекты, с которыми мы имеем дело, воспринимаются на основе опыта обращения с другими людьми и вещами. Практическую метонимию можно понять как повторение действий, связанных в чьём-то личном опыте (или опыте культуры в целом) с похожими обстоятельствами. Практические метафора и метонимия работают не только в отношении отдельных предметов, людей и действий, но и в отношении ситуаций взаимодействия. Когда мы ориентируемся на ситуацию в целом и понимаем её как похожую на другую ситуацию, мы действуем и мыслим метафорически. Когда мы узнаём последовательность ситуаций и продолжаем её, мы действуем и мыслим метонимически" (Сериков, 2011).*

Об этом же говорит и Грегори Бейтсон, подчёркивая, что и известный механизм психоаналитического переноса (между аналитиком и пациентом) работает ровно по этой же схеме: *"Я прихожу к психоаналитику, к этому новому значимому другому, на которого я должен смотреть как на отца (или, может быть, на антиотца), поскольку имеет смысл лишь то, что воспринимается в определенном контексте. Это явление называется переносом и присутствует во всех человеческих отношениях. Оно присуще любым взаимодействиям между людьми – ведь, в конце концов, форма наших вчерашних взаимодействий сохраняется, проявляясь в форме наших сегодняшних взаимных реакций. Это формирование, в сущности, и есть перенос с предыдущего обучения"* (Бейтсон, 2009). Принцип "практической метонимии" и "практической метафоры" незаметно действует на протяжении всей нашей жизни: к примеру, сформированный в раннем детстве тип привязанности к матери (по Боулби) во взрослой жизни будет проявляться в аналогичном же способе установления связей с другими людьми (Hazan, Shaver, 1987) – это тоже, по сути, метафорический перенос в практическом поле.

Эти замечания позволяют понять, какой огромный потенциал познания скрывается за механизмами метафорического и метонимического переносов (Николаенко, 2005) – ни много ни мало они определяют нашу жизнь.

"В этом постоянном переносе проявляется не только гибкость человеческого разума – такой перенос необходим для постижения действительности" (Николаенко, 2005).

(Но здесь надо заметить, что в метафоре имеются и существенные минусы, которые особенно наглядно проявляют себя при строго научном познании действительности – подробнее об этом см. Соболев, 2018).

Тот факт, что механизмы сгущения и смещения не присущи бессознательному изначально, а постигаются именно в ходе специфических обобщений **личного опыта**, проскакивает уже у самого Фрейда, только весьма косвенным образом – а это может означать, что он и сам этого не понимал. Он лишь утверждал, что детям сняться всегда почти "прямые" сны – в них всё предельно ясно и ничто не требует дешифровки, поскольку ничего ещё не закодировано.

Если ребёнок видел днём купленную родителями вишню, но ему запретили её есть, то ночью ему конкретно снится, как он поедает желанную вишню. Всё прямо и чётко.

Взрослому в таком случае бы приснилось сновидение, как он с восторгом рассекает по ночному городу на 9-ой модели "ВАЗ", а вдоль дорог стоят вереницы женщин, желающих с ним прокатиться, кто-то из них и вовсе почти раздет – в одних лишь ночнушках.

Почему именно 9-я модель "ВАЗ"? Да потому что на заре капитализма в 93-м этот мужчина с радостью выплясывал

с девчонками на дискотеках под песню "Вишнёвая девятка" группы "Комбинация".

9-я модель "ВАЗ" – "Вишнёвая девятка" – вишни, которые ему не удалось попробовать минувшим днём.

Женщины вдоль дорог – девушки, с которыми он отплясывал годы назад под "Вишнёвую девятку".

Ночнушки – группа "Комбинация" (в те годы женская ночнушка называлась "комбинацией" или просто "комбинашкой").

Тогда даже ходила шутка на тему "текстильного" названия этой девичьей группы: "Комбинация" и Иосиф Кобзон объединяются в группу "Комбинезон".

То есть всего лишь нереализованное желание отведать вишен, привело к формированию такого забавного сновидения, в котором проявляется и сгущение, и смещение, и прочая абракадабра. И сравните всё это с простым, как деревенская женщина, сновидением ребёнка – разница колоссальная. И есть она потому, что психике ребёнка ещё неизвестна стадия комплексного мышления с её механизмами метафоры и метонимии – именно в силу этого бессознательному пока и недоступны сгущение и смещение.

Но не стоит забывать и о втором факторе в формировании сновидения, помимо его механизмов, – это средства. То есть образы и понятия.

В голове взрослого образов, полученных наглядным путём из жизни, невероятное множество, а потому сравнить

всё тот же половой член он сможет с гораздо большим числом предметов, чего никак не скажешь о ребёнке, который дальше аналогии с морковкой или палочкой эскимо вряд ли продвинется.

Таким образом, для формирования "типичного" сновидения требуются не только механизмы (сгущение и смещение), но и средства – предметы из жизни, багаж наглядного жизненного опыта. Это, кстати, говорит о том, что сновидения Анатолия Вассермана должны быть более сложными и насыщенными образами, чем сновидения плотника из села Шушенское.

Именно отсутствием **средств сновидения** объясняется и отсутствие визуальных сновидений у слепых от рождения людей (Налчаджян, 2004). Сновидения таких людей состоят из тех образов, которые они могли почерпнуть прочими функционирующими органами чувств – тактильные образы, обонятельные и слуховые.

Здесь мы можем и должны сказать, что бессознательное в известной степени индивидуально. Если брать средства бессознательного (образы), то это, безусловно, понятно сразу. Но, по всей видимости, это мы можем сказать и о его механизмах.

Суть вот в чём.

Согласно представленным выше данным, бессознательное – это не нечто загадочное, как считают некоторые исследова-

тели (особенно юнгианцы), не какая-то метафизическая terra incognita. Бессознательное – это психика ребёнка со всеми её мыслительными категориями, которыми она овладевает **до определённого возраста**

Гипотеза о том, что созревание мозолистого тела, происходящее в мозге ребёнка примерно до 10 лет, является причиной возникающей функциональной асимметрии полушарий и, по сути, блокирует в правом полушарии те навыки, которые оно приобрело к тому моменту, кажется очень привлекательной. Она объясняет, каким именно образом в психике человека оказывается "заперт" ребёнок. Дальнейшее развитие высших психических функций (речь, сознание, формальная логика) происходит уже только в левом полушарии, тогда как в плане мышления навыки правого полушария остаются на уровне ребёнка. Развивается лишь специализация на функциях пространственного ориентирования и восприятия контекстуальной информации.

Вспомните 16-летнего Пола – испытуемого Газзаниги. Вспомните, как на вопрос, кем он хочет стать, сознающее левое полушарие ответило "чертёжником", а правое – "автогонщиком". Не кажется ли этот ответ инфантильным? Безусловно, это так. Равносильно как если бы правое полушарие взрослого гражданина СССР утверждало, что хочет быть космонавтом.

Левое полушарие 16-летнего паренька даёт уже в значительной степени "взрослый" ответ, социализированный, со-

ответствующий имеющимся жизненным реалиям, тогда как правое полушарие всё ещё одержимо детскими фантазиями на тему машин и автогонок. Рита Картер упоминает о женщине с "расщеплённым" мозгом, левая рука которой ежедневно мешала собираться на работу, так как выхватывала из шкафа совсем не ту одежду, которую планировала сама хозяйка (Картер, 2014). Что характерно, одежда, которую выбирала левая рука, обычно была более броской, ярче, чем та, которую женщина выбирала сознательно, что вновь отсылает нас к концепции инфантильного в бессознательном.

Выготский и Пиаже отмечали, как ребёнок, будучи не в силах логически объяснить что-либо в воспринимаемых им явлениях, обычно просто склоняется к перечислению признаков самого явления, тем самым давая знать, что в его понимании этого достаточно для того, чтобы "всё понять".

– Почему трава зелёная?

– Потому что она растёт...

– А почему солнце жёлтое?

– Потому что высоко...

То же самое гений отечественной психологии указывал и относительно попыток ребёнка дать объяснение названию любого явления.

"Корова называется "корова", потому что у неё рога, "теленочек" – потому что у него рога ещё маленькие, "лошадё" – потому что у неё нет рогов, "собака" – потому что у неё нет рогов и она маленькая, "автомобиль" – потому что он

совсем не животное" (Выготский, 2008).

В мышлении ребёнка название предмета намертво прикреплено к самому предмету. Если спросить у него, можно ли переименовать предмет, дать ему другое название, он отвечает категорическое "нет", потому что название – это одно из собственных и неотъемлемых свойств явления, как и его внешний вид, запах, вес и т.д. В понимании ребёнка, корову никак нельзя назвать чернилами, а чернила – коровой. Всё потому, что чернилами пишут, а корова даёт молоко. Ребёнок ещё не понимает всей условности названия и его обособленности от самого предмета. И всё это удивительным образом совпадает с теми ответами, которые даёт правое полушарие при сходных же вопросах. Ещё в 60-е советские исследователи (В. Л. Деглин и Л. Я. Балонов) показали, что при блокировании (с помощью односторонней электросудорожной терапии) правого полушария левое превосходным образом отвечало на все задаваемые вопросы, логика, как и следовало ожидать, присутствовала в рассуждениях. Но когда блокировали левое полушарие, и отвечать могло только правое, ответы его оказывались очень интересными...

Правое полушарие спрашивают "Почему солнце называется солнцем?" И получают ответ "Потому, что оно светит" или "Потому, что оно яркое".

Правое полушарие спрашивают "Почему хлеб называется хлебом?" И получают ответ "Потому, что он вкусный" или "Потому, что он мягкий"...

Ответы что-то напоминают, верно?

Когда у правого полушария спрашивали, можно ли давать предметам другие названия, оно непременно давало отрицательный ответ. Предмет нельзя назвать никак иначе, кроме как таким образом, как он уже называется. В то время как при нормально функционирующем левом полушарии пациенты утверждали, что названия предметов – чистая условность, и их можно менять, как угодно (Черниговская, 2001).

Таким образом, и в понимании правым полушарием явлений окружающей действительности (в том числе и отношение к названиям предметов) мы вновь наблюдаем исключительно "детское" объяснение сути вещей. "Детское" отношение в осмыслении действительности. "Детское", потому что оставшееся на уровне допонятийного мышления.

Разумеется, факт значительного присутствия инфантильных особенностей в работе бессознательного отмечал ещё сам Фрейд, наиболее явно это проявляется при остроумии. Изучая принцип формирования острот, Фрейд подмечал, что "мышление на мгновение переносится на детскую ступень". В связи с этим он прямо говорил: *"Инфантильное – источник бессознательного [...] Особая бессознательная обработка – не что иное, как инфантильный тип мыслительной деятельности"* (Фрейд, 2008b. С. 201).

Концепция "ребёнка внутри нас" может послужить хорошим подспорьем в развитии многих тезисов научной психологии: особенно когда речь идёт о тех моментах психики и

поведения человека, которые современной наукой считаются врождёнными, но в действительности же могут быть объяснены исключительно как результат специфических условий первичных стадий онтогенеза, которые человек просто не способен помнить. К примеру, в трудах Юнга мы находим утверждение, согласно которому, по крайней мере, некоторые структуры бессознательного не формируются в ходе онтогенеза, а наследуются генетически из поколения в поколение (Юнг, 1991). Но, во-первых, этому до сих пор нет никаких однозначных и вразумительных подтверждений; а во-вторых, это противоречит многому тому, что мы изложили выше: и структуры, и средства бессознательного формируются в ходе опыта, в этом вся суть. Лакан был прав, говоря, что бессознательное устроено, как язык. Но язык усваивается ребёнком прижизненно.

Но давайте задумаемся вот над чем...

В первой главе мы упоминали о том, что индивидуальный опыт и степень насыщенности среды стимулами влияет на дальнейшее развитие мозга. Это всё отлично согласуется с операциональной концепцией развития интеллекта Пиаже, суть которой в том, что ребёнок из начальных действий с предметами извлекает первооснову для своих логических структур. Переворачивая предметы, передвигая, вставляя их друг в друга, ребёнок отслеживает результаты своих действий, которые постепенно в ходе многократных манипуля-

ций формируют в его представлении определённую картину о соотношении размеров и массы предметов, об изменчивости-постоянстве их характеристик в процессе взаимодействия и преобразования. Именно эти первоначальные элементарные манипуляции с предметами и становятся основой для развития дальнейшей мыслительной деятельности ребёнка, для формирования его логики.

Операции, изначально совершаемые только вовне, постепенно переходят во внутренний план и становятся операциями, совершаемыми в уме. Так формируется мышление – путём интериоризации.

Если мы представим себе ребёнка, который с самого рождения и до подросткового возраста содержался в совершенно пустой комнате с белыми стенами и не имел никакого контакта не только с взрослыми, но и даже с какими-либо предметами типа кубиков или шариков, то мы можем быть абсолютно уверены, что в 16 лет уровень его интеллекта ничуть не превосходит таковой у новорожденного агукающего карапуза.

Тут всё верно. Потому активное взаимодействие с предметами окружающей действительности, безусловно, является первоосновой в развитии интеллекта. Но у Пиаже в его теории был один момент: он считал, что сначала в мозгу ребёнка происходит некоторое биологическое созревание, которое затем и делает возможным усвоение определённого обучения.

То есть, по Пиаже, лишь некое спонтанное, биологически обусловленное, изменение в структуре мозга определяет дальнейшее развитие интеллекта ребёнка. Сначала происходит это гипотетическое созревание мозга, а уже затем делается возможным усвоить какое-то обучение. Якобы происходящее развитие делает возможным обучение.

На самом деле это был очень пикантный и сомнительный момент в подходе Женевской школы к развитию интеллекта. С прямо противоположным подходом выступила наша доблестная Московская школа, которая заявила, что именно обучение (опыт) производит всякое развитие.

"Развитие возможно лишь в том случае, если происходит учение и научение" (Гальперин, Эльконин, 1967).

Если выразить всю суть позиций в противостоянии Московской и Женевской школ в вопросе о принципах зарождения и развития интеллекта в нескольких словах, то она выглядела бы так:

Женева: обучение происходит в силу развития психики.

Москва: развитие психики происходит в силу обучения.

Но на одних лишь утверждениях "москвичи" не остановились, а принялись решительно доказывать правоту своих взглядов в экспериментах, в ходе которых было показано, что "простое созревание не ведёт к возникновению новых психических функций" (Запорожец, 2000. С. 61).

В своих работах Пиаже активно пропагандировал строгую стадильность в развитии интеллекта ребёнка. Он постоян-

но обозначал, что такая-то стадия мышления свойственна приблизительно такому-то возрасту, такая-то стадия – такому-то возрасту. Эта любовь к неперемennomу обозначению возраста прямо вытекала из его убеждения, что развитие происходит в силу биологических причин, а потому должно происходить приблизительно в одинаковом возрасте у всех детей.

У Выготского, который мастерски вступил в противостояние с мощной теорией Пиаже ещё 80 лет назад, тоже была своя концепция стадий развития интеллекта. Правда, знакомясь с ней, вы не встретите тут и там разбросанных привязок к возрасту детей – всё потому, что согласно его воззрениям, стадия не привязана к возрасту, а зависит всецело от имеющегося опыта индивида.

Чтобы доказать верность своей точки зрения, "москвичи" провели ряд тщательно продуманных экспериментов (Бильчугов, 1979; Гальперин, Георгиев, 1961; Обухова, 1972; Филиппова, 1976), в ходе которых удалось доказать, что даже у детей более раннего возраста можно сформировать такие мыслительные операции, возникновение которых Пиаже считал возможным лишь в более позднем возрасте. Так, аспирантке Гальперина удалось по особой методике своего руководителя (метод поэтапного формирования умственных действий) сформировать понятия о принадлежности к классу и о соотношении классов в иерархической системе у детей 6-7 лет, тогда как, согласно убеждениям Пиаже, послед-

няя операция осваивалась детьми только к 13-14 годам (Тепленькая, 2001).

"У нескольких поколений отечественных психологов формировалось представление, что Выготский разбил "наголову" концепцию Пиаже" (Обухова, Бурменская, 2001).

В общем, Московской школе удалось доказать, что развитие мыслительных способностей зависит не от каких-то гипотетических биологических факторов созревания мозговых структур, но зависит от опыта. И если этот обучающий опыт представить ребёнку должным образом структурированным, то его умственное развитие будет происходить много быстрее, нежели если бы этот опыт приобретался ребёнком совершенно самостоятельно стихийным образом метода проб и ошибок.

Иными словами, если ребёнка целенаправленно и грамотно обучать, то его развитие, естественно, ускорится.

Но к чему мы это всё?

Да к тому, что если у некоторых детей, чей опыт превосходным образом структурирован, уже в раннем возрасте могут сформироваться такие типы мышления, какие у большинства появятся лишь позже, то означает ли это, что и бессознательное такого ребёнка будет в своём арсенале иметь уже не те примитивные мыслительные операции, свойственные основной массе людей, но и более зрелые категории?

Если мы полагаем, что операциональная структура бессознательного активно формируется приблизительно до 10-летнего возраста (в связи с созреванием мозолистого тела), то значит ли это, что у тех детей, чьи интеллектуальные категории к этому времени ушли несколько вперёд, бессознательное также будет оперировать и этими категориями?

Или, говоря проще, может ли случиться так, что у одних людей бессознательное "умнее", чем у других? Может ли бессознательное одних проделывать такие операции, которые были бы не под силу бессознательному других?

По идее, нет никаких причин, которые бы мешали нам ответить утвердительно.

В силу того, что мы полагаем, что активное формирование операциональной структуры бессознательного заканчивается в раннем школьном возрасте, а может, и чуть раньше, то мы вполне должны допускать, что любые качественные изменения в мышлении ребёнка в течение этого периода также переходят в операциональную структуру бессознательного.

В принципе, именно таким допущением можно объяснить те некоторые случаи, с которыми сталкивались разные исследовательские группы при изучении людей с расщеплённым мозгом, когда вдруг обнаруживалось, что правое полушарие какого-либо испытуемого выполняло задания не по той же привычной схеме, что у других, но на ином уровне (когда данные исследований Зайделя расходились с данными Леви, и когда в рамках одного и того же исследования, но

у разных испытуемых демонстрировались разные способности полушарий).

Всё это в итоге вносило определённую сумятицу в обобщающие выводы исследователей – одни данные говорили о том, что правое полушарие способно лишь на то и на это, а другие данные говорили, что оно вот на то способно плохо, на это ещё хуже, а вот хорошо только на это. А ведь вся дилемма могла заключаться в том, что попросту исследовались правые полушария разных людей с разным опытом в раннем детстве. Именно этот опыт и приводил к формированию в чём-то уникальных правых полушарий с уникальным набором способностей.

Да, у большинства людей формирование интеллекта в детстве происходит преимущественно стихийно – в результате самостоятельного и непоследовательного контакта с предметами. Но у некоторых данный опыт может быть изначально более удобным образом структурирован, упорядочен, особенно в тех случаях, когда с формирующейся психикой ребёнка целенаправленно занимаются по специальным методикам взрослые. Тогда между суждениями детей из этих двух групп мы сможем обнаружить бездну. Ну а если не бездну, то хотя бы глубокий ров. Но вот именно этот ров мы и будем обнаруживать в мыслительных способностях правых полушарий уже взрослых людей.

Наверняка и то, что наблюдавшееся в случае с 16-летним пациентом Газзаниги Полом преимущественно негативное

эмоциональное состояние правого полушария также является индивидуальным явлением, зависящим от эмоциональной среды внутри семьи, в которой происходил ранний онтогенез "правого полушария".

Да, известно, что наиболее часто в правом полушарии исследователями регистрируются именно негативные эмоции. Но с позиции, озвученной выше, это может говорить в первую очередь о недостаточно качественном и позитивном контакте с родителями в первые годы жизни ребёнка. К примеру, выше уже упоминалось, что после пробуждения левое полушарие "включается" постепенно, а правое же функционирует вполне активно (поскольку, вероятно, оно и занимается генерацией сновидений в период сна). Так вот если обратить внимание, то просыпающихся людей можно поделить на две категории : те, кто отчётливо напряжён, насторожен, раздражён, возможно, даже агрессивен, и те, кто начинают улыбаться, едва только откроют глаза. Причём, скорее всего, вторых гораздо меньше, чем первых. Так вот если предположение о том, что в правом полушарии "консервируются" и эмоции детства, то аффективные аспекты пробуждения конкретного человека могут указывать на то, какими складывались его отношения с родителями в первые годы жизни. Это неоднозначное, зыбкое предположение, но оно весьма интересно.

Таким образом, операциональные характеристики правого полушария (и, видимо, бессознательного в целом) не являются общей внутривидовой категорией, но во многом определяются индивидуальными особенностями раннего онтогенеза. Безусловно, есть всё же масса характеристик, присущих чрезвычайно большому большинству человек в силу того, что в их раннем развитии также присутствовали чрезвычайно схожие условия – в частности, это пресловутое комплексное мышление, навечно оседающее в правом полушарии в виде метафоры и метонимии, потому что опыт взаимодействия с предметами окружающей действительности почти у всех детей не систематизирован преднамеренно взрослыми, а проходит стихийно, что приводит к более медленному развитию высших мыслительных категорий, чем возможно.

В общем-то, мы не делаем большого открытия, когда утверждаем, что формирование мышления большинства детей является процессом стихийным и почти никак не направляемым взрослыми. Вмешательство родителей весьма случайно представлено в этом процессе – лишь редкие единицы из них целенаправленно занимаются с детьми по специальным методикам с целью ускоренного развития их интеллекта. Почти каждый ребёнок вынужден открывать для себя мир сам – с самого начала и "методом тыка". Для большинства родителей разум является чем-то само собой разумеющимся и развивающимся самым естественным образом. Что уж говорить о тех, кто и вовсе считает, что эта высшая

психическая функция передаётся по наследству.

Можно сказать, что каждый ребёнок открывает для себя этот мир по-новому – с самых основ, с первых тактильных ощущений, в прямом смысле наощупь.

Каждый новый ребёнок... Сотни тысяч детей каждый день... Снова и снова...

Это поистине грандиозно.

"... не существует единого и направленного пути развития человеческого мышления, по которому оно шло бы в процессе онтогенеза; более вероятно, что определенные виды деятельности формируют различные типы мышления, пригодного для создания и восприятия определенных типов культурных текстов" (Черниговская, Деглин, 1986).

Уже несколько десятилетий ведётся дискуссия на тему зависимости работы полушарий и комиссур мозга от пола. В итоге то поступают данные о том, что у женщин мозолистое тело толще, чем у мужчин (de Lacoste-Utamsing & Holloway, 1982), то, наоборот, поступают данные, что у мужчин мозолистое тело толще (Bishop & Wahlsten, 1997). Но можно полагать, что размеры и функционирование мозолистого тела и даже полушарий мозга у каждого человека могут быть в значительной степени индивидуальны, поскольку их формирование происходит под влиянием индивидуального же опыта. Грубо говоря, сколько опыт людей имеет между собой обще-

го, столько же общего будет обнаруживаться и в структуре их мозга; и сколько различного будет обнаруживаться в опыте людей, столько различного будет обнаруживаться и в структуре мозга.

Тот факт, что даже мозолистое тело может меняться под воздействием индивидуального опыта, подтверждается исследованиями ряда авторов. Так, изучение мозга профессиональных музыкантов показало, что мозолистое тело у них больше, чем у обычных людей (Shin, Kim, e.a., 2005).

Всё это говорит о том, что не имеет **никакого** смысла изучать морфологию мозга и объявлять её действующей причиной для каких-либо явлений – потому что на самом деле это всего-навсего следствие этих самых явлений.

Всё дело в опыте – схожем или уникальном.

"Не существует двух одинаковых мозгов. Даже идентичные клоны таких простых организмов, как водяная блоха, выращенные в одинаковой среде, имеют разные паттерны нейронных связей. Поэтому карта одного мозга не применима напрямую к другому мозгу" (Худ, 2015).

Если не учитывать этого каузального подхода в изучении мозга, то легко впасть в заблуждение, как это и делают современные исследователи, прибегая к индукции в своих выводах. Изучая мозг женщин горного села, пасущих овец, мы будем приходить к выводу, что у **всех женщин** мозолистое те-

ло одно, а изучая мозг женщин из амазонских джунглей, промысляющих охотой, приходится к выводу, что у **всех женщин** мозолистое тело – совсем другое. Но на деле же в первом случае это будет справедливым лишь для мозга женщин из горного села, а во втором случае – для мозга женщин-охотниц из джунглей.

Индивидуальный опыт – вот единственное справедливое и адекватное мерило не только для структур мозга, но и, как мы можем полагать, для функционирования бессознательного каждого человека. Но даже если мы и допускаем, что у некоторых людей в операциональном арсенале бессознательного могут иметься такие развитые категории мышления, которых нет у большинства, то это не значит, что бессознательное таких людей мыслит **только** на уровне таких категорий. По всей видимости, в бессознательном могут сосуществовать одновременно все типы мышления – как архаичные, так и более продвинутые, но главное, чтобы они все имелись в голове ребёнка на момент формирования межполушарной асимметрии.

Ещё Выготский отмечал, что в мышлении каждого человека присутствуют все типы мышления, которые он преодолевал на своём онтогенетическом пути – даже в голове академика вполне могут проскакать синкретические суждения, свойственные детскому возрасту (подробнее об этом: Соболев, 2018). Это указывает на то, что психика человека действительно имеет несколько уровней мышления, которые

не уничтожают один другой, становясь на его место в ходе развития, но продолжают сосуществовать бок о бок друг с другом.

После многих лет исследований Запорожец А. В. пришёл к выводу именно об этом – о непременно многоуровневом строении человеческой психики, каждый из которых формируется в ходе опыта в разные возрастные промежутки. Это привело к необходимости рассматривать личность зрелого человека как *"сложную иерархическую систему соподчиненных, надстраивающихся друг над другом планов, или уровней"*, хорошо описываемых метафорой здания, состоящего из ряда надстраивающихся друг над другом этажей.

"Можно полагать, что в развитой форме у взрослого человека такая многоуровневая, "многоэтажная" система функционирует как единое целое и при решении сложных практических или умственных задач требуется согласованная работа всех психофизиологических механизмов, осуществляющих преобразование получаемой информации на всех уровнях, на всех "этажах" этой системы.

В ходе развития ребёнка отдельные уровни подобного рода системы формируются поэтапно, один за другим, и хотя при возникновении более высокого уровня деятельности нижележащие уровни видоизменяются, проходят путь дальнейшего развития, подчиняясь высшему контролю, они не теряют своего значения, выполняя подспудную роль в об-

щей системе ориентации и регуляции осмысленной деятельности" (Запорожец, 2000. С. 64).

*"Истоки вербального мышления выводятся из культуры, а не из биологии, и считается, что мышление соответствует определенным видам деятельности. Ожидается (и подтверждается экспериментально) **сосуществование у взрослого человека разных типов мышления**, проявляемых в различных обстоятельствах [...]. В этой связи следует вспомнить идеи Л.С. Выготского и позже А.Р. Лурия, согласно которым соответствующие функциональные структуры мозга формируются прижизненно под воздействием культуры."* (Черниговская, Деглин, 1986).

"Ребёнок внутри нас", ребёнок "запертый" в нашей психике – это многообещающая концепция, используя которую можно объяснить очень многое, по сей день остающееся необъяснённым без каких-либо отсылок на некие врождённые особенности, на биологию.

(К примеру, как можно будет увидеть в дальнейшем, с помощью этой концепции можно объяснить даже возникновение сексуального влечения в онтогенезе конкретного человека и показать, что даже такой, казалось бы, "базовый" аспект поведения не является у Homo sapiens генетически детерминированным. Данный вопрос будет раскрыт в гото-

взящейся работе *Соболев П. Ю. "Миф моногамии, семьи и мужчины"*).

Словарный запас правого полушария, как мы упоминали, ограничен, как словарный запас ребёнка примерно 10-ти лет. Это напрямую сказывается и на формировании сновидений, когда там фигурирует слово, которое правому полушарию, по всей видимости, неизвестно.

Фрейд в "Толковании сновидений" упоминает историю о том, как Александр Македонский осаждал Тир. Осада была тяжёлой, жители города оборонялись очень умело. Македонский был раздосадован. Но в одну из ночей ему снится сон, где он видит пляшущего на его щите сатира. Ловкий толкователь сновидений Аристандр объяснил ему значение сна, после чего Македонский снова штурмует город, и на этот раз успешно.

Слово "сатир" (satyros), при разложении дало "Sa Tyros" – "Тир твой".

Это и придало завоевателю веры в свои старания.

Таким образом, бессознательным Македонского была взята фраза, слышанная им в бодрствовании (или это была просто его мысль), "Тир твой" (Sa Tyros) и сжата (произведено сгущение) в одно слово "satyros", что и вылилось в образ сатира.

В свете концепции "ребёнок внутри нас" мы можем видеть на примере этого сновидения идентичный процесс, который

мы наблюдаем и у детей, когда они сталкиваются с неизвестными им словами.

Корней Чуковский в своей книге заметок описывал суждения детей о явлениях, названия которых им незнакомы (Чуковский, 2001).

Маленькой девочке сказали, что у неё на наволочке **ржавчина**, на что она ответила "Наверное, это мне лошадка **наржала**".

В другом случае слово "**всадник**", в понимании ребёнка, означает человека, который находится **ву**.

Слово "**лодырь**" означает человека, который делает **лодки**.

Слово "**богадельня**" – место, где **бога** делают.

То есть мы можем видеть, как дети по причине незнания слова просто берут знакомую его часть (корень) и преобразуют в известное им слово с тем же корнем.

Можно то же самое утверждать и о сновидении Македонского – его бессознательное не знало слово "Тир". В его арсенале не было образа, который бы мог обозначить такое слово визуально. Потому в своём архиве бессознательное и нашло образ, который содержал хотя бы идентичный с "Тиром" корень – "саТир".

Ведь и ребёнку, который не знает слова "всадник" с огромной вероятностью приснится именно сад с гуляющим в нём человеком.

Из всего этого, между прочим, следует, что если и словарный запас бессознательного формируется лишь в раннем детстве, то все остальные слова, поступающие в него в дальнейшем, претерпевают изменения по той причине, что их значение ему **неизвестно**. А не потому, что оно **намеренно** искажает их суть, чтобы представить в сновидении в зашифрованном виде. То есть данное предположение наносит (уже не первый, а всего лишь очередной) удар по гипотезе Фрейда насчёт того, что сновидение именно **целенаправленно** искажает суть скрытого мыслительного процесса.

Исследования показывают, что при изучении нового (позднего) языка задействуется левое полушарие, где этот язык и оказывается локализован (Черниговская, 2013. С. 251-261), тогда как родной язык локализован в целом в обоих полушариях. Исходя из этого, вероятно, что знакомство с **новыми** словами на **родном** языке будет происходить по схеме изучения **иностранного** языка, то есть эти новые слова родного языка также будут локализоваться в левом полушарии. По этой причине все **новые** слова будут в бессознательном подлежать дроблению – неизвестное "портал" во сне будет изображено как морской порт алого цвета ("порт + ал") или же сгущению (неизвестное "карательный" во сне будет изображено в виде деревянного человека – "кора" + "тело", поскольку на слух "карательный" не отличается от "корательный"), то есть разбиваться в правом по-

лушарии на те слова, что могли быть знакомы индивиду в возрасте до 10 лет.

Это говорит о том, что бессознательное в сновидении при формировании странного непонятного образа далеко не всегда производит какую-либо "кодировку", если понимать под этим некий целенаправленный процесс с целью **скрыть** некий тайный смысл. Но, вероятно, оно всего лишь "говорит" на **известном** ему языке. Просто у него нет другой возможности, потому как оно не знает многих слов, поступающих к нему после определённого возраста (когда окончательно созревает мозолистое тело и происходит окончательное функциональное разделение полушарий).

Равно так, как поступают дети.

В ранней речи детей мы также встречаем и первый прообраз сгущения, когда ребёнок комбинирует новое слово, пытаясь объединить в нём известное свойство предмета и его непривычное название. Так, в слове "мокресс" ребёнок объединяет "мокрый компресс". В слове "мазелин" объединяет "мазать вазелин".

В слове "самолётчик" ребёнок объединяет "самолёт" и "лётчик", в слове "колоток" – "колотить" и "молоток", в слове "наниткивать" объединяет "нанизывать нить", а в слове "улицционер" объединяется "улица" и "милиционер" (Лурия, 2006).

Всё это не что иное, как образцы психоаналитического

сгущения, впервые проявляющиеся в поле ранней вербальной деятельности ребёнка.

Таким образом, анализ многих известных фактов о бессознательном и фактов о мышлении ребёнка с чрезвычайной настойчивостью толкает нас к мысли, что и первое, и второе – это одно и то же. Одно явление, попросту имеющее два названия.

В известных пределах бессознательное – это понятийный аппарат ребёнка в чистом виде.

Ребёнок, сформировавшийся в нас когда-то, никуда не исчезает, а остаётся навсегда в глубинах нашей психики. И детские потребности никуда не исчезают, но лишь обрастают социальными установками разных сортов и сложностей, вследствие чего они претерпевают изменения, перенаправляются в другие русла деятельности, но эти изменения лишь кажущиеся, лишь внешние, суть же их остаётся прежней.

Впервые о концепции "ребёнок внутри нас" я задумался тогда, когда решил вырваться из оков собственной стеснительности и нерешительности и начал активно общаться с людьми (было это ещё классе в девятом школы). Множество встреч с самым разным контингентом, шутки, смех, серьёзные разговоры – так получилось, что с детства у меня была неплохо развита наблюдательность. А тут она как-то сама невольно была направлена на людей – внимательно смотрел на движения своих собеседников, на манеру речи, её экс-

прессию и мимику лица. Иными словами, сканировал их по самым разным параметрам в одну секунду времени.

Изначально вся эта затея преследовала собой одну единственную цель – в каждом отдельном случае выяснить, как проходит мой контакт с человеком. Расслабился ли собеседник, верит ли мне, располагаю ли я его к себе (думаю, данная цель станет особенно понятна, когда скажу, что почти все эти встречи происходили с женской половиной, с которой до этого в своей жизни я общался очень вскользь, поверхностно, а потом решил наверстать упущенное). Так я стал приглядываться к невербальным способам передачи информации. Постепенно научался определять что-либо по улыбке, по интонации голоса, расположению рук относительно тела и прочему вороху деталей.

Со временем всё это действительно стало сообщать мне гораздо больше, чем можно передать словами. Очень быстро я начал улавливать некие общие характерные признаки того или иного эмоционального состояния собеседника. Я научился без труда определять, как ко мне относится конкретно взятый человек.

Но на этом всё не остановилось. Во многих случаях так получалось, что отношение людей ко мне становилось чрезвычайно доверительным, что естественным образом сказывалось и на содержании разговоров – очень часто люди принимались рассказывать о своей жизни такие вещи, которые не рассказывали даже своим повседневным друзьям. Откры-

вали мне душу. Они сами потом в этом признавались.

Дальше я вдруг стал прослеживать определённые параллели между рассказами людей об их жизни (и в особенности о периоде их детства) и их поведением в настоящем, зрелом возрасте. В какой-то период я вдруг стал понимать, что вот этот элемент в поведении собеседника очень логично связан с конкретным событием из его детства – обычно это было то или иное отношение к нему со стороны его родителей.

Дальше – больше.

Общаясь с всё новыми людьми, я вдруг словно научился видеть в манерах каждого из них, во всей совокупности элементов его поведения его собственное детство. Научился видеть его родителей, его отношение к ним и их отношение к нему.

Это нелегко описать словами, но всё начало происходить именно так – общаешься с человеком, оцениваешь всю его жестикуляцию, микромимику, движения глаз, смех, в итоге сразу возникает картина его семьи, его детства.

Кто-то, возможно, поймёт меня, но вероятнее всего, это будет трудно.

Скажу лишь, что отчётливее всего "детство" человека видно, когда он вдруг начинает нервничать, раздражаться или же просто обижаться (в случае обид "детство" всплывает в наиболее чётком виде). Вот именно в этот момент, если обращать внимание на все его реплики (их содержание, их экспрессию), на неконтролируемые движения, на грима-

сы злости или обиды – то отчётливо видишь, как всё это он проделывал в детстве, и как тогда это всё формировалось, в каких условиях, под каким воздействием со стороны родителей.

В такие моменты человек словно обнажается – перед тобой возникает самый отчётливый образ настоящего ребёнка. Ребёнка, облачённого в тело взрослого человека, но в душе навсегда так и остающегося ребёнком. И тогда ты видишь всё его детство – как на ладони. Видишь его душу. Видишь его детские потребности, которые так и не были удовлетворены. Видишь его надежды в отношении родителей, которые так и остались проигнорированными. Видишь его детские обиды, видишь то, чем он пытался привлечь родительское внимание, которые были слишком заняты, чтобы заметить самое важное существо в своей жизни. Видишь будто бы конкретные моменты его детства многолетней давности, которые он и сам, вероятно, уже не помнит.

В этот момент ты словно выхватываешь возникший образ ребёнка из ненужной наносной пелены социальных установок взрослого человека, выхватываешь и удерживаешь в руках перед глазами. С этого момента ты всегда и точно будешь знать, какой подход нужен к этому конкретному человеку, будешь знать, как сделать так, чтобы расположить его к себе, каким именно образом заставить улыбаться или грустить.

В тот момент, когда ты нащупал "ребёнка" в человеке, ты уже никогда его не упустишь. И что самое интересное, что

бы он дальше ни сделал, как бы больно ни сделал тебе, а ты не сможешь никогда уже злиться на него так, как злился бы, если бы воспринимал его исключительно как взрослого.

Вот уже несколько лет как при знакомстве с новым человеком я жму ему руку, говорю с ним, отпускаю шутки, улыбаюсь, порой делаю неуклюжий вид, порой серьёзный, но сам же автоматически считываю его ответные реакции.

Моё внимание начеку, даже если человеку кажется, что я смотрю в другую сторону.

Я ищу в нём "ребёнка".

Со временем это стало настолько простым занятием, что можно сравнить его с входом в комнату, заполненной воздушными шарами. Я иду по ней и лёгкими движениями рук отбиваю эти шарики в стороны – это не то, это не то, всё наносное, неестественное, слишком социализированное, слишком "взрослое", слишком недостоверное, вот один образ, которому хочет соответствовать, вот другой, третий... И вдруг – бац! – за пеленой шариков я вижу его... Маленький, беззащитный, обычно грустный, жаждущий простой человеческой любви, которой ему так не хватало в детстве.

Ему может быть тридцать лет. Может быть сорок и пятьдесят...

Всё это не имеет значения – поскольку ребёнок он и есть ребёнок. Он навсегда.

Возможно, я зря здесь пишу такие сентенции. Действительно очень сомневаюсь, что меня поймут многие. Но даже

если не многие, то хоть кто-то – это уже хорошо.

Стараюсь излагать всё максимально доступно, образно – чтобы шло напрямиком в правое полушарие, которое со всем справится само.

В общем, как бы там ни было, а в своё время я понял, что не существует взрослых людей. Существуют лишь паспортные данные, которые откровенно врут. Мне удалось рассмотреть, что ребёнок остаётся в каждом человеке. С кем бы я ни общался, а всегда нащупывал его – с его детскими фантазиями, с его детскими устремлениями, с его детскими радостями и обидами...

Именно так возникла в моей голове концепция **"ребёнка внутри нас"**. Но я мог излагать её лишь в пределах образных выражений, а когда речь заходила о более-менее научном обосновании, то мне приходилось откровенно топтаться на месте. У меня не было ничего, кроме моих ощущений. К тому же я нащупал в людях лишь аффективную сторону "ребёнка", его эмоционально-волевую составляющую – тогда я и подумать не мог, что однажды удастся собрать факты, указывающие на то, что даже типы мышления, формирующиеся в детстве, навсегда остаются в психике взрослого человека. Не только эмоциональная сторона ребёнка остаётся, но даже и его мышление – синкретическое, нелепое, абсурдное.

Первое подтверждение своему убеждению, что "ребёнок" в нас остаётся, я нашёл в одной из статей об экспериментах Газзаниги. На тот момент мной уже неоднократно был про-

читан целый ворох работ об опытах с пациентами, перенёсшими комиссуротомию. Но во всех этих работах раскрывалась лишь суть особенностей восприятия каждого полушария, не больше. Передо мной обычно был всего лишь разрезанный надвое мозг взрослого человека. Но вот однажды попадаетея статья, где я впервые встречаю описание очередного эксперимента Газзаниги – тот самый эксперимент с 16-летним юношей Полом.

Когда я прочёл, как сознательно парень ответил, что хочет быть чертёжником, а бессознательно левой рукой выложил слово "автогонщик", я просто обомлел.

Я готов был тыкать пальцем в текст и вновь и вновь твердить с восторгом "Вот он, ребёнок! Вот он!".

Подробнее изучив данные об экспериментах над людьми с рассечённым мозгом, не составило труда найти и другие подтверждения эмоционально-волевой составляющей ребёнка в реакциях правого полушария. В частности тот известный случай, когда один из пациентов доктора Сперри в буднич-ный день по какому-то поводу повздорил со своей женой, и его левая рука ("детское" правое полушарие) принялась атаковать женщину. Правой же рукой ("социализированным" левым полушарием) мужчина вынужден был защищать жену от своей же левой руки (от "ребёнка" в себе).

Правое полушарие ведёт себя непосредственно, без оков сложных социальных установок – как и подобает эмоциональному ребёнку.

Грубо обобщая, можно сказать, что левое полушарие руководствуется принципом "НАДО", а правое – "ХОЧУ".

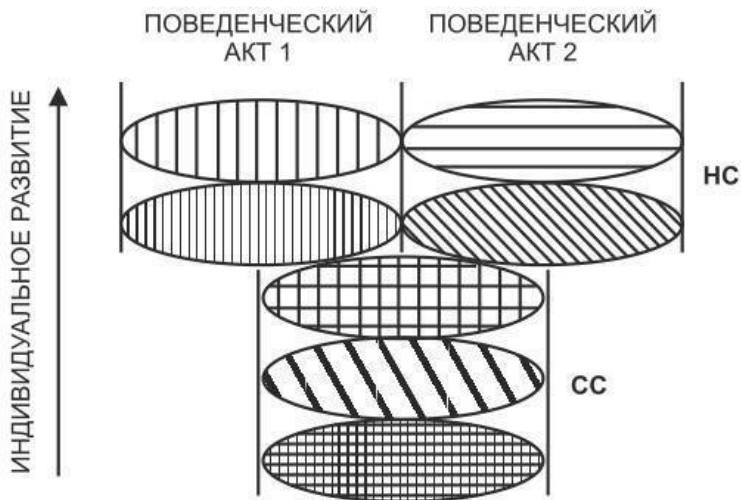
Это всё было очень хорошим подспорьем в моём предположении, что ребёнок в психике человека с годами никуда не исчезает, а остаётся в её глубинах прочно и навсегда. Но тогда я и не ожидал, что в итоге удастся обнаружить даже более важные свидетельства – тот факт, что правое полушарие и бессознательное обладают теми самыми способами мышления, которые когда-то были свойственны ребёнку. Это оказалось даже более важной опорой для изначальных предположений.

Именно изучение работ психоаналитиков об особенностях мышления бессознательного и сравнение их с работами Пиаже и Выготского об особенностях мышления детей дало мне в руки весь карт-бланш, который я и вывалил в данной работе.

В пользу гипотезы о **"ребёнке внутри нас"** говорят и интересные данные современной психофизиологии. В первую очередь это результаты исследований с позиций системной психофизиологии – самого прогрессивного направления в этой науке, основанного в прошлом веке Анохиным П. К. и углублённого Швырковым В. Б. Для психофизиологов уже не является секретом, что формирование нового опыта не переспециализирует (не меняет коренным образом) сформировавшиеся прежде нейронные системы, но как бы фиксируется поверх них, дополняет, наслаивается. То есть,

не происходит "перепрограммирования" всего имеющегося опыта в связи с поступлением нового, а скорее осуществляется наслаивание более нового усвоенного поведения поверх старого, которое также продолжает действовать. Они продолжают действовать вместе, наряду друг с другом – новый усвоенный опыт со старым.

"В экспериментах с регистрацией активности нейронов, специализированных относительно систем разного "возраста", обнаружено, что осуществление поведения обеспечивается не только посредством реализации новых систем, сформированных при обучении актам, которые составляют это поведение, но и посредством одновременной реализации множества более старых систем, сформированных на предыдущих этапах индивидуального развития" (Александров, 2014. С. 287).



Системная структура поведения

СС — «старые» системы; НС — «новые» системы.
Стрелка обозначает ход индивидуального развития

(Александров Ю. И. "Психофизиология", 4-е изд. 2014)

"Иначе говоря, реализация поведения есть реализация-истории формирования поведения, т.е. множества систем, каждая из которых фиксирует этап становления данного поведения", резюмирует Александров Ю. И.

Всё это совершенно ожидаемо указывает на то, что поведение взрослой особи непосредственно несёт на себе и отпечаток самых ранних стадий его развития – то есть пове-

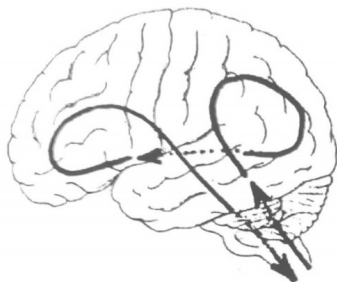
дения, выработанного в детстве. Данные психофизиологии прямо об этом говорят.

(Здесь стоит оговориться, что под воздействием нового опыта старые мозговые системы также могут меняться, но, видимо, очень медленно и незначительно. Как подчёркивает всё тот же Юрий Иосифович Александров, нейроны, формирующиеся для обслуживания нового поведения, в филогенетически древних (подкорковых) структурах представлены "в меньшей степени" или совсем отсутствуют" (Александров, 2014. С. 303). То есть, видимо, возможность "перезаписи" даже самых ранних функциональных систем существует, но этот процесс представляется очень сложным. Вероятно, для этого требуется кардинальная перестройка среды существования и на длительный срок

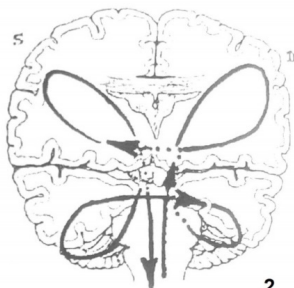
Важно понять, что разные мозговые зоны развиваются последовательно и, значит, каждая из зон созревает несинхронно с другими. Первоначально мозговые зоны формируются снизу вверх (от ствола к коре), затем развивается правое полушарие, а уже затем левое (Семенович, 2010. С. 376). Лобные доли формируются последними и, в принципе, продолжают развитие всю жизнь (в зависимости от жизненной активности индивида) (Там же. С.180).

Каждая последующая зона оказывает тормозящее влияние на все предыдущие (Худ, 2015), то есть контролирует их

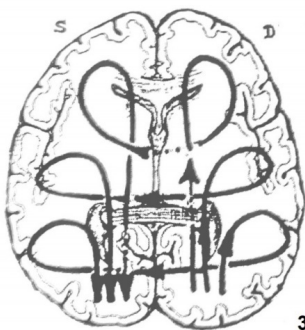
работу, что и можно свести к метафоре "взрослого", контролирующего "ребёнка" – того самого ребёнка, что навсегда остаётся в нас и по возможности себя проявляет, как правило, всегда действуя "фоном" всему нашему поведению.



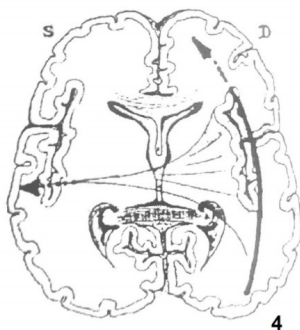
1



2



3



4

Подкорково-корковая и межполушарная организация процессов развития (Семенович, 2010)

Всё описанное выше и есть тот самый момент, который каждый из нас может разглядеть в общении с другим человеком, если имеется мало-мальски развитая наблюдатель-

ность. Это именно то, что мне и удалось когда-то ощутить в общении с другими. Но дело ещё и в том, что в своих "ощущениях" я интуитивно (тогда это было именно интуитивно, а осознал я это лишь позже) использовал метод **обратной реконструкции** – именно так это можно назвать. Если исходить из того, что всякое поведение формируется как ответ на специфическое воздействие среды (*для человека это в первую очередь специфика всех социальных контактов, для ребёнка это отношения с родителями*), то выработанное когда-либо поведение с той или иной степенью вероятности указывает на то, что в определённый период жизни ребёнка имела именно такая-то стимульная ситуация. То есть были вот именно такие-то отношения с родителями, в ходе которых и выработалось именно такое поведение ребёнка, что и проявляется во многих поведенческих актах уже взрослого человека.

В ряде случаев даже удавалось разложить по полочкам, с каким именно из родителей (какого пола) какие отношения были у человека – с матерью такие-то, а с отцом такие-то. Это на самом деле очень нелегко, откровенно сложно, очень много подводных камней, но порой оказывается возможным. И особенно интересно бывает тогда, когда начинаешь в увлечениях человека, в его деятельности разглядывать специфику его отношений с родителями. Вот это действительно интересно. След родителей есть везде, на всякой деятельности, которую осуществляет "ребёнок" (читай:

взрослый человек). Надо только уметь этот след разглядеть. А разглядеть его возможно именно благодаря тому, что "ребёнок" в нас остаётся. Никуда не исчезает. Он навсегда с нами. В каждом из нас.

Необходимо заметить, что, в свете всего выше изложенного, бессознательное человека видится чем-то весьма определённым, конкретным – никакой мистики, никакого трансцендента, который придавали этому явлению многие психоаналитики прошлого. В особенности этим был славен Юнг, который видел в бессознательном мост к опыту прошлых поколений, переправу в безграничные пределы космоса или даже связь с богом. Юнг наделял бессознательное такими загадочными и необъяснимыми свойствами, что было совсем неудивительно, как в итоге ворохом своей беллетристики на эту тему он скорее нагнал непроглядного тумана, нежели внёс хоть какую-то ясность. Сын церковника, что уж поделывать...

Мандала как архетипический символ человеческого совершенства...

Персона, тень, анима и анимус...

Стремление оплодотворить мать, чтобы породить свою идентичность...

Ох, господи... И как такое можно принимать всерьёз? Уж лучше читать советские газеты по утрам...

В бессознательном нет ничего присущего до какого бы то ни было опыта. В бессознательном нет никаких врождённых,

генетически передающихся из поколение в поколение символов и структур. Даже предполагать такое – смешно.

Всё много проще. Не надо искать загадок там, где их нет.

Мы можем относительно чётко сказать, что присуще бессознательному, а что нет, и можем сказать, откуда то или иное его свойство берёт своё начало. Потому что всё в человеке берёт своё начало из его **индивидуального опыта** из детства

Всё можно разложить по полочкам без малейшего мистицизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Давайте резюмируем всё, что нам удалось обнаружить в ходе обсуждения проблемы бессознательного.

1) Бессознательное человека регистрирует самые незначительные стимулы окружающей действительности, которые в силу малой своей интенсивности в большинстве случаев даже не доходят до сознания.

Даже грудные дети (4-8 месяцев) способны по мимике лица взрослого определять, говорит ли он что-то новое и на типичном ли языке. Группой учёных было проведено исследование по изучению важности роли речевой мимики в усвоении ребёнком языка (Weikum, Vouloumanos, Navarra et al., 2007). В ходе эксперимента детям демонстрировали на экране лицо диктора, говорящего текст на английском и на французском языках, но демонстрация была полностью беззвучной – детям была видна только мимика ведущего. И в тех случаях, когда происходила смена языка ведущего, (а соответственно, менялись и малейшие детали мимики), интерес ребёнка к видеозаписи возрастал с новой силой. Пока ведущий на записи в беззвучном режиме говорил только на английском, ребёнок смотрел на его лицо некоторое время, а потом терял интерес и начинал отвлекаться. Но как толь-

ко ведущий переключался на другой язык, внимание ребёнка вновь приковывалось к его лицу. Таким образом, даже подобный нюанс, как малейшие изменения в мимике говорящего при переходе на другой язык, воспринимается грудным ребёнком и приковывает его внимание. Мозг маленького ребёнка воспринимает такой ворох мельчайших деталей и прочно фиксирует их в психике, что большинство взрослых сильно недооценивают эту способность своих маленьких чад.

2) Человек запоминает много больше, чем может предполагать. **Возможно**, он и в течение жизни помнит **всё**, что однажды хоть на тысячную долю секунды попало в поле его восприятия, просто не осознаёт этого. **Возможно**, он помнит даже то, что происходило сразу же с момента рождения или даже то, что происходило в утробе.

3) **Вероятно**, неприемлемые для человека желания, оказавшись в бессознательной сфере его психики, продолжают в той или иной степени определять его поведение.

4) Влияние скрытых (неосознаваемых) стимулов именно на **поведение** человека существует, но оказывается весьма ограниченным. Пресловутый "**эфф**ект **25-го кадра**" сильно преувеличен СМИ. Как пишет Костандов "*... при проведении более тщательных экспериментов не подтвердились наделавшие много шума сообщения о том, что слова, не*

доходящие до сознания человека, могут существенно изменять его поведение, драматически влиять на реакции выбора или внушать определенные действия, которые противоречат его психологическим установкам. Был повторен эксперимент с подпороговым (неосознаваемым) предъявлением рекламной фразы "Хочу риса", которая вместе с изображением ложки, полной этого продукта, мелькала между кадрами художественного фильма так быстро, что зрители ее не осознавали. Статистически достоверного влияния на выбор риса обнаружено не было" (Костандов, 2004. С. 159). Эксперименты Сперри и Газзаниги показали, что в случае неосознаваемых команд элементарного повелительного типа (в духе "Встань" или "Смейся") могут оказывать влияние, но вот более сложные команды вряд ли выполнимы. Заставить человека покупать или потреблять строго заданный неосознаваемыми стимулами продукт вряд ли возможно. Костандов указывает, что такие влияния могут иметь место лишь в том случае, если эти стимулы уже были эмоционально значимы для субъекта. "Анализ многочисленных работ по неосознаваемому восприятию показывает: влияние неосознаваемых слов на поведение человека – реальный факт, но этот эффект так трудноуловим и неустойчив, что не может применяться как средство рекламы или в каких-либо других практических целях".

5) В бессознательном происходит и смысловая обработ-

ка стимулов. Их значение определяется, в происходящем вокруг выискиваются алгоритмы и принимаются решения о том, как себя вести согласно полученной информации и выявленным закономерностям. Всё это зачастую так и остаётся неосознанным.

*Но надо заметить, что когнитивная деятельность бессознательного имеет определённые границы, причём эти границы весьма узкие. Если Аллахвердов с позиций его когнитивистики и утверждает, что мозг **автоматически** определяет **все возможные** алгоритмы и не имеет ограничений на переработку информации, то это положение кажется всё же чрезвычайно сомнительным, так же, как и ряд интерпретаций экспериментов самим Аллахвердовым. Например, когда речь шла о способности бессознательного определять корень третьей степени шестизначного числа (Науменко, 2006). Если мы исходим из того, что операциональная структура бессознательного формируется в определённый период детства (доказательства чего были изложены в данной работе), то речь может идти лишь о слабых его когнитивных способностях*

б) Сознание в известной степени выполняет функцию интерпретатора, оправдателя тех действий, которые человек совершает по неосознаваемым им самим мотивам. То есть человек зачастую сначала делает, а потом объясняет себе, зачем он это сделал и почему. Из этого следует, что истинные

причины поведения самим человеком осознаются далеко не всегда.

7) Во многих случаях бессознательное обнаруживает результаты своей деятельности косвенным образом в различных психических актах человека, которые носят следы работы метафорического или метонимического переносов. Иными словами, деятельность бессознательного можно увидеть в символизации, которой человек незаметно для себя самого наполняет всю свою собственную жизнь.

8) Поскольку средства, которыми наполнено бессознательное человека, та совокупность образов, которыми оно оперирует, зависят от его **индивидуального опыта**, то никакие сонники не имеют смысла. Ведь значение каждого образа для человека во многом глубоко индивидуально, всякий кодируемый его бессознательным символ несёт на себе осязаемый отпечаток именно **индивидуального** смыслообразования. Исключением являются лишь те образы, которыми может быть пронизана **вся культура**, в которой рос данный человек. Насколько это число велико или ничтожно, судить очень сложно. Но больше похоже на то, что для каждого человека необходим свой собственный сонник, а никак не общий для всех.

9) И, наконец, бессознательное обладает понятийной и

мыслительной структурой, которая, формируется в психике ребёнка в период созревания мозолистого тела и окончательного функционального разделения полушарий мозга. Но в бессознательном остаётся не только интеллектуальная составляющая ребёнка, а также и составляющая аффективно-волевая – его эмоции и желания. Что самое интересное, желания, сидящие в бессознательном, могут самым непосредственным образом противоречить сознательным ("взрослым") желаниям, конфликтовать с ними. В ряде случаев это может выливаться в такие действия человека, которые, на первый взгляд, кажутся противоположными декларируемым убеждениям либо просто представляются абсурдными. Но это будет лишь на первый взгляд, а в действительности же не чем иным, как реализацией неосознаваемого желания.

Именно фактом наличия бессознательных мотивов, желаний объясняется большинство человеческих пристрастий к каким-либо явлениям окружающей действительности. Во многих случаях человек способен объяснить своё пристрастие так или иначе (но всё равно это не говорит о том, что так оно и есть, ведь мы помним, что интерпретация осуществляется лишь с определённой долей точности). Но в тех случаях (а их несоизмеримо больше в жизни конкретного человека), когда он не способен чётко и внятно ответить, почему ему нравится данное явление, а может лишь ограничиваться

утверждением "Мне просто нравится", можно смело видеть в данном "нравится" проявление бессознательных мотивов.

В своих лекциях Леонтьев разумно утверждал, что испытываемые эмоции при осуществлении той или иной деятельности являются сигналами о том, что происходит успешная или неуспешная реализация некоего мотива. И этот мотив, как правило, не осознаваем. Вот человек что-то делает, и у него возникает приятная эмоция – это поступает сигнализация о том, что скрытый мотив реализуется. Какой именно мотив? Это неизвестно. Даже самому субъекту. Он может об этом лишь догадываться. Он может лишь интерпретировать получаемое удовольствие – он может говорить "мне это нравится, потому что...", а дальше начинается белиберда. Он может как угодно рационализировать своё поведение и свои ощущения при этом, но в большинстве случаев будет далёк от истины, от реального понимания, почему он совершает данное действие.

Вспомним пример с другом моего детства и его "нравится" в отношении бильярда и классических костюмов с галстуками Имеется яркое пристрастие к явлению, но нет осознания его причин. Потому может оставаться одно лишь "нравится", либо может снабжаться рационализациями типа "нравится, потому что", но все эти "потому что" на деле будут откровенными домыслами.

Маленького мальчика, стремящегося быть не хуже всех и стремящегося доказывать другим, что он такой же, по-

надобилось всего лишь сводить в баню и показать ему атрибуты взрослых мужчин, чтобы годы спустя это обусловило у него возникновение интереса к галстукам и бильярду – вот так формируется это пресловутое **"нравится"**. Вот таким витиеватым и сложным образом формируются увлечения жизни.

*"...столкновение с внешним миром, будь то в форме негативного эмоционального опыта, будь то вследствие распространения желания на **запрещённые культурой** вещи, [...] становится неизбежным и влечёт за собой **метаморфозу влечения**" (Адлер, 2002).*

Следует акцентировать внимание на вышеприведённом разъяснении, которое А. Н. Леонтьев давал относительно связи мотива и эмоции. Суть его воззрения заключается в том, что эмоция не является причиной какой-либо данной конкретной деятельности. В простонародье ведь считается, что *"я делаю что-то, потому что мне **нравится** это делать; я испытываю при этом положительные чувства, потому и делаю"*. То есть в обыденном понимании эмоция сама по себе является как бы движущим фактором для какой-то деятельности, эмоция является непосредственно самым мотивом (*делаю, потому что нравится*). Но Леонтьев совершенно справедливо замечает, что эмоция – это лишь сигнализация из глубин психики, что реализуется какой-то

наш мотив (как правило, скрытый от нас самих). Иными словами, мы делаем нечто не потому, что нам это нравится, а совершенно иначе – нам это нравится, потому что, делая это, мы реализуем некий неосознаваемый мотив, приближаемся к некой неосознаваемой цели.

Перефразируя: у человека есть некая цель, которая возникла в ходе жизни, она побуждает его к разного рода деятельности, которая будет способствовать достижению этой цели; и вот когда человек принимается осуществлять деятельность, необходимую для реализации своего мотива, тут и возникают положительные эмоции. Как сигнализация о том, что мотив осуществляется, цель потихоньку достигается.

Это очень важные мысли, на самом деле.

Если вы останавливаетесь в своих суждениях на том, что занимаетесь чем-то, потому что вам это **нравится**, значит, вы себя совершенно не понимаете, не осознаёте своих истинных мотивов. Понять, что именно вам нравится – это оказаться лишь на полпути к пониманию себя.

Главное – как раз понять, **почему нравится**? А на этот вопрос уже сложнее ответить. Невероятно сложно. И в большинстве случаев ответ будет неверным.

Человеку ничто не нравится на пустом месте. Любое его "нравится" имеет свои корни в его жизни, в его детстве, в самых глубинах формирования его психики, поскольку "нравится" возникает там, где реализуется неосознаваемый мо-

тив. Именно так. А эмоция – это лишь сигнализация о том, что ты всё делаешь правильно, что ты на верном пути к достижению цели.

Очень редко случается так, что человек действительно понимает истоки конкретного своего желания (не имеет значения, идёт ли речь о любви к красному цвету, шоколаду, сексу или научной деятельности). Но опыт показывает, что это самое "редко" настолько редко, что не случается почти никогда.

"Если мы расчленим мотивы на актуально осознаваемые и актуально не осознаваемые, то мы получим такое деление: огромный класс актуально не осознаваемых мотивов – большинство – и узкий круг актуально осознаваемых мотивов. Я бы сказал, почти чрезвычайные ситуации" (Леонтьев, 2007).

Понимание того факта, что в бессознательном присутствуют желания, совсем не совпадающие с сознательными ("взрослыми") желаниями человека, или же просто им неосознаваемые, является превосходной почвой для размышления над природой всего человеческого поведения. Невозможно построить приемлемую модель психики человека без учёта категории бессознательного. Оно необходимо, если мы действительно хотим наиболее полно понять психологию вида *Homo sapiens*.

Таким образом, в связи с наличием символической интерпретации можно сказать, что если какой-то мотив не до конца (либо вообще совершенно) не реализуется в прямом действии, в прямом своём виде (в силу запретов либо по каким другим ограничениям), то мы будем сталкиваться всё отчётливее с **символической** реализацией этого мотива. Данный аспект позволяет подходить к пониманию всякой деятельности человека точно так же, как и к пониманию сновидений или галлюцинаций. Иными словами, деятельность человека и все его увлечения подлежат такому же толкованию, что и сновидения и галлюцинации.

Прямая интерпретация и интерпретация **символическая** – вот уже два типа интерпретации, которые мы можем выделить у человека. А значит, соответственно же, наряду с прямой и символической интерпретациями мы можем выделить и два типа реагирования на них – реагирование **прямое** и **символическое**, что означает, что мотив может осуществляться как в прямом действии, так и в символическом виде. Это очень важный момент.

Только благодаря этим двум подходам будет возможно проработать все взгляды на прижизненное (опытное) формирование **всех** аспектов психики и поведения человека.

* * *

P.S. Ищите также другие книги автора, среди которых:

Соболев П. Ю. "Мифы об инстинктах человека".

Будут развеяны многие, в обывательской среде успевшие стать бесспорными, мифы о врождённых аспектах человеческой психики и поведения. На множественных примерах из зоопсихологии и психологии будет показано, что поведение человека (и даже всех высших обезьян) в корне отличается от поведения прочих животных видов и формируется в ходе опыта, а не задано генетически. Основная дискуссия развернётся со сторонниками социобиологии и эволюционной психологии, критике будут подвергнуты не только работы авторов-популистов как Дольник и Новосёлов, но и именитых учёных-антропологов и биологов (как М. Л. Бутовская и Марков А. В.).

Соболев П. Ю. "Миф моногамии, семьи и мужчины". Науке до сих пор неизвестна природа брака. Существующие гипотезы о происхождении союза мужчины и женщины имеют много слабых мест, и в этом плане на фоне прочих приматов человек продолжает оставаться уникальной обезьяной. С опорой на обширные научные данные в книге предложен новый взгляд и утверждается, что доисторическое рождение брака было обусловлено не какими-то биологическими факторами (гипотеза достоверного отцовства) или экономическими (передача имущества по наследству), а идеологическими: брак стал следствием однажды возникшего мужского господства и был призван это господство укрепить.

пить. Брак – древний механизм подчинения женщины.

Помимо этого в работе на основании многочисленных исследовательских данных вскрыты отрицательные аспекты таких, казалось бы, считающихся сейчас традиционными и значимыми явлений, как моногамный брак, нуклеарная семья и рождение детей – все эти явления, помимо возможных плюсов, содержат в себе и неперенные отрицательные влияния на психику современного человека.

Связаться с автором: <https://vk.com/sobolefff>

ЛИТЕРАТУРА

Агафонов А.Ю., Волчек Е.Е. "Психология мнемических явлений: Учебное пособие". Самара, 2005. Стр. 103.

Адам Д. "Восприятие, сознание, память: размышления биолога", 1983. Стр. 106.

Адлер А. Психическое лечение невралгии тройничного нерва // Практика и теория индивидуальной психологии. Издательство Института психотерапии, 2002. С. 90-112.

Александров Ю. И. "Психофизиология", 4-е изд. 2014.

Аллахвердов В. М., Воскресенская Е. Ю., Науменко О. В. Сознание и когнитивное бессознательное // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 12. Выпуск 2.

Аллахвердов В. М. "Опыт теоретической психологии", 1993. Стр. 26.

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психологика, т. 1). СПб: «Издательство ДНК», 2000.

Аткинсон Р. Л., Аткинсон Р. С., Смит Э. Е., Бем Д. Дж., Нолен-Хоэксема С., "Введение в психологию", 2007. С. 581-585.

Бандура А. Теория социального научения – СПб.: Евразия, 2000.

Барышнева С.В. Взаимосвязь представлений о детском

опыте и характеристик партнерских отношений у молодых взрослых. СПбГУ, 2016.

Бейтсон Г. Разум и природа. Неизбежное единство, И: Либроком, 2009. С. 29.

Беритов И. С. "Структура и функции коры большого мозга". Наука, 1969. Стр. 266.

Бильчугов С. Ю. Формирование элементов формальной логики у детей дошкольного возраста // Вопросы психологии, 1979, № 4. С. 56-65.

Блейхер В. М. Расстройства мышления. – Киев: Здоровье, 1983.

Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. "Мозг, разум и поведение", М.: Мир, 1988. Стр. 183.

Брунер Дж. "Психология познания: за пределами непосредственной информации", 1977.

Власова О. "Антипсихиатрия. Социальная теория и социальная практика", 2014.

Восприятие. Механизмы и модели / Под ред. Н.Ю.Алексеенко. М.: Мир, 1974. С.47—57.

Выготский Л. С. К проблеме психологии шизофрении // Хрестоматия по патопсихологии : учебное пособие / сост. Б.В. Зейгарник, А.П. Корнилов, В.В. Николаева. – Москва : Издательство Московского университета, 1981. – С. 60-65.

Выготский Л. С. "Психология искусства", 3-е издание, 1986.

Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: АСТ, 2008.

Гальперин П. Я. "Лекции по психологии", 2008.

Гальперин П. Я., Эльконин Д.Б. К анализу теории Ж. Пиаже о развитии детского мышления // Джон Х. Флейвелл. Генетическая психология Жана Пиаже. Послесловие. – М., 1967. – С. 616.

Гальперин П. Я., Георгиев Л. С. Психологические вопросы формирования начальных математических понятий у детей // Доклады АПН РСФСР, 1961, N 1, с.63-66.

Демидов В. "Как мы видим то, что видим", 2-е изд., 1987. С. 42.

Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М., 1999. Стр. 93.

Запорожец А.В. Основные проблемы онтогенеза психики // "Психология действия". – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж, 2000.

Зденек М. "Развитие правого полушария". Попурри, 2004 г.

Зейгарник Б.В. "Патопсихология". Издательство Московского университета, 1986. Стр. 150.

Зейгарник Б.В. "Запоминание законченных и незаконченных действий", 1927.

Зинченко Т.П. "Когнитивная и прикладная психология".

М. – Воронеж, 2000. С. 103.

Зорина З. А., Смирнова А. А., "О чём рассказали "говорящие" обезьяны: способны ли высшие животные оперировать символами?", 2006.

Каплан-Солмз К, Солмз М. Клинические исследования нейропсихоанализе. Введение в глубинную нейропсихологию. Академический проект, 2016 г.

Картер Р. "Как работает мозг". – Москва: АСТ: CORPUS, 2014. С. 50.

Клерманс А., Дестребекс А., Бойер М. "Имплицитное научение" // Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия. 2011. с. 156 – 166.

Костандов Э. А. "Восприятие и эмоции". М., 1977.

Костандов Э. А. "Психофизиология сознания и бессознательного". СПб.: Питер, 2004.

Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда // Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда. М., 1997, с. 154

Левина Р. Е. "Л.С. Выготский о планирующей речи ребенка" // Вопросы психологии, 1968, № 4. С. 105-115.

Ленин В. И. "Полное собрание сочинений", Т.29, стр. 172.

Леонтьев А. А. "Основы психолингвистики", 1997.

Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл,

2007.

Леутин В. П., Николаева Е. И. "Функциональная асимметрия мозга: мифы и действительность". – СПб., Речь, 2005.

Лурия, А. Р. К психоанализу костюма // Овчаренко В. И., Лейбин В. М. "Антология российского психоанализа: В 2 томах", Том 1. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. Стр. 212-223.

Лурия А. Р. "Лекции по общей психологии", Питер, 2006. С. 258.

Лурия А. Р., Цветкова Л. С. Нейропсихология и проблемы обучения в общеобразовательной школе: Учеб. пособие. 2-е изд., – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 2008. С. 18.

Майерс Д. "Интуиция. Возможности и опасности": Питер; СПб; 2010.

Малкина-Пых И. Г. "Психология поведения жертвы", 2006.

Медина Дж. Правила развития мозга вашего ребенка. Что нужно малышу от 0 до 5 лет, чтобы он вырос умным и счастливым. Эксмо; Москва; 2017.

Моллон Ф. Бессознательное. – М.: Проспект, 2002.

Налчаджян А. А. Ночная жизнь. – СПб.: Питер, 2004. С. 81.

Науменко О. В. Неосознанный процесс решения арифметических и логических задач // Экспериментальная психология познания: Когнитивная логика сознательного и бессознательного / В. М. Аллахвердов и др. СПб., 2006. С. 48-67.

Николаенко Н. Н. "Метафора как путь познания" // Независимый психиатрический журнал, 2005. № 1.

Нисбетт Р., Де Камп Уилсон Т. "Говорим больше, чем знаем: вербальные отчеты о психических процессах" // Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия. 2011. с. 177-194.

Обухова Л.Ф. Этапы развития детского мышления. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1972.

Обухова Л. Ф., Бурменская Г. В. "Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии": Учеб. пособие для студентов психол. специальностей и направлений / Под ред. Л. Ф. Обуховой, Г. В. Бурменской. – М.: Гардарики, 2001. С. 8.

Падучева Е. В. К когнитивной теории метонимии // Доклады международной конференции "Диалог", 2003.

Пиаже Ж. "Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное" // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 125—131.

Пиаже Ж. "Главные черты логики ребёнка" // Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 346.

Пиаже Ж. "Теория Пиаже" // Жан Пиаже: теория, экспе-

рименты, дискуссии: Сб. ст. / Сост. и общ. ред. Л.Ф.Обуховой и Г.В.Бурменской. М., 2001. С. 107.

Поппер К.Р. Логика и рост научного знания: Избр. работы. Пер. с англ. / К. Поппер; Сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 5-32] В. Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1983.

"Психологические исследования творческой деятельности", под ред. О. Тихомирова, 1975. С. 150.

Рид Д., Мошер Л. Р., Бенталл Р. П. "Модели безумия. Психологические, социальные и биологические подходы к пониманию шизофрении", Ставрополь: АНО "Про-Пси", 2008.

Ротенберг В. С. "Образ Я" и поведение. – Иерусалим : Ма-нахим, 2000.

Ротенберг В. С. "Образ Я" и поведение, 2015.

Ротенберг В. С. Сновидения, гипноз и деятельность мозга. – М.: Центр Гуманитарной литературы «РОН», 2001. Стр. 115.

Семенович А. В. В лабиринтах развивающегося мозга. Шифры и коды нейропсихологии. – М.: Генезис, 2010.

Сериков А. Е. Метафора и метонимия в практическом действии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия "Философия. Филология". – 2007, № 1. С. 132-142.

Сериков А. Е. Семиотические механизмы образования смысла как источники инноваций // Семиотика культуры:

антропологический поворот. Коллективная монография. – СПб.: Эйдос, 2011. Стр. 230.

Соболев П. Ю. Адекватное познание реальности, или Как заставить облей думать?, 2018.

Соколов А. Н. "Внутренняя речь и мышление", 1967.

Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг правый мозг. Асимметрия мозга. М.: МИР, 1983.

Тепленькая Х.М. Формирование понятий о принадлежности к классу и соотношениях классов/подклассов у детей 6—7 лет // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: Сб. ст. / Сост. и общ. ред. Л.Ф.Обуховой и Г.В.Бурменской. М., 2001. С. 414.

Траченко О. П. "Функциональная асимметрия мозга и принципы анализа лексического и грамматического материала" // Физиология человека, 2001.– № 1.-С.29-35.

Улыбина Е. В. Обыденное сознание в картине мира личности: психосемантический подход. Диссертация на соискание учёной степени доктора психологических наук. Ставрополь, 1999.

Филиппова Е.В. О психологическом механизме перехода к операциональной стадии развития интеллекта у детей дошкольного возраста // Вопросы психологии. 1976. № 1.

Фрейд З. "Психопатология обыденной жизни". – СПб: Аз-

бука-классика, 2008а.

Фрейд З. "Остроумие и его отношение к бессознательному", 2008b.

Фрейд З. "Толкование сновидений". Изд: Попурри, 2008с.

Фрит К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. – М: Астрель: CORPUS, 2010.

Фролова Ю. Г. Психосоматика и психология здоровья: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – Мн.: ЕГУ, 2003.

Худ Б. Иллюзия "Я", или Игры, в которые играет с нами мозг. Изд: Эксмо, 2015.

Шактер Д. "ИмPLICITное знание: новые перспективы изучения неосознаваемых процессов" // Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия. 2011. с. 146-155.

Черниговская Т. В. В своём ли мы имени? // Канун. – Вып.2. Чужое имя. – СПб, 2001. -С.246-260.

Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера. Язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Черниговская Т. В., В. Л. Деглин. Метафорическое и синлогическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Ученые записки Тартуского Университета, Труды по знаковым системам, – Тарту, 1986, вып. 19, 68-84.

Чуковский К. "От двух до пяти" // Корней Чуковский, Собрание сочинений в 15 т. Т. 2. М., Терра – Книжный клуб, 2001.

"Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа", М, 1994. с. 36.

Юнг К.Г. Архетип и символ. М: Ренессанс, 1991.

Якобсон Р. Два вида афатических нарушений и два полюса языка // Язык и бессознательное (Работы разных лет). "Гнозис", 1996. Стр. 27-53.

Alvarez S., Levitan S., Reggia J. Metrics for cortical map organization and lateralization // Bulletin of mathematical biology. 1998. V. 60. P. 27–47.

Arieti, B. S. Interpretation of Schizophrenia, Second Edition. Interamente rivista ed ampliata. New York: Basic Books. 1974.

Bishop, K. M., Wahlsten, D. Sex differences in the human corpus callosum: myth or reality? // Neurosci. Biobehav. Rev., 21 (1997), pp. 581-601.

Cappella J.N. and Panalp S., "Talk and silence sequences in informal conversations: III. Inter-speaker influence", Human Communication Research, 7 (1981), 117–32.

Castiello, U. (2005). The neuroscience of grasping. Nature

Reviews Neuroscience, 6(9), 726-736.

Claxton, G. "Investigating human intuition: knowing without knowing why" // *the Psychologist*, 1998. Volume 11, № 5. p. 217-222.

de Lacoste-Utamsing, M. C., & Holloway, R. L. (1982). Sexual dimorphism in the human corpus callosum. *Science*, 216, 1431-1432.

Delgado J. M., "Physical Control of the Mind: Toward a Psychocivilized Society", 1969.

Destrebecqz, A., Cleeremans, A., "Can sequence learning be implicit? New evidence with the process dissociation procedure" // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2001 Jun; 8(2):343-350., 2001.

Dimberg U. et al. (2000) Unconscious facial reactions to emotional facial expressions. *Psychological Science*. 11 (1): 86-89.

Dixon N. F. *Subliminal perception: The nature of a controversy*. New York: McGraw-Hill; 1971.

Dixon N. F. "Our Own Worst Enemy". 1987.

Eagle M. The effects of subliminal stimuli of aggressive content upon conscious cognition // *Journal of Personality*. 1959. V. 27. P.578-600.

Engbert, R., Kliegl, R. "Microsaccades uncover the orientation of covert attention" // *Vision Research*, Volume 43,

Ferbert A, Priori A, Rothwell J.C., Interhemispheric inhibition of the human motor cortex .*Journal of Physiology* (1992), 453, pp. 525-546

Gazzaniga, M. S., (1967). The split brain in man. *Scientific American*, 217, 24-29.

Gazzaniga, M. S., Hillyard, S.A. Language and speech capacity of the right hemisphere. *Neuropsychologia*, 1971; 9, 273–280.

Gazzaniga, M. S., LeDoux, J.E., & Wilson, D.H. Language, praxis, and the right hemisphere: Clues to some mechanisms of consciousness. *Neurology*, 1977; 27, 1144–1147.

Gazzaniga, M. S., LeDoux, J. E. (1978). *The integrated mind*. New York: Plenum press.

Gazzaniga, M. S. *The Social Brain: Discovering the Networks of the mind* (1985). Basic Books, New York, pp. 72–80

Jaynes, J, *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind*, 1976

Jaynes, J, *Consciousness and the Voices of the Mind*, 1986.

Kennedy T. D. «Verbal Conditioning Without Awareness: The Use of Programmed Reinforcement and Recurring Assessment of Awareness». *Journal of Experimental*

Psychology, 1970, 84: 484-494.

Kennedy T. D. «Reinforcement Frequency, Task Characteristics, and Interval of Awareness Assessment as Factors in Verbal Conditioning Without Awareness». Journal of Experimental Psychology, 1971, 88: 103-112.

Klein G.S. Perception, motives and personality: a clinical perspective. In: Psychology of personality: six modern approaches, ed. J. L. McCary. New York, Logos Press, 1956.

Levy, J., & Trevarthen, C. (1976). Metacontrol of hemispheric function in human split-brain patients. Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, Vol 2(3), Aug 1976, 299-312.

Matte-Blanco, I. The unconscious as infinite sets, London: Duckworth. 1975.

McGinnies, E. (1949). Emotionality and perceptual defense. Psychological Review, 56, 244-251.

Meyer B.U., Roricht S., Graf von Einsiedel H., Kruggel F., Weindl A. Inhibitory and excitatory interhemispheric transfers between motor cortical areas in normal humans and patients with abnormalities of the corpus callosum. Brain. 1995 Apr; 118 (Pt 2):429-40.

Mitchell, D.B. «Nonconscious priming after 17 years: Invulnerable implicit memory?», Psychological Science, 17 (2006), 925–9.

Ottoson D, ed. (1987): Duality and Unity of the Brain. England: MacMillan Press. p. 436.

Pace-Schott E. F. REM sleep and dreaming. – 2011. – P. 8.

Postman L., & Sassenrath J. «The Automatic Action of Verbal Rewards and Punishments». Journal of General Psychology, 1961, 65: 109-136.

Hafed, Z. M., Clark, J. J. (2002). Microsaccades as an overt measure of covert attention shifts. Vision Research 42: 2533-2545.

Hazan C. and Shaver P. Romantic love conceptualized as an attachment process, Journal of Personality and Social Psychology, 52 (1987), 511–24.

Hobson, J. A. (1988). The dreaming brain. New York, NY, US: Basic Books.

Hoppe K. D., Bogen J. E. Alexithymia in twelve commissurotomized patients // Psychother Psychosom. 1977; 28(1-4):148-55.

Radha, S. S. (1994). Realities of the dreaming mind. Spokane, WA: Timeless books. P. 119.

Reber A.S. Implicit learning and tacit knowledge // Journal of Experimental Psychology: General , 118. 1989. p. 219-235.

Segal, H. (1957). Notes on symbol formation. *The International Journal of Psychoanalysis*, 38, 391-397.

Sperry R. W. Brain bisection and consciousness // *Brain and Conscious. Experience*. Eccles J. C. C. (ed.). – N.Y., 1966.

Shin, Y. W, Kim, D. J., Ha, T. H., Sex differences in the human corpus callosum: diffusion tensor imaging study. *Neuroreport*. 2005; 16: 795–798.

Swinney D.A. Lexical access during sentence comprehension: Reconsideration of context effects // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1979. No.10

van Baaren R.B., Janssen L., Chartrand T.L. and Dijksterhuis A., "Where is the love? The social aspects of mimicry", *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 364 (2009), 2381–9.

Varraine, E., Bonnard, M., & Pailhous, J. (2002). The top down and bottom up mechanisms involved in the sudden awareness of low level sensorimotor behavior. *Cognitive Brain Research*, 13(3), 357-361.

Weikum, W. M., Vouloumanos, A., Navarra, J. et al. Visual language discrimination in infancy. *Science*. 2007 May 25; 316(5828):1159.

Zaidel, E. (1975). A technique for presenting lateralized visual input with prolonged exposure. *Vision Research*, 15(2),

283-289.